

НАУЧНЫЙ СОВЕТ АН СССР ПО ПРОБЛЕМАМ КОНКРЕТНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

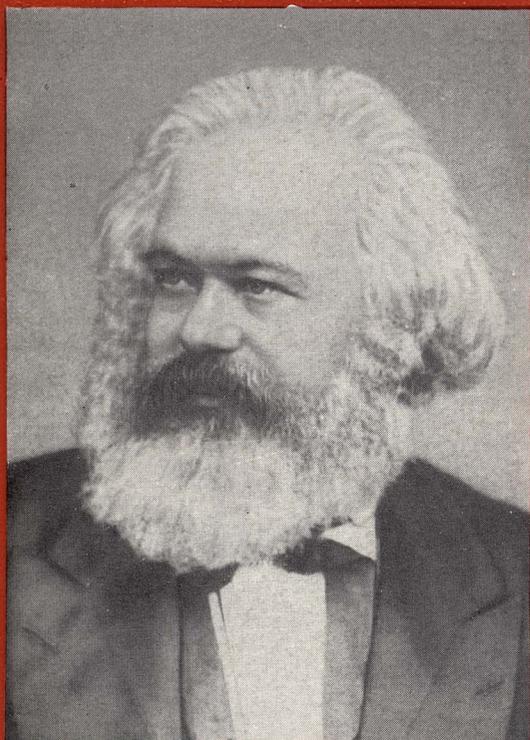
СОВЕТСКАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ АССОЦИАЦИЯ

ИНСТИТУТ КОНКРЕТНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ АН СССР

ИНФОРМАЦИОННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ

3

МАРКС И СОЦИОЛОГИЯ

СЕРИЯ

МАТЕРИАЛЫ
И СООБЩЕНИЯ

МОСКВА • 1968

НАУЧНЫЙ СОВЕТ АН СССР ПО ПРОБЛЕМАМ
КОНКРЕТНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
СОВЕТСКАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
ИНСТИТУТ КОНКРЕТНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ АН СССР

ИНФОРМАЦИОННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ № 3
СЕРИЯ: МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

МАРКС И СОЦИОЛОГИЯ

Общая редакция и вступительная
статья Г.В. Осипова

Москва 1968

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
"ИНФОРМАЦИОННОГО БЮЛЛЕТЕНЯ"

В.М. Колбановский	- ответственный редактор
Л.А. Воловик	- ответственный секретарь
И.В. Бестужев-Лада	
В.Г. Васильев	
Б.А. Грушин	
Т.И. Заславская	
В.Ж. Келле	
И.С. Кон	
О.С. Кордобовский	
В.Н. Кудрявцев	
Н.И. Лапин	
К.А. Левада	
Н.С. Мансуров	
И.В. Павлов	
З.И. Сагнбург	
В.А. Ядов	

КАРЛ МАРКС - ОСНОВОПОЛОЖНИК НАУЧНОЙ СОЦИОЛОГИИ

Советские социологи, следуя традициям Карла Маркса, в последнее время достигли заметных успехов в развитии социологических наук в СССР: общей и прикладной социологии, социальной психологии, социальной демографии, социальной статистики, социальной антропологии и этнографии и др. В общей форме эти успехи характеризуются следующими основными моментами - развитием конкретных социологических исследований, совершенствованием научного метода социального познания, усилением связи социологических наук с международным революционным движением и практикой коммунистического строительства в социалистических странах, возрастанием точности научно-социальных предсказаний и прогнозов на базе широкого проникновения математических методов в социологию.

Успехи в развитии социологических наук на базе конкретных исследований получили высокую оценку на XXIII съезде КПСС. "Социологические исследования, - отмечалось в докладе А.Н. Косыгина, - с каждым днем играют все большую роль в решении практических вопросов - политических, производственных, идеологических".

Эти исследования, проведенные на основе материалистического понимания истории, являются не только одним из важнейших условий дальнейшего совершенствования общесоциологической теории марксизма, но и дают объективную информацию о функционировании и развитии конкретных социальных процессов и организмов, социальных институтов и групп, способствуя тем самым научному руководству и управлению общественным развитием.

Управление обществом на современном этапе требует знания механизмов действия не только экономических, но и социальных законов. Это, в свою очередь, создает необходимость систематических конкретно-социологических исследований всего

круга проблем, связанных с деятельностью человека, его объективным положением в обществе, потребностями, и степенью их реализации, а также с отношением человека к различным явлениям и процессам, его окружающим.

Исследование механизма действия социальных законов - это исследование различных форм социальной деятельности людей, в рамках которых эти законы проявляются. Изучение социальной деятельности людей требует специфической методики и техники, приспособленной к изучению человека в системе социальных отношений (анкетные опросы, интервью, наблюдение, социальные эксперименты, социологические и социально-психологические тесты, анализ личных и официальных документов, применение различных математических и статистических методов сбора и обработки первичной социологической информации), т.е. тех методов, которые широко использовали в научной работе К.Маркс, Ф.Энгельс, В.И.Ленин и их последователи. Эта обширная сфера общественной жизни и является объектом проводимых социологами конкретных социальных исследований.

Вполне понятно, что успехи социологических наук в СССР, их исключительно большое внимание к проблемам социальных отношений и к личности вызвали известную реакцию на Западе.

Опасность, которую таит в себе для капитализма развитие конкретных социологических исследований в СССР, усиливается еще и потому, что эти исследования, по признанию самих буржуазных социологов, органически, неразрывно связаны с идеологией и политикой Коммунистической партии Советского Союза.

1. Материалистическое понимание истории - основа научной социологии.

Своим рождением научная социология и ее специфические методы анализа социальной действительности обязаны не Огюсту Конту, а Карлу Марксу.

Возникновение социологии как науки неразрывно связано с открытием К.Марксом материалистического понимания истории, которое "исходит из того положения, что производство, а вслед за производством обмен его продуктов, составляет основу вся-

кого общественного строя; что в каждом выступающем в истории обществе распределение продуктов, а вместе с ним и разделенные общества на классы или сословия, определяется тем, что и как производится, и как эти продукты производства обмениваются^{1/}.

Материалистическое понимание истории является "синонимом общественной науки". Вслед за Марксом В.И. Ленин видел в нем теоретическую и методологическую основу всех общественных наук - истории, политической экономии, права и т.д. Впервые на научную основу была поставлена и социология. "... Эта гипотеза (материалистическое понимание истории - Г.О.), - отмечал В.И. Ленин, - впервые создала возможность (курсив наш) научной социологии ... Только сведение общественных отношений к производственным и этих последних к высоте производительных сил дало твердое основание для предоставления развития общественных формаций естественно-историческим процессом"^{2/}.

Марксова материалистическая теория общества имела для социологии такое же огромное значение, как и теория происхождения видов Ч. Дарвина для биологии.

Однако материалистическое понимание истории вовсе не означало отказа от исследования человека, его воли, желаний, интересов, социальных ориентаций и социальных отношений.

Указывая на то, что изучение разума, воли, социальных отношений людей, оценки человеческих действий является необходимым, В.И. Ленин еще раз подчеркнул заслугу К. Маркса, заключающуюся не в том, что он сбросил со счета все эти факторы, а в том, что он позволил исследовать их на научной основе (на базе материалистического понимания истории), дав объективный критерий разграничения в сложной сети общественных явлений - явлений важных и неважных^{3/}.

1/ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 210.

2/ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 138.

3/ Там же, стр. 137.

Тождественно ли материалистическое понимание истории (исторический материализм) понятиям "социология", "политическая экономия" и т.д. Нет, на наш взгляд, нетождественно. Именно против этого отождествления материалистического понимания истории и конкретных общественных наук в свое время предостерегали К.Маркс и Ф.Энгельс.

Социология, политическая экономия и другие общественные науки стали науками в подлинном смысле этого слова только с открытием материалистического понимания истории. Исторический материализм — это живая душа всех общественных наук, а не монополия какой-либо одной или нескольких общественных наук. Именно поэтому В.И.Ленин отмечал, что "материализм в истории никогда не претендовал на то, чтобы все объяснить, а только на то, чтобы указать "единственно научный", по выражению К.Маркса, ... прием объяснения истории"^{1/}.

Задача, которая стояла перед Марксом, заключалась не в том, чтобы с открытием материалистического понимания истории "ликвидировать" все общественные науки, а в том, "чтобы согласовать науку об обществе, т.е. всю совокупность так называемых исторических и философских наук, с материалистическим основанием и перестроить ее соответственно этому основанию"^{2/}.

Социологическая и социальная мысль возникли задолго до Маркса. Однако наукой социология стала только со времени великих открытий, совершенных Марксом в области общественной мысли.

Связывать возникновение социологии с происхождением ваемого термина "социология", впервые предложенного О.Контom, вряд ли было бы правильно. Из истории науки известно, что вначале зарождается, складывается и развивается наука, а затем уже уточняются термины, определяются категории. Более того, О.Конт, также как и Г.Спенсер, был не столько социологом, сколько спекулятивным философом. Разрабатывая курс позитивной

1/ В.И.Ленин. Полн.собр.соч., т.1, стр. 14.

2/ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.21, стр. 189.

философии, Конт вынес за рамки изложенной им системы наук - астрономии, математики, физики, химии, биологии - все, что не укладывалось в его схему, обозначив все это, по примеру биологии, социологией. По Конту, социология и обществоведение по существу совпадали.

Карл Маркс создал реальные основы социологической науки, хотя сам никогда не употреблял слово "социология". Анализируя вклад Маркса в социологическую науку, В.И. Ленин использовал и термин "социология", вложив в него новое научное диалектико-материалистическое содержание.

2. Создание теории общественно-экономических формаций.

Уже ранние философско-экономические рукописи Карла Маркса содержат подход к созданию собственно социологической науки. Исходным понятием в них являлось понятие "практической социальной деятельности" или "социальной практики". Исследования Маркса привели его к необходимости выработать более широкий подход к проблемам "практической социальной деятельности", и именно поэтому он особо выделяет и разрабатывает вначале историю ("Немецкая идеология", 1845), затем политическую экономию (труды, предшествующие "Капиталу", и сам "Капитал"). В процессе этой работы К. Маркс и Ф. Энгельс постоянно исследуют и развивают собственно социологическую проблематику.

Анализ истории и политической экономии привел Карла Маркса к созданию теории общественно-экономических формаций. Наиболее четкая формулировка этой теории была дана в "Предисловии "К критике политической экономии". Здесь впервые в истории социального знания он выделил экономическую структуру общества как основу возвышающихся над ней и изменяющихся вслед за ней социальной, политической и идеологической структур, материалистически объяснил причинную зависимость основных структурных элементов общества, генезис и функционирование общества как сложной саморазвивающейся системы.

Научный метод в социологии состоит в том, отмечал В.И. Ленин, что "общество рассматривается как живой, находящийся в постоянном развитии организм /а не как нечто механически

оцепленное и допускающее поэтому всякие произвольные комбинации отдельных общественных элементов/, для изучения которого необходим объективный анализ производственных отношений, образующих данную общественную формацию, исследование законов ее функционирования и развития" /курсив наш - Г.О./^{1/}.

Исследование общества как социального организма предполагает изучение двух групп законов - законов развития и законов функционирования данной общественно-экономической формации /хотя само их различие условно и относительно/.

В основе исторического подхода К.Маркса лежит идея детерминизма. В.И.Ленин отмечал, что "сама по себе эта идея материализма в социологии была гениальная идея" .

Фридрих Энгельс впервые применил понятие "исторический материализм" "для обозначения того взгляда на ход всемирной истории, который конечную причину и решающую движущую силу всех важных исторических событий находит в экономическом развитии общества, в изменениях способа производства и обмена, и вытекающем отсюда разделении общества на различные классы и в борьбе этих классов между собой"^{2/}.

Исторический подход дает, в первую очередь, концепцию закономерностей, определяющих характер и направление исторического развития общества в целом (решающая роль способа производства, закон соответствия производительных сил и производственных отношений, закон классов и классовой борьбы, закон социальной революции и др.).

Функциональный подход К.Маркса /который распространялся им как на познание общества в целом, так и на каждое отдельное социальное явление/ не только не противоречит принципам историзма и причинности, но дополняет эти принципы. Именно на это обращал внимание В.И.Ленин, критикуя разного рода вульгарных материалистов и их концепцию о том, что функциональность не может быть видом причинности.

1/ В.И.Ленин. Полн.собр.соч., т.1, стр. 165.

2/ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.22, стр. 305-306.

Законы функционирования общественно-экономических формаций (соотношение базиса и надстройки, общественного бытия и общественного сознания, экономики и политики, политики и идеологии и др.) – это главным образом законы взаимосвязи и взаимовлияния различных структур общества – экономической, социальной и политической.

Историзм предполагает строгую субординацию этих структур. Функционализм, учитывая эту субординацию, изучает значение той структуры, которая в данный момент играет решающую роль в историческом процессе, определяет или воздействует на все остальные структуры общества. Так, оценивая социально-политическое положение страны в 1917 году, В. И. Ленин ~~указывал~~, что социальная структура общества и власти характеризуется изменениями, без уяснения которых нельзя сделать ни шагу в какой-нибудь области общественной деятельности. От уяснения этих изменений зависит вопрос о перспективах, понимая под этим, конечно, не пустые гадания насчет того, чего не ведает никто, а основные тенденции экономического и политического развития, – те тенденции, равнодействующая которых определяет задачи, направление и характер деятельности всякого сознательного общественного деятеля.

Органическое единство исторического и функционального подходов к анализу общества – это крупное научное достижение Маркса. Сочетая исторический и функциональный метод в исследовании конкретных социальных ситуаций, В.И. Ленин последовательно развенчивал и разбивал идеалистическую социологию народников, вульгарных экономистов, меньшевистских догматиков, героев "левой" фразы и научно определял направление и содержание политической линии Коммунистической партии в каждый конкретный исторический период.

3. Разработка основных принципов теории социального взаимодействия.

Карл Маркс создавал теорию общественно-экономических формаций как философско-историческую концепцию общества, опи-

раясь на достижения исторических и общественных наук своего времени и опыт революционной практики.

Важнейшее условие развития общесоциологической теории марксизма – прогресс всего комплекса общественных наук, и, в первую очередь, наук, исследующих различные сферы жизни общества (экономические, социологические, политические). Взаимодействие различных сфер и сторон жизни общества, при определяющей роли экономической структуры, придает развитию общественно-экономических формаций характер естественно-исторического процесса.

"Возьмите определенную ступень развития производительных сил людей, – писал К.Маркс, – и вы получите определенную форму обмена / *commerce* / и потребления. Возьмите определенную ступень развития производства, обмена и потребления, и вы получите определенный общественный строй, определенную организацию семьи, сословий или классов, – словом, определенное гражданское общество. Возьмите определенное гражданское общество, и вы получите определенный политический строй, который является лишь официальным выражением гражданского общества"^{1/}.

В нашей литературе поставлен правомерный вопрос о необходимости различения общества как целого и его отдельных сторон, сфер, уровней, и соответственно, наиболее общих законов общественного развития и частных социальных законов, относящихся к одной или нескольким сферам общества.

В отличие от исторического материализма, который исследует весь социальный процесс, все общественное движение в целом, конкретные общественные науки изучают лишь отдельные стороны общественной жизни. Экономическая структура общества изучается экономическими науками, социальная – социологическими науками и политическая – политическими науками. Основная задача исторического материализма состоит в том, что, опираясь на достижения всех общественных наук и революционной практики, исходя именно из материального производства непосредственной

^{1/} К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.27, стр. 402.

жизни, рассмотреть действительный процесс производства и понять связанную с данным способом производства и порожденную им форму общения — то есть гражданское общество на его различных ступенях — как основу всей истории; затем необходимо изобразить деятельность гражданского общества в сфере государственной жизни, а также объяснить из него все различные теоретические порождения и формы сознания, религию, философию, мораль и т.д. и т.д. и проследить процесс их возникновения на этой основе, благодаря чему, конечно, можно изобразить весь процесс в целом"^{1/}.

Подобно экономическим и политическим наукам, социологические науки исследуют не общество в целом, а лишь одну его сторону — систему социальных отношений людей (трудовые, семейные, социально-психологические, национальные, классовые, межличностные, групповые и т.д.) и различных общественных форм, определяющих характер и содержание функционирования этих отношений.

К.Маркс и Ф.Энгельс не имели возможности, к сожалению, проследить в деталях эту сторону деятельности общества. Это было обусловлено теми огромными историческими задачами, которые стояли перед ними. Рассматривая это как определенный пробел в своей теоретической деятельности, Ф.Энгельс писал: "... главный упор мы делали... сначала на выведении политических, правовых и прочих идеологических представлений и обусловленных ими действий из экономических фактов, лежащих в их основе

При этом из-за содержания мы тогда пренебрегали вопросом о форме: какими путями идет образование этих представлений и т.п."^{2/}.

Главное в марксизме — это содержательный анализ общества. Признание этого очевидного факта не отрицает, а предполагает исследование форм и процессов, определяющих характер и

1/ К.Маркс и Ф.Энгельс. Собр.соч., т.3, стр. 36-37.

2/ Там же, т.39, стр. 82.

направление функционирования общества на каждом историческом этапе его развития. Это исследование включает учет самых различных факторов, участвующих во взаимодействии в данной конкретной ситуации с тем, чтобы выработать и научно обосновать ту или иную форму политической /практической/ деятельности в этой ситуации.

Однако, уже при жизни К.Маркса и Ф.Энгельса обнаружилось тенденции к преувеличению экономической стороны и пренебрежению другими сторонами и факторами, участвующими в социальном взаимодействии. Об этом с глубоким сожалением писал Ф.Энгельс: "Маркс и я отчасти сами виноваты в том, что молодежь иногда придает больше значения экономической стороне, чем это следует. Нам приходилось, возражая нашим противникам, подчеркивать главный принцип, который они отвергали, и не всегда находилось время, место и возможность отдавать должное остальным моментам, участвующим во взаимодействии... К сожалению, сплошь и рядом полагают, что новую теорию вполне поняли и могут ее применять сейчас же, как только усвоены основные положения, да и то не всегда правильно. И в этом я могу упрекнуть многих из новых "марксистов"; ведь благодаря этому так же возникла удивительная путаница"^{1/}.

Каждая конкретная социальная ситуация, явление или процесс есть результат взаимодействия огромного количества различных сил. И в социальной области возникает сложная многофакторная и корреляционная зависимость, предполагающая взаимосвязь, противоречия между экономическими и социальными, между социальными и идеологическими сторонами жизни общества, между реальным экономическим положением людей и их субъективным пониманием этого положения. Именно это обстоятельство имел в виду Ф.Энгельс, когда отмечал, что конечный итог развития того или иного социального процесса и явления — это не автоматическое следствие данных экономических отношений, а результат социального взаимодействия людей. Этот результат "всегда

I/ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 37, стр. 396.

получается от столкновений множества отдельных волей, причем каждая из этих волей становится тем, что она есть, опять-таки благодаря массе особых жизненных обстоятельств. Таким образом, имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограммов сил, и из этого перекрещивания выходит одна равнодействующая — историческое событие^{1/}.

Теория социального взаимодействия позволяет исследовать законы статики социальной структуры общества, выявлять конкретные узловые части механизма функционирования этих законов, совершенствовать их и сознательно управлять ими в целях получения максимального социального эффекта. Исследование законов функционирования, законов действия различных социальных механизмов позволяет определять оптимальные пути для быстрейшего достижения целей, стоящих перед обществом.

В середине и даже в конце XIX века вероятность точного познания законов функционирования различных социальных систем и организмов была крайне незначительна. Она была ограничена уровнем развития математики и вычислительной техники. Современные достижения математических наук и вычислительной техники, современная методика и техника социальных исследований дают возможность конкретного изучения всех социальных сил и факторов, участвующих во взаимодействии, с целью получения научно обоснованных социальных прогнозов и научного управления развитием социальных процессов и явлений.

Таким образом, "исследовать движущие причины, которые ясно или неясно, непосредственно или в идеологической, может быть, даже в фантастической форме отражаются в виде сознательных поуждений в головах действующих масс и их вождей... это единственный путь, ведущий к познанию законов, господствующих в истории вообще и в ее отдельные периоды или в отдельных странах"^{2/}.

1/ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 37, стр. 395.

2/ Там же, т. 21, стр. 308.

Социологический анализ предполагает исследование социальных отношений людей различных общественных форм, воздействующих на эти отношения, социальных механизмов функционирования социальных систем и организмов.

Социология исследует, прежде всего, процесс становления, развития и смены социальных отношений людей, учитывая при этом совокупность всех противоречивых тенденций, воздействующих на эти отношения. Социология, таким образом, изучает социальную структуру общества – межклассовые и внутриклассовые отношения, систему социальных институтов и организаций, регулирующих эти отношения, развитие и взаимодействие различных социальных систем и структур внутри общества.

4. Карл Маркс и конкретная социология.

Функционирование любой конкретной социальной системы органически связано с функционированием общества в целом, а функционирование общества в целом определяется функционированием конкретных социальных систем – составных элементов общества. Поэтому исследование конкретных социальных явлений и процессов будет успешным только в том случае, если оно будет органически связано как с изучением законов функционирования общества в целом, так и изучением законов функционирования его отдельных частей /сфера **труда**, быта, образования и т.д./.

Социологический анализ предполагает одновременное изучение как общего, так и конкретного в их функциональной связи и взаимозависимости. Выделяя элементы социального исследования, Г.В. Плеханов писал: "Дело всякого исторического исследования приходится начинать с изучения состояния производительных сил и экономических отношений данной страны. Но на этом, разумеется, исследование не должно останавливаться: оно должно показать, как сухой остов экономики покрывается живой плотью социально-политических форм, а затем и это самая интересная, увлекательная сторона задачи, – человеческих идей, чувств, стремлений, идеалов. В руки исследователя поступает, можно сказать, мертвая материя, из его рук дол-

жен выйти полной жизни организм"^{1/}.

Марксистский диалектико-материалистический подход к изучению социальной жизни предполагает исследование двух основных групп закономерностей: общих закономерностей данной социальной структуры общества и специфических закономерностей функционирования отдельных социальных систем и организмов. Следовательно, как и всякая конкретная наука, социология состоит из двух частей - теоретической и специальной. Первая группа вопросов - это предмет исследования теоретической (общей) социологии, а вторая - специальной (отраслевой) социологии.

Каждый конкретный социальный организм, каждая система социальных отношений, функционирующая и развивающаяся в конкретных социальных условиях /предприятие, город, деревня, микрорайон, школа и т.д./, связана с социальным организмом в целом и является предметом изучения той или иной отрасли социологии. Люди, которые участвуют в различных сферах социальной деятельности, "принадлежат... к особым областям разделения труда" и образуют "самостоятельную группу внутри общественного разделения труда". Результаты их деятельности, "включая и их ошибки, оказывают обратное влияние на все общественное развитие, даже на экономическое"^{2/}.

Социологическое исследование конкретных областей общественного разделения труда и специфических интересов людей, образующих эти сферы разделения труда в их взаимосвязи с функционированием общества в целом, - задача различных отраслей единой социологической науки.

Есть единая марксистская политическая экономия, которая является основой и получает развитие в своих специальных отраслях - конкретной экономике промышленности, сельского хозяйства, транспорта, обслуживания, ценообразования и т.д.

1/ Г.В. Плеханов. Соч., т. УП, М.-Л., 1925, стр. 231.

2/ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 419.

Есть единая марксистская наука об историческом процессе и ее специализированные отрасли, связанные с изучением конкретных стадий и сторон этого процесса. Точно так же существует единая марксистская социологическая наука как сложное структурное целое, во-первых, взаимодействующее с системой смежных и пограничных наук; во-вторых, охватывающее определенные сферы общественного разделения труда; в-третьих, изучающее конкретные социальные системы и институты: государство, культуру, школу, армию, семью и т.д.

Общетеоретическая и методологическая основа этой науки, как и других общественных наук, — исторический материализм. Коренные принципы этого революционного учения являются "руководством к действию" для социолога, заставляют его покидать безжизненные сферы абстракции и идти к изучению "действительного жизненного процесса", "образа жизни" людей, "общения индивидов" в сферах труда, быта, воспитания и т.д. Не в противовес историческому материализму, а только на его базе и для его дальнейшего развития возможны и необходимы специализированные отрасли социологии.

Возьмем, например, социологические проблемы труда. Эта область социологии изучает систему трудовых отношений и соответственно социальных институтов их регулирующих. Ее задача — находить также общественные формы условий и организации труда, которые в наибольшей степени отвечают потребности экономического развития и интересам людей. Каждое промышленное предприятие представляет собой сложную социальную систему, подчиненную, с одной стороны, своим внутренним закономерностям развития, и с другой — в конечном счете закономерностям функционирования всего общества. Поэтому задача данного типа исследований на промышленном предприятии предполагает рассмотрение процессов, происходящих на каждом данном предприятии во взаимосвязи со всем комплексом закономерностей развития данного общественного организма в целом. Это означает, что необходимо, во-первых, выявить указанные взаимосвязи; во-вторых, изучить механизмы действия общих социаль-

ных закономерностей в условиях современного промышленного производства, равно как и факторов, ускоряющих или замедляющих это действие; в-третьих, проанализировать специфику проявления общих социальных законов в процессе функционирования и развития промышленного предприятия; в-четвертых, выявить и обобщить ростки нового, рожденного практикой и творчеством масс, и разработать на основе анализа результатов конкретных исследований научно обоснованную систему мероприятий, направленных на устранение недостатков и помех в функционировании данной социальной системы.

Социальное исследование предполагает выявление в анализе и другого рода взаимосвязи.

Специфика законов общественного развития, как уже отмечалось выше, состоит в том, что они не только воздействуют на сознание людей и определяют их социальное поведение, но сами испытывают влияние сознательной деятельности индивидов, их произведений и форм их ошибок.

Между функционированием данной социальной системы /или социального организма в целом/ и социальными действиями людей существует, следовательно, взаимосвязь. Поэтому конкретное социальное исследование предполагает анализ как конкретной обстановки, в которой действуют личности /в данном случае социальной структуры промышленного предприятия/, и ее влияния на людей, так и обратного воздействия на нее личности, равно как и каналов, по которым осуществляется это воздействие.

Социальные исследования, проводимые в рамках различных специальных отраслей социологии, служат основой для разработки теории отдельных сфер и сторон социальной жизни /теории среднего уровня/.

5. К.Маркс и Ф.Энгельс о предпосылках конкретного социального исследования.

Отправным пунктом социального исследования, согласно К.Марксу и Ф.Энгельсу, является социальная деятельность людей, принадлежащих к тем или иным социальным группам и классам.

"Предпосылки, с которых мы начинаем, - отмечали К.Маркс и Ф.Энгельс, - не произвольны, они - не догмы; это - действи-

тельные предпосылки, от которых можно отвлечься только в воображении. Это — действительно индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни, как те, которые они находят уже готовыми, так и те, которые созданы их собственной деятельностью. Таким образом, предпосылки эти можно установить чисто эмпирическим путем ..." (курсив наш — Г.О.). И далее К.Маркс и Ф.Энгельс пишут, что эти предпосылки — "люди, взятые не в какой-то фантастической замкнутости и изолированности, а в своем действительном, наблюдаемом эмпирически, процессе развития, протекающем в определенных условиях. Когда изображается этот деятельный процесс жизни, история перестает быть собранием мертвых фактов, как у эмпириков, которые сами еще абстрактны, или же воображаемой деятельностью воображаемых субъектов, какой она является у идеалистов"^{1/}.

Человек в системе социальных отношений и условий выступает не как пассивная, а как активная деятельная сила. Поэтому социология изучает не просто человека, а деятельного человека или общественные действия личностей, т.е. социальные факты. "... По каким признакам судить нам о реальных "помыслах и чувствах" реальных личностей?" — писал В.И.Ленин. — Понятно, что такой признак может быть лишь один: действия этих личностей, — а так как речь идет только об общественных "помыслах и чувствах", то следует добавить еще: общественные действия личностей, т.е. социальные факты"^{2/}.

Речь в данном случае идет не о всех социальных "помыслах и чувствах" отдельных личностей, а лишь о наиболее существенных. "В настоящее время, — писал он, — все более скапливается уже объективных данных о силе разных течений в рабочем движении России. Надо всеми силами собирать, проверять и изучать эти объективные данные, касающиеся поведения и настроения не отдельных лиц и групп, а масс, данные, взятые из

1/ К.Маркс и Ф.Энгельс. Собр.,соч., т.3, стр.18,19,25.

2/ В.И.Ленин. Полн.собр.соч. т.1, стр. 423-424.

различных, враждебных газет, данные, допускающие проверку всяким грамотным человеком"^{1/} "Личные исключения из групповых и классовых типов, конечно, есть и всегда будут. Но социальные типы остаются"^{2/}. "Дело тут именно в социальном типе, а не в свойствах отдельных лиц"^{3/}.

Типологизация личностей и социальных групп, согласно В.И. Ленину, должна опираться на "фундамент из точных и бесспорных фактов...", "с которым можно было бы сопоставлять любое из тех "общих" или "примерных" рассуждений, которыми так безмерно злоупотребляют в некоторых странах в наши дни. Чтобы это был действительно фундамент, необходимо брать не отдельные факты, а всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без единого исключения, ибо иначе неизбежно возникает подозрение, и вполне законное подозрение, в том, что факты выбраны" и вместо "взаимозависимости исторических явлений в их целом, преподносится "субъективная" стряпня ..."^{4/}.

Социальные типы личностей - это результат сложного процесса взаимодействия многих социальных факторов. Основы эмпирической теории этого взаимодействия были изложены К.Марксом в его "Тезисах о Фейербахе". Уже здесь обнаруживается, во-первых, последовательное проведение материалистического принципа в исследовании проблемы формирования сознания человека: "... люди суть продукты обстоятельств и воспитания"; во-вторых, функциональный подход к проблеме взаимодействия человека и среды: "... обстоятельства изменяются людьми"; в-третьих, постановка вопроса "о воспитании воспитателя".

Поскольку человек сам создает условия - систему обстоятельств и воспитания, то в зависимости от того, на основе чего осуществляется его деятельность, он может создать такую

1/ В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т.25, стр. 245.

2/ Там же, т.36, стр. 207.

3/ Там же, т.39, стр. 140.

4/ Там же, т.30, стр. 350-351.

систему обстоятельств и воспитания, которая способна поработить его самого, так как он в конечном счете есть продукт **им самим же** создаваемых обстоятельств и воспитания.

В конце-концов определяющий фактор – материальное производство и воспроизводство – окажет решающее воздействие и на социальную сферу и на систему воспитания. Однако, прежде чем это произойдет, обществу может быть нанесен известный моральный и материальный ущерб, а жизнедеятельность нескольких поколений людей в известной степени может оказаться затраченной впустую.

К.Маркс и Ф.Энгельс выдвинули принцип, согласно которому человек осуществляет изменение обстоятельств, системы воспитания и самого себя. Это требует революционного перехода от стихийности к сознательному управлению обществом, политической и социальной формой которого является социализм.

При социализме еще более усиливается значение тезиса о том, что "воспитатель сам должен быть воспитан". Субъективизм и волюнтаризм в руководстве обществом, в решении партийных и государственных вопросов способны нанести величайший вред социалистическому развитию, затормозить его. Борьба Коммунистической партии против субъективизма, решения октябрьского /1964г Пленума ЦК КПСС и XXIII съезда КПСС имеют принципиальное значение. Коммунистическая партия строит свою политику по-ленински, исходя не из желаемого, а из действительного, точного знания социальных и экономических факторов. Партия хочет и должна знать действительное положение вещей, всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу всех без исключения фактов. Решению этой задачи и должна служить социология.

6. Проблема уровней социального исследования.

Получение объективной социальной информации есть перво-степенная политическая и научная задача, которой придавали решающее значение К.Маркс и В.И.Ленин. Но она не может быть решена автоматически простым собиранием и накоплением фактов. Ключ к ее решению – в развитии социологической теории на всех уровнях социального исследования.

Известная опасность заключается в пренебрежении к вопросам теории, в стремлении накопить во что бы то ни стало большое количество "фактического материала". Только глубочайшее внимание к теории, понимание ее как сложной и разветвленной структуры, группирующей, систематизирующей и обобщающей факты лежит в основе подлинно научной социологии.

Общественная жизнь может исследоваться на самых различных теоретических уровнях в зависимости от целей и задач, которые стоят перед ученым, и объекта исследования. Эти уровни, иерархия взаимозависимостей которых дает цельную картину социального мира, на наш взгляд, может быть классифицирована следующим образом.

Социально-философский уровень, т.е. диалектика социальной жизни. На этом уровне исследуется специфика проявления диалектико-материалистических законов (бытие и сознание, взаимопереход количественных изменений в качественные и др.) в сферы общества.

Уровень общесоциологической теории, т.е. уровень исторического материализма. На этом уровне исследуются наиболее общие законы становления, развития и смены общественно-экономических формаций, т.е. наиболее общие законы общества.

Теория социальной структуры общества. На этом уровне исследуются законы взаимодействия и функционирования различных социальных систем и организмов в рамках данной социальной структуры.

Теория различных социальных систем и организмов. На этом уровне исследуются специфические закономерности функционирования отдельных сторон и явлений социальной жизни.

Эмпирический уровень — исследование социальных фактов и их научная систематизация.

Все эти уровни не только взаимосвязаны, не только дополняют друг друга или служат основой друг друга, но и имеют самостоятельное значение. Так, например, полученная на эмпирическом уровне социально-политическая информация может иметь

большое познавательное значение и служить основой для принятия важных социально-политических или социально-экономических решений.

Вместе с тем следует особо подчеркнуть иерархический характер связи высшего, среднего и эмпирического уровней социального исследования. Она состоит в следующем.

Разработка высшего, социально-философского и общесоциологического уровня дает диалектико-материалистическую методологию, принципиально необходимую и обязательную для всех остальных уровней.

Законы и категории исторического материализма являются ядром, сердцевинной, основой всей системы как научной социологии, так и других общественных наук. Именно марксизм впервые разработал, точно определил и ввел в научный обиход такие важнейшие категории, как экономическая и социальная структура, социальная система, социальные отношения и функции, социальные группы и слои, коллектив, социальная роль и многие другие. В настоящее время эти категории используют все социологи, и только незнанием марксизма или неуважением к нему можно объяснить нежелание употреблять эти категории.

Марксистская социология — наука партийная, открыто противопоставляющая свои методологические позиции мнимой беспартийности и надпартийности позитивизма. Между материалистической и позитивистской социологией лежит принципиальный и четкий рубеж — противоположность их социальных, политических и теоретических истоков, непримиримость идеалистического и материалистического понимания истории. Огромная работа, проделанная марксизмом по утверждению материалистических принципов во всех общественных науках, должна быть продолжена в условиях современности, применительно к решению социальных проблем, выдвигаемых жизнью.

Одна из важнейших задач в области методологии — последовательная борьба с эмпиризмом и преодоление его.

Можно указать на два основных источника эмпиризма, получившего значительное распространение и в наших современ-

ных исследованиях. Первый заключается в том, когда не учитывается иерархия уровней социального исследования, наблюдается "перепрыгивание" с высших уровней прямо к эмпирическому исследованию, минуя опосредствующие звенья, теории средних уровней.

Можно ли непосредственно изучать крупные социологические категории /такие, например, как общественное бытие и общественное сознание/ в эмпирической действительности? Для успешного изучения необходимо проанализировать формы их проявления в социальной структуре общества, в социальных системах и организациях, в первичных коллективах общества, в мотивации и поведении индивидов. Иными словами следует построить систему теорий среднего уровня и перевести концептуальные понятия в операциональные, доступные эмпирическому изучению, количественному измерению и т.д.

Маркс предупреждал о глубоких методологических просчетах, к которым приводит вульгарное понимание соотношения теоретического и эмпирического в научном исследовании. Он писал: "Грубый эмпиризм превращается в ложную метафизику, в схоластику, которая делает мучительные усилия, чтобы вывести неопровержимые эмпирические явления непосредственно, путем простой формальной абстракции, из общего закона или же чтобы хитроумно подогнать их под этот закон"¹/ . Между теорией высшего уровня, общим законом и неопровержимыми эмпирическими явлениями нет непосредственного перехода. Для того чтобы его осуществить, требуется весь теоретико-методологический и методический инструментарий социологии, требуется развитая и разветвленная наука как орудие социального познания.

Второй источник эмпиризма - бессистемность исследования. Никакой количественный размах, никакая массовость социальных исследований не оправдают себя, если они не будут подчинены четко поставленной теоретической и практической цели, не будут связаны со всей социальной структурой общества.

¹/ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.26, ч. I, стр. 64.

В.И. Ленин подчеркивал: "Факты, если взять их в их целом, в их связи, не только "упрямая", но и безусловно доказательная вещь. Фактики, если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или кое-чем еще похуже".^{1/}

Чтобы избежать эмпиризма и субъективизма в изучении фактов, необходимо, чтобы любое социальное исследование - на предприятии, в колхозе, городе, армии и т.д.- было основано на строгих математических методах.

x x
 x

Математика в данном случае выступает как своеобразный "фильтр", через который можно пропустить данные конкретных социологических исследований, чтобы решительно отсечь все то, что не имеет отношения ни к практике, ни к теории. Только то, что пройдет через этот своеобразный фильтр, и может быть положено в основание науки. По выражению Лафарга, "наука только тогда достигает совершенства, когда ей удаётся пользоваться математикой"^{2/}.

В настоящее время проясняется специфика математических методов, применяемых к сфере социальной жизни, то есть к той сфере, которую Карл Маркс называл гражданским обществом. Уже намечены определенные пути развития математических методов и теорий для решения собственно социологических и социально-психологических проблем. Однако здесь мы еще сталкиваемся с некоторыми трудностями. В частности, выявилось следующее противоречие. С одной стороны, математический аппарат применяется вне всякого теоретического осмысления без прочной теоретической базы, а с другой - предлагаемые математические теории, конструкции и модели, претендующие на развитие специфического математического аппарата социологии, в большинстве случаев лишены какой-либо эмпирической базы и носят в основном противоречивый, а иногда и несколько схоластический характер.

1/ В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 330.

2/ П. Лафарг. Воспоминания о Марксе. М., 1959, стр. 6.

Это — следствие пренебрежительного в известной степени отношения как к общей марксистской теории общества — историческому материализму, так и к специфическим теоретическим проблемам, — отношения, проявляющегося как в явной, так и в скрытой формах.

Известно, что некоторые абстрактно-теоретические построения не выдержали критики времени. Однако вряд ли правильно эти вульгарные теории подвергать вульгарной критике, подменять социологическую теорию теорией математической. Математические методы позволяют вскрывать и устанавливать эмпирические функциональные зависимости, но, будучи лишены научной теоретической базы, их нельзя использовать в полной мере. Поэтому важнейшее условие успешного применения математических методов в социологии — развитие социологической теории на базе конкретных социологических исследований.

Не менее серьезна проблема применения существующих математических методов и теорий при анализе весьма специфической сферы — сферы социальной деятельности человека. Конечно, здесь также необходимо исходить из четких теоретических представлений. Такие конкретные проблемы, как форма зависимости, тип распределения и другие, в значительной степени решаются эмпирическим путем. И в этой области также выявились определенные недостатки. Эмпирическим путем нельзя получить описание движения системы показателей во времени, то есть здесь модели не являются динамической системой. Отсюда проистекает невозможность экстраполяции выводов на значительные временные промежутки. И теоретическое моделирование, и эмпирическое моделирование, представляющие два своеобразных подхода в исследовательском процессе социолога, могут быть плодотворны, если их использовать в соответствующих ситуациях и помнить о естественных ограничениях. В данном случае возникает вопрос об учете специфики математических теорий и методов, применяемых в различных отраслях науки и о создании специфических математических методов и теорий для нужд социологии.

В этом году, когда все прогрессивное человечество отмечает 150-тие со дня рождения Карла Маркса, особую актуальность приобретают ленинские слова о всеилии и верности его учения.

Человечество отдает дань глубочайшего уважения гениальному мыслителю и великому революционеру, совершившему всемирно-исторический переворот во взглядах на общество, подтвержденный практикой революций и практикой коммунистического строительства. "Несравненное величие Маркса в значительной степени обусловливается тем, что в нем неразрывно связаны человек мысли и человек дела, взаимно дополняя и поддерживая друг друга" I/.

Маркс - основоположник научной социологии. Его труды были и остаются для нас образцом социального исследования. Прогресс и творческое развитие социологической науки могут быть достигнуты только на основе глубокого овладения богатством его наследия.

Знаменательной дате - юбилею Маркса - было посвящено специальное заседание правления Советской социологической ассоциации /Ленинград, 25-26 мая/.

Доклады, заслушанные на этом заседании, как общетеоретического плана /К.Маркс и проблемы развития социалистической культуры. К.Маркс: социология и проблемы идеологической борьбы на современном этапе. Проблемы общесоциологической теории у Маркса. К.Маркс и проблема освобождения личности. Некоторые проблемы системного анализа общества в научном наследии Маркса/, так и доклады более конкретного плана /Роль конкретных социальных исследований в формировании марксизма. К.Маркс о классах и классовой борьбе/ раскрывают неразрывную связь наследия Маркса с самыми актуальными проблемами современного развития социологической науки. Содержание этих докладов мы предлагаем вниманию членов ССА.

Г.В.Осипов

I/ Ф.Меринг. К.Маркс "История его жизни
М., 1957, стр. 27.

КАРЛ МАРКС И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
КУЛЬТУРЫ

Как известно, развитие социалистической культуры - один из основных вопросов строительства коммунизма. Поэтому, отмечая знаменательный юбилей Карла Маркса, впервые превратившего социализм из утопии в науку, мне хотелось бы прежде всего сказать, что за этим привычным словосочетанием "строительство коммунизма" скрывается глубокий и важный философско-исторический смысл. Ведь никому не придет в голову сказать: "строительство феодализма" или "строительство капитализма".

Складывание новых социальных формаций в истории всегда было, как известно, с т и х и й н ы м процессом, - и вот впервые оно стало превращаться в процесс п л а н о м е р - н ы й , не только научно предугаданный, но и научно регулируемый, более того - невозможный без такого регулирования. Это, конечно, не означает, что мы этим процессом вполне овладели, что мы свободны от ошибок и застрахованы от неудач, что объективные и субъективные факторы социалистического развития находятся в неизменном и желанном соотношении. Социальная жизнь постоянно оказывается богаче, сложнее нашего теоретического анализа и заставляет соотносить с ее поворотами и неожиданностями любые научные оценки и расчеты.

Но так или иначе практическое развитие социалистического общества в коммунистическом направлении может осуществляться и осуществляется лишь в меру нашей способности к разумной его организации. И поэтому одна из важнейших проблем строительства коммунизма - это то, что позволяет ему быть с т р о и т е л ь с т в о м . Я имею в виду у р о в е н ь о б щ е - с т в е н н о г о с а м о с о з н а н и я , на котором становится возможным появление марксистской концепции, затем - партии рабочего класса, затем - вовлечение народов в сферу осознанного исторического действия и перестройки мира. Пона-

добились не только тысячелетия социально-экономической эволюции, но также и тысячелетия эволюции культуры, чтобы человечество оказалось способным поставить перед собой коммунистические цели и приступить к их осуществлению, которое в свою очередь означает и будет означать во все возрастающем масштабе торжество разума и культуры.

х х х

Как известно, Маркс, будучи строго последовательным в своей теории научного коммунизма, связывал возникновение культуры с процессом разделения труда и классовой дифференциации общества, "когда появляется разделение материального и духовного труда"^{1/} и происходит выделение того особого социального слоя, деятельность которого связана преимущественно с идеологическими функциями и умственной монополией правящих классов. Интеллектуальный потенциал всего общества, тончайшие культурные ценности концентрировались и совершенствовались в условиях классового антагонизма в рамках этого узкого слоя и за счет большинства людей. Поэтому, писал Маркс, "высшее развите индивидуальности покупается только историческим процессом, в котором индивидуумы приносятся в жертву"^{2/}

Маркс показал, что в буржуазном обществе между культурой и обществом, между образованной элитой и обреченной на невежество массой существует глубокий трагический разрыв. Это не только трагедия массы, но и - в меньшей степени - трагедия самой культуры. Ибо в движение приводится лишь малая часть потенциальной духовной энергии человечества. Общечеловеческие функции культуры вступают в конфликт с интересами владеющего ею господствующего класса эксплуататоров, поэтому культурное творчество проявляется в ограниченных или искаженных формах. Культура, достижения которой составляют фокус исторического процесса, нередко оказывается его жертвой.

1/ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 3, стр. 30

2/ К.Маркс и Ф.Энгельс об искусстве. М., 1957, ч. I, стр. II9.

Капитализм, несмотря на определенные успехи грамотности и просвещения, не только не снимает этого противоречия, но приводит к безудержному извращению и отчуждению духовной деятельности. "В наше время, — отмечал 120 лет назад Маркс, — каждая вещь как бы чревата своей противоположностью ... Победы искусства куплены, по-видимому, ценой потери морального качества. В той же самой мере, в какой человечество становится властелином природы, человек попадает в рабство к другому человеку или становится рабом своей собственной подлости. Даже чистый свет науки не может, по-видимому, сиять иначе, как только на темном фоне невежества"^{1/}.

Маркс, конечно, был очень далек от того, чтобы недооценивать огромные успехи в интеллектуйальной и художественной областях, завоеванные в буржуазную эпоху. Высказывая известную мысль о враждебности капитализма некоторым видам духовного производства и особенно искусству, Маркс не отрицал тем самым прогресса культуры при капитализме, а лишь подчеркивал антагонистическую форму всего культурного развития, покупаемого неизменно дорогой ценой.

Нетрудно заметить, что в раздумьях Маркса о судьбах духовного труда в XIX в., в знаменитых положениях "Коммунистического манифеста" о том, что "буржуазия лишила священного ореола все роды деятельности, которые до тех пор считались почетными и на которые смотрели с благоговейным трепетом"^{2/}, уже намечена двойственность позиций самих деятелей культуры, развращаемых буржуазным практицизмом и страдающих от него, подталкиваемых то к самодовольству, то к протесту. Духовный труд подчиняется капиталу, но остается по своей внутренней природе чуждым такому подчинению. Отсюда суровая необходимость выбора, которая так обострилась в XX столетии.

С этим тесно связана столь важная для культурной жизнедеятельности общества проблема свободы личности. В итоге бур-

1/ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. XI, ч. I, стр. 5.

2/ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 4, стр. 427.

жуазного развития, подчеркивал Маркс, "появляется различие между жизнью каждого индивида, поскольку она является личной, и его жизнью, поскольку она подчинена той или другой отрасли труда и связанным с ней условиям", т.е. "отличие индивида как личности от класса - с о в о г о и н д и в и д а"^{1/}.

Поляризация "частной" и "публичной" жизни, замеченная Марксом в прошлом веке и достигшая апогея сегодня, подводит свободу личности в условиях капитализма к роковой черте. Возникает противоестественная и невыносимая коллизия, делающая общество бездушным, а свободу зыбкой и отчасти бессодержательной "... При господстве буржуазии, - утверждает Маркс, - индивиды представляются более свободными, чем они были прежде, ибо их жизненные условия случайны для них; в действительности же они, конечно, менее свободны, ибо более подчинены вещественной силе"^{2/}. Обратной стороной атомизации общества и буржуазного освобождения личности оказывается ее одиночество в отчужденном мире. Человек мечется и не знает, что делать со своей "свободой", ибо это в огромной степени иллюзорная свобода.

Разрешить эту ситуацию отчуждения может только коммунизм.

В самом деле, коммунизм, по мысли Маркса, означает не что иное, как торжество культуры, ибо речь идет о человеческом существовании и деятельности, построенных в соответствии с высочайшим уровнем развития материального производства на высоких духовных ценностях, т.е. о таком существовании, когда культура не столько определенная сфера общественной жизни, сколько ее целостная суть. Любой труд, превращаясь из материальной необходимости также и в свободную потребность, тем самым оказывается самоцельным, одухотворенным, культурным трудом, т.е. человеческим самовыражением и самоутверждением. Не таков ли смысл слов Маркса в "Капитале": "развитие

1/ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 7.

2/ Там же.

человеческой личности, которое является самоцелью, истинное царство свободы"^{1/}. Это замечательное марксово определение коммунизма есть вместе с тем по существу определение культуры или того, к чему культура стремится. В глубоком смысле слова понятия "коммунизм" и "культура" оказываются синонимами.

Подлинной свободы труда в обществе можно добиться, как известно, только после пролетарской революции. Но сама социалистическая революция, по мысли Маркса, не может быть подготовлена и доведена до конца без осознания борющимися массами необходимости и задач революции. Революция должна явиться соединением реальной исторической мощи и растущего самосознания пролетариата с философией. "Подобно тому, - писал молодой Маркс, - как философия находит в пролетариате свое материальное оружие, так и пролетариат находит в философии свое духовное оружие ... Голова этой эмансипации - философия, ее сердце - пролетариат"^{2/}. Еще более известно высказывание Маркса о том, что "материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой; но и теория становится материальной силой, как только она овладевает массами"^{3/}.

Разумеется, все это не означает, будто, по мнению Маркса, руководство пролетарскими массами могут взять на себя теоретики-философы. Главная мысль всего марксова учения состоит в обосновании исторической миссии рабочего класса, призванного освободить от социального рабства не только себя, но и все общество, возглавить борьбу всех классов, недобровольных старым строем. Пролетариат оказывается способным выполнить эту миссию в силу своего объективного положения в обществе, в силу своего классового интереса, который совпадает

1/ К.Маркс "Капитал", т.Ш, гл. 48, стр. 833.

2/ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. I, стр. 428-429.

3/ Там же, стр. 422.

с ведущей тенденцией исторического прогресса, в силу своей революционности и организованности.

Такова объективная роль рабочего класса. Но субъективно он поднимается до уровня ведущей общественной силы лишь в той мере и постольку, в какой мере и поскольку приобщается к идеям научного социализма, к современной культуре. Ибо руководство борьбой против буржуазии, присваивающей все достижения науки, техники и т.п., а тем более руководство сложными процессами созидания нового общества требует глубоких знаний и еще раз знаний, требует компетентной и взвешенной политики, способной дать наибольший эффект при минимальных издержках.

Союз науки и труда, о котором мечтал Маркс, воплощается в союзе лучших представителей культуры и знаний с широкими трудящимися массами во главе с рабочим классом. Живым воплощением этого союза является партия коммунистов, которая вбирает в себя все самое честное, искреннее, передовое, что дают рабочий класс, крестьянство, интеллигенция, и которая вооружает себя и руководимые ею массы передовой наукой, постоянно развивая и совершенствуя ее на опыте жизни. Коммунистическая партия, какой ее представлял себе Маркс, являет собой высший синтез революционной воли класса-гегемона и духовного, прежде всего научного потенциала общества.

Именно в единстве революционной теории и революционной практики заключена партийность всей деятельности, направленной на реализацию объективной необходимости коммунизма. Партийность и пролетарская классовость обеспечивают прогрессивным силам победоносное продвижение к вершинам истинно человеческого общества. Это — принципиально новый фактор человеческого развития, позволяющий многократно ускорить ритм прогресса, оберегая передовые силы общества от тех иллюзий, которые Ленин связывал с отсутствием или неразвитостью "социологического реализма".

Таким образом, при обосновании исторической миссии коммунистической партии речь у Маркса шла не только о том, к о-

мы у руководить, но и том - как руководить. Конечно, пролетарское руководство не может обойтись без теоретиков, но существенней то, что оно не может обойтись без теории. С другой стороны, теория вырождается в сектантские утопии, если она не материализуется в массовом движении, если она не строится в расчете на такое движение.

Как известно, спустя полвека Ленину пришлось с новой силой подчеркнуть, что социализм, "будучи идеологией классовой борьбы пролетариата, подчиняется общим условиям возникновения, развития и упрочения идеологии"^{1/}, т.е. основывается на всем материале человеческого знания, предполагает высокий (а значит, профессиональный) уровень научной мысли и т.д.. Социалистическое учение, писал Ленин, первоначально возникает "совершенно независимо от стихийного роста рабочего движения", "как естественный и неизбежный результат развития мысли у революционно-социалистической интеллигенции"^{2/}. В отсталой России роль "немногочисленных интеллигентных представителей" пролетарского движения была особенно велика, и Ленин, основываясь на марксистских предпосылках, уделил этой проблеме большое внимание.

Иные современные западные авторы пытаются доказать, будто Маркс относился к интеллигенции недоверчиво и презрительно, цитируя нередкие у Маркса, как и у Энгельса и Ленина, язвительные слова в адрес буржуазных идеологов. Как будто точно также не отзывались о них все достойнейшие представители интеллигенции. С таким же успехом можно зачислить во враги интеллигенции, скажем, Чехова, писавшего в 1899 г.: "Я не верю в нашу интеллигенцию, лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, ленивую, не верю даже, когда она страдает и жалуется, ибо ее притеснители выходят из ее же недр". Через год на другом конце Европы интеллигент-марксист Поль Лафарг восклицал: "Если бы нам приходилось полагаться на *изнеженных*,

1/ В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 562.

2/ Там же, стр. 31.

застенчивых и обидчивых интеллигентов, то не до 2000-го года, а до самого конца мира мы все должны были бы дожидаться торжества социализма"^{1/}. Двойственное положение интеллигенции в буржуазном обществе порождало и эти характерно "интеллигентские" пороки и слабости, и самую острую их критику, исходившую из той же интеллигентской среды. Никто не был в этой критике глубже Маркса и марксистов.

Другие западные авторы уверяют, напротив, что Маркс предназначал интеллигенции командную и диктаторскую роль по отношению к рабочей массе. Все эти разноречивые измышления обнаруживают поразительную неспособность понять смысл и дух марксизма. Маркс и Ленин "не любили" в современной им интеллигенции ее мелкобуржуазные слабости и предрассудки, однако они же "не любили" в пролетариате забитости и невежества. Но суть не в эмоциях. Делом жизни основоположников научного коммунизма было стремление органично слить революционное действие и научную мысль ради раскрепощения общества.

Маркс и Энгельс показали связь между анархистско-разрушительно-госевдореволюционностью и пренебрежительным отношением к культуре. Маркс писал о носителях подобных взглядов - экстремистах - "грактиках" : "Их дело заключается как раз в том, чтобы опережать процесс революционного развития, искусственно гнать его к кризису, делать революцию экспромтом, без наличия необходимых для нее условий ... Они - алхимики революции и целиком разделяют превратность представлений, ограниченность навязчивых идей прежних алхимиков". Маркс отмечал, что именно презрением к просвещению рабочих и к теории "объясняется их не пролетарская, а чисто плебейская неприязнь к ... более или менее образованным людям, представляющим эту сторону движения"^{2/}.

В мелкобуржуазной интеллигентофобии, в том, что спустя много лет в России получило название махоевщины, и Маркс, и Энгельс, и Ленин с полным основанием видели огромную опасность

1/ Поль Лафарг. Социализм и интеллигенция. СПб., 1906.

2/ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.7, стр.237-238.

для судеб пролетарского движения и социализма. Эта опасность как раз и порождается неспособностью подняться до истинно теоретического сознания. Когда-то Бакунин писал, будто марксисты хотят создания "правительства ученых, самого одиозного и презренного типа правительств в мире". Маркс резко откликнулся на это: "какой вздор!". В самом деле, "правительства ученых" никогда не было, нет и быть не может. Зато в октябре 1917 г. было создано правительство: власть пролетариата, опирающаяся на марксистскую теорию.

В свете всего исторического опыта, и старого, и нового, ясно видна безосновательность и претенциозность "пророчеств", вроде заявления ученика Бакунина - русского народника Нечаева, будто образованные люди, если их пустить в революционное движение, станут ездить верхом на невежественных массах, будто бюрократия есть власть интеллигенции. История показала, что ездят верхом и на невежественных массах, и на образованных людях невежественные вожди маоистского типа и что единственный путь к предотвращению этой опасности лежит в укреплении и развитии союза труда и науки, основанного на принципах коммунистической партийности, пролетарской классовости и интернационализма.

При всех условиях без привнесения культуры в широком смысле слова в рабочее освободительное движение нельзя обойтись, если ставить себе целью избежать засилия незрелых стихийных эмоций, неоправданных "скачков", близорукого экстремизма и авантюристических решений, которые в условиях, неконтролируемых коллективным разумом партии и трудящейся массой, могут поставить даже победоносное революционное движение на грань катастрофы. Не случайно сдвиг в сторону военно-бюрократической диктатуры в Китае начался именно с удара по культуре.

Маркс когда-то писал: "Невежество - это демоническая сила"^{1/}. Возможно, после крушения маоизма эти слова будут высечены в Китае на фронтонах зданий...

1/ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. I, стр. II2.

Рассуждения Маркса показывают, что вопрос о культуре социалистического движения переплетается с коренными проблемами этого движения, с вопросом о самой сущности пролетарской революции и общественного переустройства. Отношение пролетарского движения к культуре означает отношение к теории, к взвешенным, трезвым, аналитическим, научным предпосылкам этого движения.

Высшая и труднейшая задача, ожидающая пролетариев, вступивших на путь социалистической революции и переустройства общества, заключается в необходимости "изменить самих себя". "... Мы говорим рабочим — писал основоположник научного коммунизма, — Вам, может быть, придется пережить еще 15, 20, 50 лет гражданских войн и международных столкновений не только для того, чтобы изменить существующие условия, но и для того, чтобы изменить самих себя и сделать себя способными к политическому господству"^{1/}. Так Маркс в 1850 г. формулировал задачу, которую Ленин в 1917 г. развернул в виде программы, рассчитанной на целую историческую эпоху.

х х
х

Существуют, однако, не только преемственность, но и различия в том как проблема культуры стояла перед Марксом и как она стоит перед современным марксизмом.

Маркс и Энгельс, а поначалу и Ленин, обсуждали проблему культуры в форме вопроса о внесении социалистического сознания в пролетариат "немногочисленными интеллигентными представителями" его интересов. Они, конечно, понимали при этом, что внесение социалистического сознания — это непрерывный и нарастающий процесс интеллектуализации самой партии рабочего класса и всего народа, непрерывный процесс внесения духа научности в движение общества к коммунизму. Но в дооктябрьскую эпоху характер, масштаб и формы этого процесса не могли в полной мере быть ясными.

^{1/} К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 3, стр. 481.

Положение радикально изменилось, когда на следующее утро после Октябрьской революции встали во весь рост мирные задачи социалистической революции, то есть культурно-хозяйственные и культурно-политические задачи, которые не могут быть практически решены в широких масштабах без привлечения различного рода специалистов, порожденных еще старым буржуазным обществом.

Экономические и культурные основы социализма Ленин рассматривал как две стороны медали, сближая и даже в известном смысле отождествляя эти две задачи. Знаменитая формула о том, что коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны подразумевала, конечно, под "электрификацией" не просто высокий современный уровень техники и труда, но и в с ю с у м м у знаний, культурных навыков, дисциплины, организации, точности, компетентности, которая стоит за этим уровнем и которая, будучи слита с советскими и политическими условиями и целями, даст новые человеческие отношения, даст социалистическое самовоспитание.

Строить новое общество без общих и специальных знаний нельзя. Нельзя потому, что это строительство возможно лишь на плановой основе, противостоящей мелкобуржуазной стихии одиночного, разрозненного хозяйствования, то есть на основе науки, научного общественного предвидения и расчета. Нельзя потому, что это строительство требует сознательности широких масс трудящихся, а такая сознательность вырабатывается не только жизненным опытом, но и знанием.

Чем сложнее общественная задача, тем выше должен быть уровень ее понимания трудящимися, с а м о с т о я т е л ь - н о с т ь и х м ы ш л е н и я, приобретаемая, разумеется, лишь в результате творческой учебы. Вот почему Ленин, обращаясь к молодежи, настаивал на систематическом овладении знаниями, культурой, но предупреждал об опасности зубрежки и принятия на веру любых книжных фраз, в том числе и о коммунизме. Наконец, новое общество, указывал Ленин, — это такой социальный организм, который предъявляет особые требования

к культуре управления, ибо это управление опирается на почин и самодеятельность всего народа, на революционный социалистический демократизм.

Здесь нет смысла напоминать обо всем комплексе хорошо известных реалистических принципов и мер, положенных Лениным в основу партийной политики в области культуры. Хотелось бы только выделить тот важнейший аспект всего этого комплекса политических решений, который имел, если можно так выразиться, стратегическое значение, простирающееся на всю эпоху построения коммунизма, хотя и меняющее свою форму и конкретное содержание на каждом новом этапе. Я имею в виду то, что Маркс называл необходимостью для пролетариев, для трудящейся массы "изменить себя" и то, что Ленин многократно выдвигал в виде положения о необходимости культурной революции.

Ленин утверждал, что знание, культура, повседневные просветительские усилия в условиях капитализма сами по себе не могут привести к социальному преобразованию. Но если власть в наших руках, если мы Россию завоевали и убедили, то центр тяжести переносится на культуру — на "умение управлять", на "умение торговать", на то, чтобы "учиться работать". В этом суть очередных задач Советской власти, указывал Ленин. "Мы превосходно знаем, — писал он, — что значит культурная неразвитость России, что делает она с Советской властью, в принципе давшей неизмеримо более высокую пролетарскую демократию, давшей образец этой демократии для всего мира, — как эта некультурность принижает Советскую власть и воссоздает бюрократию"^{1/}.

В этой связи возник ряд чрезвычайно сложных и взаимообусловленных задач. Во-первых, постоянного приобщения широчайших масс трудящихся к знаниям и культуре. Во-вторых, использования старых специалистов разного рода знаний для осуществления этой задачи и для социалистического строительства в целом. В-третьих, формирования новой, преданной идеям коммунизма социалистической интеллигенции из среды раскожих и

^{1/} В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 165.

крестьян. В-четвертых, усвоения всего наследия прежней культуры и ее развития на социалистических началах.

Последняя задача предоставлялась Ленину особенно важной. Раньше и глубже других он усмотрел в пропаганде "чистой" пролетарской культуры опасность политического и духовного сектантства, способного, если с ним не бороться, отбросить послереволюционное общество от передовых рубежей. Если в предреволюционную эпоху "невежество", о котором как о трагедии писал Маркс, означало недостаток или отсутствие социалистической теоретической вооруженности, недоверие к научной теории, ставку на стихийность, поверхностный эмпирический экстремизм, то после победы социалистической революции "невежество" означало склонность к "скачкам" и забеганию вперед, и недооценку сложности, трудности, постепенности культурного роста масс и внутренней перестройки общества, и неумение использовать в интересах строительства социализма буржуазных специалистов.

Уже в мае 1916 г. Ленин говорил: "Мы все знаем, по крайней мере те, которые стоят на почве науки и социализма", что "социализм невозможен" без "громадного кадра научно образованных специалистов"^{1/}. И действительно, Советской власти удалось привлечь на свою сторону и использовать под руководством партии не одинок, а многие десятки тысяч старых "спецов", большинство которых сыграло немаловажную роль в нашей победе над белогвардейцами и интервентами и в хозяйственно-культурном строительстве 20-х годов.

Разумеется, привлечение в массовых масштабах буржуазных интеллигентов было сопряжено с известным риском. Но партия внимательно следила за их деятельностью, исподволь учила их, воспитывала политически. В то же время уже в декабре 1917 г. партия большевиков устами Ленина призвала рабочих и крестьян самим активно включаться в организацию практического учета и контроля, в управление и проверку. Сочетание "спецов" и "выд-

^{1/} В.И.Ленин. Полн.собр.соч., т. 36, стр. 381.

виженцев", соединение "руководящих указаний людей образованных" и революционного опыта, преданности, практического чутья рабочих и крестьян обеспечили успех молодой Советской республики.

Теперь, спустя полвека после Октября, у нас нет буржуазных специалистов, а есть (по оценочным данным на 1 января 1967 г.) около 6,4 млн. людей с высшим образованием и без малого 12 млн. — со специальным средним образованием, то есть свыше 18 млн. специалистов. Если же учесть и тех, кто овладел основами знаний в объеме полной средней школы, то всего у нас в стране — около 36 млн. людей со средним и высшим образованием. И эти десятки миллионов людей — плоть от плоти рабочих и крестьян, трудовой интеллигенции. Они воспитаны Советской властью и Коммунистической партией. Это отряд единого советского народа, морально и политически тесно спаянного. Для них нет ничего заветнее коммунистического строительства. Несомненно, что нам необходим и дальнейший рост образования, охват десятилетним высококачественным обучением поголовно всех, необходимы многие миллионы специалистов высшей квалификации.

Рост культурности широких масс народа — это рост компетентности при решении политических и хозяйственно-культурных задач. Но наука, особенно в наш век, стремительно движется вперед. Увеличение объема и углубление знаний предъявляет все более сложные требования к тем, кто стремится к овладению последним словом науки.

В наш век роль специалистов, ученых быстро растет. Растет, другими словами, тот новый тип руководителя, о котором пронизательно говорил еще Антонио Грамши: "... Руководитель, — отмечал он, — должен обладать тем минимумом общей технической культуры, который позволил бы ему... уметь разбираться в решениях, предложенных экспертами, и затем выбирать из них правильные с "синтетической" точки зрения, применительно к политической технике"^{1/}

^{1/} А. Грамши. Изб. соч., т. III, стр. 480-481.

Все дело, однако, в том, что "синтетическая" точка зрения в западном мире — это точка зрения монополистической буржуазии. Появление, по выражению Грамши, "второго аппарата чиновников", экспертов, не меняя, разумеется, классовой сущности капиталистического государства, становится основой для появления технократических претензий и иллюзий у части западной интеллигенции. Но вся суть дела именно в том, кто "заказывает музыку", кто обладает реальной властью, кто определяет не средства, а цели политики. В капиталистическом мире повышение удельного веса квалифицированных, знающих свое дело специалистов в управлении означает стремление — под давлением исторической необходимости — усовершенствовать функционирование бюрократии применительно к сложности современного руководства развитым буржуазным обществом.

Тенденция роста роли специалистов имеет диаметрально иной смысл в социалистических условиях, где руководство принадлежит Коммунистической партии, осуществляющей слияние высших исторических целей, которые стоят перед всем народом и выражают его интересы, с ростом общего уровня культуры народа и компетентностью специалистов, являющихся частью народа и вдохновленных этими же высокими целями. Поэтому повышение компетентности руководства прямо связано с дальнейшим укреплением коллективной воли партии и развитием социалистической демократии.

Идеи Маркса о культуре и ее значении, их развитие В.И. Лениным, — все это имеет сегодня непреходящую ценность для деятельности коммунистических партий как социалистических, так и капиталистических стран. И это вполне закономерно. В современную эпоху нужен о с о б е н н о с т р о г о д и ф - ф е р е н ц и р о в а н н ы й подход к деятелям культуры. Одно дело специалисты, которые проникнуты идеалами рабочего движения и сознательно ставят себя ему на службу. Иное дело специалисты (главным образом из научно-технической среды), которые не участвуют в революционном движении, но выражают готовность к сотрудничеству. И совсем по-другому обстоит де -

до с той, пускай небольшой, частью специалистов, деятелей культуры, которые идут до конца с буржуазией, обслуживая ее идеологически, научно-технически, а также своими военными знаниями; естественно, что эти деятели разделяют судьбу того класса, которому они служат.

Совершенно по-новому стоит вопрос о специалистах в условиях победившего социализма, когда трудящиеся порождают из своей среды новый слой — слой социалистической интеллигенции. Социалистическая интеллигенция не противостоит и не может противостоять рабочему классу и крестьянству своей страны. Здесь вся интеллигенция как слой социалистический — составная часть единого народа и важная сила в формировании его идейного и политического единства.

Разумеется, для создания социалистической интеллигенции нужно время и немалое. Нам потребовалось почти 50 лет, чтобы знание стало достоянием всего народа, чтобы народ породил свою новую, социалистическую интеллигенцию, породил ценой немалых трудностей и лишений. Отсюда понятна необходимость высокой личной ответственности всех членов нашего общества, в том числе и особенно специалистов, перед народом за свои гражданские действия.

Стал уже общим местом напоминание о том, что мы живем в неслыханно динамичном мире, переживающем научно-техническую революцию. Тем не менее быстрота и радикальность этого процесса опережает быстроту и радикальность его осознания.

В поразительных успехах естествознания, точных и технических наук некоторые недалёковидные люди усматривают признак того, что гуманитарные науки отодвигаются на второй план. Дело обстоит как раз наоборот. Ничто так не способствует повышению важности общественных наук, как научная революция, как технический прогресс современности. Ибо этот прогресс вызвал и вызывает к жизни такие материальные силы, так перестраивает структуру общества и поведение индивидов, так усложняет задачи управления и координации, что в итоге решающим оказывается вопрос, насколько общество в состоянии регу-

лизовать свое развитие, насколько общественная организация готова к разумному использованию завоеваний науки, дабы они принесли каждому народу и каждой личности счастье, а не новые страдания. Это значит, что центральная проблема научно-технической революции во всемирно историческом масштабе заключается в с о ц и а л ь н ы х п о с л е д с т в и я х этой революции. Иными словами, все упирается в проблему исторического выбора.

Острая потребность в анализе современного социального процесса все шире осознается и в буржуазном мире. В последние годы в США и многих западноевропейских странах резко выросли ассигнования и кадры в области общественных наук: социологии, психологии, демографии, политэкономии, социальной антропологии и т.д. Во всеуслышание, на государственном уровне, в буржуазном обществе признается важность этих наук для выработки инструментов политики. Специалистами накоплен и непрерывно расширяется интереснейший исследовательский материал. Однако, сложность исследования явлений общественной жизни заключается в том, что исследователь-гуманитарий в отличие от естествоиспытателя, находится не вне исследуемого объекта, а внутри его. Это определяет идеологическую позицию исследователя, а следовательно, и направление его мысли, приводящее в классово антагонистическом обществе зачастую не к установлению истины, а к ее искажению. Поэтому даже самая объективная научная информация не может привести там к эффективным результатам, ибо наталкивается на отсутствие подлинной социальной перспективы. Медицина ни к чему, если больной не может следовать ее предписаниям. Не случайно в буржуазном мире влияние общественных наук носит в лучшем случае частный и прагматический характер.

В принципиально ином положении находится общественно-научная мысль в странах социализма, где сам исторический процесс превращается из простого объекта этой мысли и ее закономерную реализацию.

Советская общественная наука находится на передовом рубеже борьбы за новый мир. Ее важнейший долг, о котором постоянно напоминает нам партия, — способствовать эффективному использованию преимуществ социализма, превращению материального прогресса в прогресс духовный. И от выполнения этой задачи зависит не только внутренний рост советского общества, но и рост его притягательной силы, интернационального воздействия наших идей, нашего опыта, нашей культуры. Нельзя переоценить значение последнего и с точки зрения современного этапа борьбы, и с точки зрения процесса интернационализации культуры в целом.

Продолжая традиции демократического просветительства, марксизм всегда рассматривал культуру как общечеловеческое достояние и вместе с тем как исторический результат духовного взаимообогащения народов. Наиболее жизненна та культура, которая, опираясь на свою национальную почву, не изолирует себя от других культур, а, напротив, активно воспринимает достижения мысли и творчества, созданные в иных условиях. Стоит вспомнить, что и Маркс и Энгельс неоднократно отмечали в числе достоинств русских революционеров их отзывчивость к теоретическим поискам европейского социализма и к опыту передовых стран XIX в. Когда в начале 70-х годов прошлого столетия нечаявская авантюра вскрыла теневые стороны только ставновившегося на собственные ноги практически революционного движения в России, Энгельс писал: "Впрочем, русское движение может перенести спокойно подобные разоблачения". Он подчеркнул, что страна, "выдвинувшая двух писателей масштаба Добролюбова и Чернышевского, двух социалистических Лессингов", страна, среди молодого поколения которой (речь шла о революционных народниках) "мы знаем людей выдающегося теоретического и практического дарования и большой энергии, людей, которые благодаря знанию языков превосходят французов и англичан близким знакомством с движением различных стран"^{1/}, — та-

^{1/} К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, М., 1967, стр. 48.

кая страна не погибнет из-за революционных фейерверков и анархистских предрассудков бакунинского типа.

Но если основатели марксизма неизменно предъявляли интернационалистские требования к демократическому движению и культуре, то, естественно, еще более основательно и строго проводили они принцип интернационализма в отношении собственного движения и рождающейся в его недрах культуры новой эпохи. И по своему генезису, и по своему содержанию, марксизм н а и б о л е е в с е м и р н о е из всех умственных движений человечества.

Продолжатель Маркса Ленин неуклонно и последовательно боролся за интернациональное единство народов и культур, понимая под этим единством не скороспелое слияние, а органический (чуждый какого бы то ни было бюрократического "нажима") процесс сближения, обмена ценностями, взаимопомощи и сотрудничества на социалистической основе.

Как и Маркс, Ленин отчетливо сознавал, что коммунистическое учение по самой своей природе требует освоения перемен, создающихся движением человечества, и что это освоение должно соединять в себе всеобщее с особенным, национально специфическим, в том числе и в громадной мере специфическим в области культуры.

Речь, конечно, идет не только о фактах прошлого, но и о фактах культуры нашего века, о науке и искусстве, продолжающих развиваться во всех уголках земного шара. Марксистско-ленинское отношение к наследию распространяется на все честное, талантливое, что создается сегодня во всех странах мира, ибо социализм наследует все ценности и прошлого и настоящего, ибо во всемирно-историческом плане наше культурное наследие — это все культурные достижения, которые вырабатываются человечеством, все результаты поиска мысли.

В современной мировой идейной борьбе есть бездна оттенков и красок, бесчисленное множество направлений, школ и школок. Но через всю эту пеструю картину проходят непримиримые столкновения мировоззрений — социалистического и буржуазного.

Для марксистов нет двух мнений: в свете научного понимания исторического процесса для нас классовая идейная позиция — давно решенный вопрос. Но вопрос "с кем идти?" каждый раз заново встает для западной интеллигенции и наша задача заключается в том, чтобы помочь лучшим ее представителям определить свой выбор в пользу социализма.

Мы боремся, а борьба в области культуры включает в себя не только изобличение реакции, фальсификации, шарлатанства, где невозможен компромисс, но и д и а л о г. Нас не должна смущать и отпугивать крайняя сложность и неоднозначность многих явлений культуры XX века. Наша идеологическая принципиальность и непримиримость не означают, что мы, коммунисты, — ограниченные сектанты и твердолобые фанатики, делящие весь мир мысли и воображения только на две зоны — черного и белого. Так любят нас изображать враги. Но, верные отношению Маркса и Ленина к культуре, мы, покончив с догматизмом, перешли к позитивной критике, трезвой оценке, дифференциации, анализу, имеющим не малое значение не только для собственной сферы культуры, но и для правильного понимания меняющегося соотношения сил в социальной борьбе современности, в движении человечества к социализму.

Английский социолог С. Андреский в книге "Элементы сравнительной социологии" (1964) пишет, что "мыслительная работа всегда крайне опасна для существующего строя, каков бы он ни был". Да! — если этот строй озабочен лишь своей стабилизацией и готов в жертву ей принести многие завоевания собственной культуры, а в перспективе — и цивилизацию вообще.

Но в мире существует строй, наш социалистический строй, который озабочен своим непрерывным прогрессивным углублением, который рассматривает себя не как нечто готовое и вечное, а как необходимый подготовительный этап на пути к полному коммунизму. Поэтому нашему строю не опасен критический дух "мыслительной работы", напротив — для него опасны застой, рутина, коммюнаство, интеллектуальная близорукость. Поэтому в связи труда и мысли, в единстве пролетарской классовости и коммунистической партийности мы видим залог успехов коммуни-

стического строительства, идеал и цель которого - свободное и всестороннее развитие личности каждого, как условие свободного развития всех.

х х
х

Что означает "всесторонность и гармоничность" развития личности в обществе, строящем коммунизм? Говоря о человеке будущего, часто ограничиваются сугубо описательным и перечислительным представлением: физическое совершенство, широта образования, общественная активность, эстетическая чуткость, культура и тонкость эмоций и т.д. Гармонию сводят к неопределенно широкому набору интересов и умений, к номенклатуре индивидуальных совершенств. Молчаливо исходят из предположения, что гармоничное и безграничное развитие человеческой личности - это понятие, во все времена сохраняющее тождественное содержание.

Но было бы ошибкой понимать всестороннее развитие личности в просветительском плане, рисовать человека будущего при помощи простой арифметической суммы достоинств, в не с и с т е м ы о б щ е с т в е н н ы х с в я з е й , заключающей действительную тайну его всесторонности.

Между тем самоочевидные факты - продолжающая возрастать специализация труда и знаний, невозможность для отдельного человека совладать с потоком информации даже в рамках сравнительно узкой профессиональной сферы - неопровержимо свидетельствуют, что мечты о появлении всесторонней личности ренессансного типа построены на песке. Энгельс отмечал, что появление в XV-XVI вв. "титанической" личности, причастной чуть ли не ко всем областям духовной деятельности, было связано с неразвитостью и недифференцированностью общественных функций. Времена Леонардо да Винчи не вернуть.

Некоторые утешают себя древним изречением: "Знать все о немногом и немного обо всем". Увы, в наши дни нельзя знать все даже о немногом. Знание же "немногого обо всем" грозит оказаться обычным дилетантизмом, поверхностной и случайной осведомленностью человека, стремящегося "быть в курсе" всего.

Прежде всего, проблема, видимо, заключается вовсе не в объеме знаний, а в уровне и принципах мышления, складывающихся на базе данного объема знаний. Современный уровень мышления неизбежно формируется у каждого индивидуума на сравнительно ограниченном познавательном материале, а строгость и гибкость этого мышления носят универсальный характер.

Но главное, проблема создания всесторонне развитой и свободной личности — это не индивидуальная проблема.

История мировой культуры, предпосылкой и почвой которой служила деятельность масс, веками оставалась вместе с тем историей по преимуществу образованной части общества. Возрождение было величайшим переворотом в жизни человечества, но этот переворот не внес существенных изменений в будничную дуловную жизнь миллионов итальянских или французских крестьян и ремесленников. Русская культура проделала путь от Ломоносова к Менделееву, от Третьяковского к Блоку, но различия между курской деревней 1750 г. и курской деревней 1900 г. были куда менее разительны.

XX век грандиозно углубил новые тенденции, отмеченные еще в "Коммунистическом Манифесте". Современная индустриальная цивилизация неуклонно уничтожает всякую гетерогенность, разобщенность, локальность всех сторон и звеньев общества. Впервые понятие "человечество" начало терять отвлеченность. Никогда еще индивидуальная судьба не была так тесно связана с судьбами всех других людей во всех уголках земного шара. Атомная угроза осветила эту ситуацию трагическим светом.

Речь идет о современной цивилизации в целом.

Капитализм извращает это неуклонно возрастающее расширение, усложнение, переплетение в масштабах земного шара, то есть универсализацию и глобализацию общественных связей. Величие социализма состоит в том, что в данной исторической ситуации — самой сложной и самой трудной из всех, с которыми до сих пор сталкивалось человечество, — он предлагает альтернативу. Он превращает личность — не Человека вообще, а вот этого

конкретного живого человека, каждого человека — в цель производства, политики и культуры. Человек не просто превозглашается целью; это обеспечивается социалистическим распределением и социалистической демократией. Все дело в способе включения личности в реальное историческое действие. Человек должен быть субъектом, а не просто объектом этого действия. Только тогда он становится свободен. Только тогда на место мнимой "коллективности", чреватой антагонизмом, встает действительная коллективность, основанная на общности интересов и действий. Суть не в том, какими знаниями, вкусами и свойствами будет обладать человек при коммунизме, а в том, что разумная социальная организация даст ему способность свободно и самостоятельно приобретать эти свойства, способность создать себя и свой мир, критически оценивать свою жизнь и изменять ее.

Коммунизм никогда не может дать готового "запланированного" счастья. Но он даст максимальную свободу его поисков.

Вот почему культура для советского общества — не только средство, но и цель.

После Октября 1917 г. мы объявили и выиграли поход против элементарной безграмотности. Впервые в истории господствующий класс составил большинство населения, и образование стало привилегией всех людей. Без поголовной грамотности ничего было и думать о построении социализма. Но элементарная культура еще далеко не социализм.

С точки зрения марксизма, важнейшая ценность культуры — ее богатство и открытость. Мы никогда не согласимся делить культуру на культуру для избранных и культуру для масс. Отгораживание от народа, от его дел и чувств, радостей и горестей грозит прежде всего обеднением творчества, иссыканием его наиболее глубоких истоков, лишает его настоящей жизненности.

Умы всегда связаны многими нитями с телом народа, говорил Маркс. И если эта истина доказана всей историей кул

туры, то она в особенности доказана историей советской культуры, ее высокими достижениями, рожденными в атмосфере великих сражений за свободу своего народа и всего человечества. "Бой идет не ради славы, ради жизни на земле", — в этих великолепных словах поэта выражен этический принцип всей нашей социалистической культуры.

Бой "ради жизни на земле" идет и в области культуры, идет с нарастающим перевесом на стороне гуманизма и идей социалистического преобразования общества, а следовательно, и человеческих отношений. Нельзя, разумеется, преуменьшать трудности, сопротивление чуждых идей, привычек и навыков, предрассудков, созданных тысячелетиями и умело эксплуатируемых реакцией. Сознание социальной и политической ответственности всегда было остро необходимо людям, необходимо оно и сейчас. Но это сознание не есть что-то внешнее по отношению к собственной творческой деятельности.

Марксизм всегда выступал против снижения профессионального уровня и просто духовной лености. Социальная и политическая ответственность немислима без ответственности профессиональной, нравственной. Не лишне еще и еще раз напомнить об этом. Маркс и Ленин высоко ценили в своих товарищах по движению самостоятельность мышления, умение не поддаваться гипнозу "общих мест", способность в нужный момент противостоять инерции, особенно в таких психологических ситуациях, когда труднее всего сказать свое слово, сформулировать и высказать новую мысль. Но это качество коммунистического движения немислимо само без высокой культуры и в свою очередь является ее условием.

Именно так ставил вопрос Маркс: "... человека, стремящегося п р и с п о с о б и т ь науку к такой точке зрения, которая почерпнута не из самой науки (как бы последняя не ошиблась), а и з в н е , к такой точки зрения, которая продиктована ч у ж д ы м и науке, в н е ш н и м и для нее интересами, — такого человека я называю "и з к и м"^{1/}

1/ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. II, стр. 125.

Мировоззрение восходящих общественных классов тем и отличается от политической спекуляции и ложного идеологизма, что оно обязывает к поиску истины и требует ее рассмотрения перед лицом действительности, бесстрашия, которое в сфере культуры имеет особый характер, — это проблема внутренней необходимости самого творческого акта, т.е. дело личного выбора.

Говоря о демократизме культуры, марксисты имеют в виду нечто гораздо большее, чем общедоступность. Перефразируя Маяковского, относившего эти слова к поэзии, можно сказать, что культура массовой не рождается, массовой она становится. Демократизм культуры выражается не в том, что она приспособляется к уровню понимания неискушенных в ней слоев, а в том, что она поднимает этот уровень, непрерывно увеличивая сумму духовных богатств нации, и приобщает все новые и новые слои к зрелому гуманистическому самосознанию. Но чтобы культура могла выполнить эту великую историческую социалистическую функцию, необходимо разнообразие исследований во всех сферах культуры, таких, какие даны, например, в музыке Прокофьева и Шостаковича, в теории относительности, в поэзии Маяковского и Элюара, в идеях генетики и теории информации и т.п.

Мы одерживаем победы на коммунистическом пути, неизведанном и трудном, лишь в меру унаследованной нами от Октября способности преодолевать привычное, прежнее, устоявшееся, в меру способности к непрерывному обновлению. В каждой конкретной ситуации, перед лицом каждой конкретной общественной проблемы эта способность требует современного уровня информации, серьезности ума, тонкости реакции, то есть культуры, высоких знаний.

Наша партия, указывая на руководящую роль рабочего класса в социалистическом обществе, тем самым указывает на необходимость повышения уровня сознательности всего народа, постоянного роста влияния социалистической идейности, на необходимость сознательного отношения к труду и общественному долгу. Рабочий класс как руководящая сила строительства социализма стоит во главе растущей активности масс во всех об-

ластях жизни. Классовость, партийность, компетентность - важнейшие требования, которые с неослабной силой предъявляются строителям коммунизма жизнь и сегодня. Это - требования длительных знаний, а не полужнаний. Сейчас, когда все объективные предпосылки успешного коммунистического строительства созданы, это требование звучит с еще большей силой.

Полужнание - не только нетвердое, поверхностное знание это прежде всего инертное, неспособное к развитию знание. Буржуазный обыватель недолюбливает и побаивается знания. Мы же строим общество, выводящее массы на просторы духовного развития. Мы строим общество, в котором будет окончательно похоронена противоположность между умственным и физическим трудом. Мы строим научно обоснованный Карлом Марксом, объективно необходимый, реальный, а не утопический коммунизм. Обязательное условие этого строительства - органическое единство, нерушимый союз труда и науки.

х х
х

Память о таких людях, как Карл Маркс, наполняет наши идеалы человеческой конкретностью. В особую минуту, в момент завершения "Капитала", Маркс проронил мало свойственное ему горестное признание: "может быть, ни одна работа подобного рода не писалась при более тяжелых обстоятельствах". Спустя несколько дней он отправил письмо Зигфриду Майеру. В нем говорилось: "... Я все время находился на краю могилы. Я должен был поэтому использовать к в ж д ы й момент, когда я бывал работоспособен, чтобы закончить свое сочинение, которому я принес в жертву здоровье, счастье жизни и семью... Я смеюсь над так называемыми "пречтичными" людьми и их премудростью. Если хочешь быть скотом, можно, конечно, повернуться спиной к мукам человечества и заботиться о своей собственной шкуре. Но я считал бы себя поистине н е п р а к т и ч н ы м, если бы подох, не закончив полностью своей книги, хотя бы только в рукописи"¹. Такие слова, вырвавшиеся из глубины

¹/ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 31, стр. 454.

сердца, трудно и, наверное, незачем комментировать.

Все созданное гением Маркса остается навеки доказательством того, что служение истине и служение человечеству едины, что неразрывны наука, политика, культура и мораль.

Мы, коммунисты, имеем право этим гордиться. И нашу гордость Карлом Марксом сегодня разделяют все честные и думающие люди земли.

КАРЛ МАРКС: СОЦИОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМЫ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ
БОРЬБЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Творческое развитие марксизма-ленинизма всегда сопровождалось острейшей идеологической борьбой. И сегодня перед коммунистами всего мира стоит задача борьбы за чистоту марксистской теории, борьбы против различных буржуазных и мелкобуржуазных интерпретаций и фальсификаций марксизма. И естественно, что в ходе этой борьбы в центре внимания оказываются те социальные процессы и проблемы, которые наиболее характерны и актуальны для современного этапа исторического развития, которые волнуют сегодня миллионы людей и широко обсуждаются в коммунистических партиях, в среде прогрессивной общественности.

Современная эпоха характеризуется углублением революционных сдвигов и обострением социальных противоречий, гигантским усложнением механизма общественной жизни, быстрым расширением многообразных социальных связей, в которые неизбежно вовлекается современный человек. Достаточно указать на разнообразие и неравномерность социальных, экономических, политических и культурных условий, существующих сегодня в разных частях мира, и вместе с тем выступающих как стороны, формы, этапы единого, целостного общественно-исторического процесса, на научно-техническую революцию, с ее глубокими социальными последствиями, на исключительную интенсивность процессов, меняющих картину мира в рамках одного поколения. Усложняется не только социальный мир, общественные связи и отношения, успехи наук непрерывно обогащают само человеческое знание об обществе, о самом человеке. Все более сложным оказывается и тот позна-

вательный процесс, методы и приемы исследования, с помощью которых постигается окружающая социальная действительность. Эти процессы требуют постоянного анализа и теоретического обогащения с позиций марксизма-ленинизма. марксистская социология помогает выработать цельное "видение мира", способное служить надежным компасом в современном динамическом мире.

В наше время все большее значение приобретают проблемы гуманизма, проблемы человека, его личности. причем, речь сегодня идет уже не об "избранной" личности, представляющей какую-либо узкую, верховенную элиту или привилегированную группу, а о личности рядового члена общества. Речь идет о социальных условиях и процессе становления личности, способной к проявлению творческой инициативы в различных сферах труда, культуры и политики, личности, активно участвующей в определении своей судьбы и судьбы современного мира, в принятии общесоциальных решений, личности, гармонически развивающейся и сознательно реализующей себя в качестве субъекта исторического процесса.

Одной из центральных проблем современной истории является вопрос о направлении и характере развития личности: пойдет ли этот процесс в сторону формирования человека, смиренного с фактами социального угнетения, эксплуатации и бесправия, потерявшего себя как личность, ставшего стандартизованным "винтиком" в машине бюрократии, или развитие личности будет принципиально иным - воспитанием сознательного, социально-активного и социально-ответственного борца за общественный прогресс и человеческое достоинство.

Именно эти проблемы стояли в центре учения К.Маркса, подчинившего всю свою научную деятельность изучению перспектив создания общества нового типа, - "ассоциации, в которой развитие каждого является условием свободного развития всех", т.е. общества, открывающего простор для целостного и гармонического развития личности и одновременно обеспечивающего контроль над социальными последствиями деятельности людей,

формами их общения и организации. В учении К.Маркса человек рассматривался и как продукт, и как субъект общественных отношений, оно опиралось на признание деятельной сущности человека и объективной логики исторического развития.

К.Маркс связал воедино философскую интерпретацию и развитие традиций гуманистической мысли с научным и строгим конкретно-историческим экономическим, социологическим, социально-психологическим исследованием разнообразных и противоречивых реальных процессов и явлений, влияющих на постановку и решение /теоретическое и практическое/ проблем социального развития и развития личности.

Интеллектуальные традиции, связанные с именем К.Маркса, приобретают особое значение именно сегодня, в современную эпоху, ставящую человечество перед существенными историческими альтернативами, перед необходимостью принятия ответственных, научно-обоснованных решений, влияющих на судьбы мира, в эпоху массовых освободительных, демократических, антиимпериалистических движений, свидетельствующих о включении миллионов людей в социальное творчество и усвоении ими гуманистических ценностей.

В этих условиях возрастает потребность в научной разработке системы социальной ориентации общества и личности в современном обществе, системы, в которой бы долгосрочные программы, предусматривающие качественное, существенное переустройство всей системы социальных отношений и служащие основой для революционных массовых движений трудящихся, сочетались бы с детализированным и возможно более строгим знанием разнообразных механизмов, реально функционирующих сегодня, на данной стадии развития того или иного общества в сфере производства, потребления, политики, культуры, социальной и индивидуальной психологии и т.п.

В этих условиях особенно актуальной оказывается разоблачение новейших попыток противников и фальсификаторов марксизма разорвать характерное для марксизма диалектическое

единство объективного научного социологического анализа исторического процесса, революционности, партийности и гуманизма, противопоставив Маркса-социолога Марксу-революционеру и Марксу-гуманисту.

В этих условиях становится особенно опасным в идеологическом отношении разрыв и взаимное отчуждение ориентированной на гуманистические и революционные традиции социально-философской теоретической мысли от научного социального исследования.

В этой связи достаточно указать на характерные для социальной науки в странах капитала тенденции социологического позитивизма, односторонне и узко-понимаемые функционализм, операционализм и эмпиризм, на "социальную инженерию", подчиненную утилитарным и манипуляторским установкам бюрократической организации, а также на попытки некоторых американских социологов /С.Липсетта и др./ фальсифицировать методологические и теоретические основы научной социологии, созданной Марксом, попытки истолковать эту социологию в духе "сайентизма".

В этой связи перед социологией, развивающей традиции К.Маркса /кстати сказать, создавшего основы социологии познания/, стоит сегодня крайне актуальная в теоретическом и идейно-политическом плане задача глубокого, всестороннего, свободного от идеологического субъективизма критического анализа противоречивого процесса развития социального исследования в XX веке на Западе в странах капитализма. Очень важно понять, как процесс внутреннего разделения труда в рамках исследовательской деятельности социологов, являющийся выражением тенденций, общих для поступательного развития всей современной науки, исторически оказался тесно связанным с возникновением отчужденных форм интеллектуального труда, форм, естественно ассоциирующихся с явлениями дегуманизации, как этот процесс оказался связанным с идеологической защитой и апологетикой капитализма. Этому способствовали социальные

отношения, в рамках которых развилось научное социологическое исследование, специфический характер анализа, исходившего от господствующей /госмонополистической/ социальной организации, способы практического применения данных, получаемых исследователем, и, наконец, функциональная роль, которая была навязана исследованию общей логикой борьбы идей, отражающей борьбу классов и социальных сил современности.

Например, специфический характер практических задач управления системой социальной организации, возникшей в США и странах Западной Европы в рамках государственно-монополистической экономики, способствовал развитию функционального анализа в социологии и одновременно определил особую форму этого развития, привел к искусственному и опасному для общей системы социального знания противопоставлению революционно-исторического подхода к обществу и узкофункционального подхода к механизмам, типичным для определенной переходящей его стадии. Функционализм, естественно и необходимо возникающий в развитии науки как относительно самостоятельный тип и уровень исследовательской деятельности, выступает в этом случае также и как идеологическая реакция на марксову историко-материалистическую, диалектическую теорию социального процесса, в центре внимания которой находятся исторические закономерности перехода от одной общественно-экономической формации к другой.

Усилия социологов, пользующихся специфическими методами функционального анализа, в этих случаях оказываются направленными, прежде всего, на конкретное решение проблем, связанных с задачами интеграции наличной, господствующей системы отношений государственного монополистического капитала, с задачами социального, в частности, идейно-психологического контроля над человеком применительно к функциональным потребностям системы господствующих социальных институтов, в конечном счете, соответствующей определенной структуре экономической и политической власти определенному типу ценностей,

господствующих в странах капитала.

Социологи-функционалисты сосредоточили внимание на механизмах самовоспроизведения существующей, т.е. буржуазной социальной системы, на явлениях повторяемости в социальном поведении людей в рамках этой системы, на механизмах "социализации" человека, т.е. его приспособления к выполнению определенных, задаваемых ему извне социальных ролей, на механизмах стандартизации поведения /обычаи, привычки/.

Таким образом, с одной стороны, имело и имеет место быстрое расширение и дифференциация проблематики социального исследования, проникновение науки в механизмы функционального взаимодействия различных сторон общественной жизни, в механизмы, действие которых ранее не было объектом детального систематического изучения и знание о которых очень важно для понимания исторического процесса. С другой стороны, четко обозначается метафизическое преувеличение роли и значимости состояния относительного равновесия в рамках социальной системы и механизмов "социального конформизма", преувеличение, имеющее определенный идеологический смысл.

В этой связи следует учесть, что в XX веке социология встретилась с новым кругом проблем. Пока основным объектом изучения было общественное развитие, взятое как единый и целостный процесс, для социологов тоже была характерна некоторая непосредственная целостность методологических приемов исследования. Почти все они имели дело с одним уровнем социологического анализа.

Различия в подходе к объекту, конечно, существовали, но это были, главным образом, различия философских и идеологических направлений, в конечном счете отражавших борьбу различных классов и социальных движений. Социологи, главным образом, выполняли задачи общего осмысления проблем общественной жизни и жизни личности, взятых в целом, и конечным результатом их деятельности оказывались всеохватывающие социальные **доктрины** и концепции, либо оправдывающие существующие социальные порядки и состояния человека, либо обосновывающие необходи

мость их радикального преобразования. Но уже социологическое наследие Маркса свидетельствует о понимании им недостаточности социально-философского анализа, т.е. анализа, совершаемого в рамках лишь самого высокого уровня обобщения, недостаточность часто суммарного подхода к социальному прогрессу, социальным формациям и проблеме человека. Эти традиции марксизма приобрели особое значение в XX веке, когда социология столкнулась с необходимостью детального системного исследования общества и личности как многостороннего конкретного взаимодействия различных сторон и элементов, и практическое решение этой задачи осуществлялось и осуществляется через разделение труда и специализацию в рамках социологии.

Разделение труда в социологии влечет за собой разнообразие подходов, систем измерения и точек отсчета. Процесс производства знаний о социальном движении становится гораздо более дифференцированным и потому внутренне более противоречивым. Дробление проблематики повлекло за собой относительное обособление методологических приемов, техник и процедур. Это обособление может явиться одновременно и условием, и препятствием для развития тенденции к интеграции социального знания — стремления реализовать в области социологии столь характерные для работ основоположников марксизма-ленинизма принципы целостного производства знаний и объединить в единую картину социальной жизни результаты разнообразных тематических исследований.

Практическая реализация этого стремления зависит не столько от внутренней логики науки, сколько от исторического, социального, политического и идеологического контекста, в который социальное исследование оказывается включенным.

Это можно также проследить на примере эволюции социально-психологического исследования в США и других капиталистических странах.

Как известно, выявление механизмов межличностного взаимодействия оказалось весьма важным для решения многих

практических проблем, связанных с поведением человека в конкретных ситуациях. Специфическая методика социально-психологического исследования, изучающего действие этих механизмов /тесты, интервью, социометрические матрицы, эксперименты с малыми группами и т.д./ создала возможность эмпирически обнаруживать их и предсказывать отдельные результаты их действия.

Одним из условий становления этой методики явилось отвлечение от таких связей объективного порядка, которые оказались на эмпирическом уровне постановки задач как бы внешними для системы внутреннего функционирования специфических социально-психологических механизмов, например, отвлечение от безличных связей, действующих в сфере экономики, в рамках определения способа производства и распределения.

Однако отвлечение становится методом научной абстракции в широком и полном смысле слова /в том смысле, в котором социальная наука выступает в учении К.Маркса/, только если оно может быть преодолено и снято в общем процессе развития социального знания, включающим многосторонний подход к изучаемым процессам.

Рассматривая межличностные связи на основе уже проведенного научного анализа объективных социально-экономических отношений, их исторической эволюции, социолог вырабатывает иную интерпретацию социально-психологического взаимодействия людей, нежели ту, которую можно получить в результате чисто описательной, эмпирической, "беспредпосылочной" констатации фактов. Отвлечение, не являющееся осознанным исследовательским приемом, возникающее как следствие стихийно-складывающейся установки или установки, задаваемой извне прагматическими целями заказчика, легко превращается в методологическую ограниченность, суживающую историческое видение социолога. Отвлечение, ставшее не относительным, а абсолютным, есть уже не просто тип научной абстракции, а определенная идеологическая позиция. В рассматриваемом нами примере ее суть

состоит, например, в игнорировании социальным исследователем роли общественных отношений, связанных с объективным фактом существования частной собственности и, прежде всего, такой ее формы, как монополистический капитал в социальной жизни и в сфере взаимодействия людей.

Выделение особого типа исследования, специализирующегося на социально-психологическом анализе внутригрупповых и межгрупповых отношений, представляло важный этап в развитии социологии. Но в тех социальных условиях, в которых они возникали на Западе, эти профессиональные формы деятельности социолога приобретали специфический идеологический смысл. Так, в США многие социологи оказались вовлеченными в работу по налаживанию системы идейно-психологической манипуляции людьми во имя интересов тех или иных организаций, связанных с господствующими отношениями социального командования и власти. Реально добытое наукой знание о социально-психологических механизмах использовалось правящими бюрократическими организациями-заказчиками для обработки умов и чувств людей, подчиненных этим организациям, для ведения "психологической войны" против революционных движений.

Способствуя вторжению социологии в сферу анализа непосредственных побудительных мотивов и стимулов поведения людей, организация господствующего класса одновременно способствовала отчуждению эмпирического исследования "поведенческого типа" от широкой общесоциологической теории, могущей стать основой для формирования научного, революционного мировоззрения. Бедь эта организация нуждалась, прежде всего, в социологическом консультанте по вопросам "социализации" человека, по борьбе с различными видами поведения, отличающегося от господствующих норм, стандартов, установок, по борьбе с явлениями "социальной дезорганизации". Она нуждалась в опытном манипуляторе, использующем добытые научным исследованием знания для утверждения конформизма.

Решая задачи получения проверенных, репрезентативных фактических данных, разрабатывая технику обобщения этих дан-

ных для выявления характерных для той или иной ситуации зависимостей, пригодных служить ориентиром для практики, подобный социолог выступает в роли "социального инженера", т.е. как правило, занимается изысканием определенных оптимальных средств для достижения социальных целей, которые сами по себе оказываются чем-то лежащим вне его исследования.

Эти цели чаще всего определяются либо господствующей в данном обществе системой ценностей, либо интересами каких-либо социальных групп, причем в обществе, где объективно становятся интересами различных классов и групп, все зависит от того, какой класс влияет на постановку задач для экономических и институциональных средств власти и массового влияния, добивается для своих целей поощрения главенствующих и господствующих в обществе. Не случайно, усовершенствованный социологический функционализм "социальной инженерии", независимо от воли исследователя, столь часто ассоциируется с апологетикой существующего режима.

Поэтому-то сегодня столь важной в идеологическом плане задачей оказывается развитие методологии и теории субстанционального социологического анализа, исследующего сущность и общее направление объективного социального развития, формулирующего основные цели этого развития на основе изучения и оценки противоречивых исторических тенденций, оценки, опирающейся не просто на потребность нахождения оптимальных условий функционирования системы существующих институтов, а на весь процесс развертывания сущности человека, связанный с логикой всего исторического развития цивилизации, с логикой основных социальных движений современности и гуманистических идеалов, их вдохновляющих, и прежде всего, с движением сознательного пролетариата.

Наиболее значимым историческим примером такого субстанционального анализа является учение К.Маркса и В.И.Ленина, всегда стремившихся к диалектическому преодолению специфических особенностей и ограниченностей частного социального

знания, которым располагало в тот период человечество, единой целостной картине социального процесса.

Осуществление тех же задач, но на современной стадии разделения труда и специализации в сфере социального знания, является условием творческого развития марксистской социологии сегодня. Только на основе создания и постоянного творческого развития такой интегрированной системы знания человек в современном мире может осознать свою собственную сущность и сущность общества, в котором он живет, понять реальные исторические альтернативы, стоящие перед ним, осуществить свободный, сознательный выбор альтернатив и организовать совместную социально-практическую деятельность по реализации научно-обоснованных широких программ. Такая интегрированная система знаний служит надежным компасом для коммунистических и рабочих партий.

Фактический разрыв конкретного социологического исследования и традиций социально-философской гуманистической и вместе с тем революционной мысли, разрыв, о котором так много говорится сегодня на западе, способствует распространению односторонних и по сути дела фальсифицированных интерпретаций учения Маркса, мешающих правильно оценить все возрастающую значимость этого учения в современную эпоху.

Выше уже говорилось о "сайентистской" интерпретации Маркса. В этой связи можно указать также на весьма распространенную интерпретацию теории К.Маркса в духе глубокого технико-экономического детерминизма. Согласно данной интерпретации, теория Маркса прямо, якобы, непосредственно и полностью подчиняет многосторонний процесс человеческой деятельности объективной логике безличных социальных связей и потребностей, возникающих в сфере материального производства, и отрицает огромное значение и активную роль масс, трудящихся классов, их духовных устремлений и идеалов.

Эта вульгарная версия стремится внушить мысль, что в рамках марксовой теории ориентация на научное познание объек-

тивных процессов и потребностей материального производства **несовместима** с этикой, с принципом пролетарской партийности, с ориентацией на революционное преобразование общества во имя гуманистических идеалов.

Искажение в этом духе Маркса тем более идеологически вредно и опасно, поскольку в глазах современного рядового человека, **мелкошленного** в истории философии и социологии, идеи великого социалиста, демократа и революционера — Маркса могут выглядеть как теоретическое оправдание той тенденции к бюрократизации, о которой столь подробно пишут современные социальные критики на Западе. Ведь апологетика госмонополистической бюрократии сегодня очень часто исходит из логических схем технико-экономического детерминизма, рассматривая бюрократизацию лишь как необходимый результат и условие развития современного индустриального производства.

Как известно, апологеты капитализма ныне всячески стремятся оправдать эксплуатацию трудящихся ссылаясь на "объективные" требования и заботу об "эффективности" современного производства. Примером может служить концепция "единого индустриального общества". Ее защитники охотно спекулируют на буржуазных и мелкобуржуазных извращениях учения Маркса в духе "технико-экономического детерминизма", подменяя учение Маркса о капитализме как системе частнокапиталистических отношений тезисом о капитализме как системе максимально—"рационального" подхода к управлению материальным и духовным производством.

В результате выдвинутая марксизмом-ленинизмом задача революционного слома капиталистических отношений и создания социалистических форм общественной жизни подменяется программой налаживания наиболее эффективной организации производственной, научной и административной деятельности. Основным рычагом социального прогресса провозглашается установление господства технократии, квалифицированных чиновников-специалистов, идеологически и нравственно нейтральных. Искажение в

этом духе учения Маркса тем более опасно, что сегодня для государственно-монополистической бюрократии характерна тенденция к дегуманизации форм человеческой деятельности, и обезличиванию связей между людьми. Эти связи выступают как функциональные, отчужденные от рядового труженика, его интересов, склонностей, потребностей его развития как целостной личности. Человек оказывается здесь лишь средством для обеспечения интересов какой-либо организации, в механизм деятельности которой он включен. В системе индустриальной бюрократии рабочие оказываются простым придатком производственных процессов /функционирование системы машин/, а служащие - придатком административно-финансовых процессов, машины управления. При этом бюрократия изображает свою собственную деятельность и организацию, прежде всего, в понятиях и терминах экономико-технической рентабельности и эффективности. И в этом ей помогает ориентированная на узкий функционализм и "социальную инженерию" социология, легко воспринимая эту терминологию, как свою собственную ценностную ориентацию.

При этом оказывается скрытой та действительная сущностная связь, которая существует между бюрократической дегуманизированной организацией и характером объективных социальных классовых отношений, системой культуры, системой ценностей, существующих в данном обществе. К. Маркс исследовал эту связь, показав в "Капитале" /в том/ внутреннюю двойственность форм управления обобществленным производством в условиях капитализма. Он показал, что организация этого управления подчиняется не только объективным потребностям рационального ведения объединенного индустриального производства, но, что особенно важно понять, классовым интересам экономически господствующих социальных слоев, осуществляющих командование верными и людьми. Рациональное управление хозяйственной деятельностью здесь осуществляется в общих рамках, связанных с потребностями функционирования капитала. Выбор альтернатив в процессе управления, выбор критериев эффективности управления зависит

от системы господствующих ценностей, в конечном счете выражающих объективную классовую структуру и исторический тип культуры данного общества. Исходя из этого анализа, К.Маркс разработал программу научного коммунизма, программу создания социальной организации, исключающей дегуманизацию в организации деятельности людей, как условие и критерий эффективности этой деятельности.

В современных условиях искажение учения Маркса в духе "экономизма" и "технократического детерминизма" может приводить к дискредитации марксистских идей в глазах людей, протестующих сегодня против бюрократического псевдоколлективизма, но знакомых с марксизмом лишь по фальсифицированным версиям. Так, протест против буржуазного псевдоколлективизма нередко выступает в форме борьбы за реставрацию буржуазного и чаще мелкобуржуазного индивидуализма, в форме индивидуалистического анархического бунта против всякой идеи коллективизма вообще и даже используется прямым антикоммунизмом, а также правым и левым экстремизмом, направляющими этот бунт против носителей идей подлинного коллективизма — коммунистических партий.

Но именно Маркс и его последователи-ленинцы не только выступили с резкой критикой буржуазных форм организации, с критикой бюрократических суррогатов коллективизма, "мнимой" коллективности, которая, по выражению К.Маркса, противопоставляет себя рядовым членам общества как "лицо самостоятельное", поскольку является "объединением одного класса против другого" и для ~~подчиненного~~ класса оказывается не только "иллюзорной коллективностью", но и "новыми оковами". К.Маркс, В.И.Ленин и их последователи выдвинули программу создания коммунистической, последовательно демократической коллективности, как подлинной ассоциации самих трудящихся, в которой развитие ассоциации целостной системы не противоречило бы развитию каждого ее члена как целостной личности".

Как известно, в послевоенной Европе и США получают все большее развитие и распространение разнообразные формы социально-критических леворадикалистских теорий, ориентированных на гуманизм и социальную революцию. Главными объектами критики в этих теориях оказываются тенденции бюрократизации общественной жизни и отчужденные, дегуманизированные формы социальной организации и социальной деятельности в странах монополистического капитализма, тенденции принудительной идеино-психологической манипуляции сознанием и чувствами людей, тенденции стандартизации культуры и личности. Резко критическое отношение и очевидное бессилие вызывает усугубляющееся противоречие между очевидными успехами функциональной рационализации и одновременным возрастанием иррациональности в социальном процессе, возрастанием роли стихийных сил, угрожающих человечеству социальными катастрофами. И действительно, научно-техническая революция обращивается процессами, выходящими из-под контроля людей, безработицей, выталкиванием тех или иных довольно широких слоев населения из процесса производства, люмпен-пролетаризацией, развитием городских трущоб и т.п. Колоссальные силы науки оказываются в руках милитаристов, организующих военные авантюры и держащих палец на атомной кнопке

Социально-критическим, леворадикалистским теориям отнюдь не свойственен позитивистский страх перед широкими социально-философскими обобщениями (страх, как известно, довольно характерен до сих пор для массового уровня общественной науки на Западе). Они склонны к постановке весьма общих, наиболее актуальных проблем современности, к постановке проблем социальной революции.

Поскольку в новейший период истории задачу разработки философских и идеологических основ глубокой социальной критики и социальной революции ставил и решал марксизм-ленинизм, не случайно многие социально-критические теории в той или иной форме обращаются к идеям К.Маркса. Однако в ряде наиболее популярных социально-критических теорий мы обнаруживаем весьма одностороннюю и искаженную интерпретацию идей Маркса. Характерной чертой подобной интерпретации оказывается противопоставление гуманистического идеала Маркса — идеала целостной, гармонически развитой и свободной личности — его политической экономии и социологии, учению о путях практического организованного движения рабочего класса за коммунистическое переустройство общества. Сторонники данной интерпретации нередко утверждают, что социологические прогнозы Маркса опираются не на анализ объективной логики исторического процесса, а, якобы, лишь на ценностные установки, что марксизм, в отличие от строгой социальной науки, апеллирует не к объективным причинно-следственным связям и зависимостям, а лишь к системе этических постулатов и идеалов ("этический социализм").

С этим же типом интерпретации связаны также весьма распространенные в последние годы попытки выдать учение К.Маркса за своего рода "гуманистический антропологизм", сблизив его с экзистенциализмом или либерально-протестантской моралистикой.

Искажение в этом духе учения К.Маркса нередко оказывается проявлением и результатом того глубокого разрыва между гуманистической социально-философской мыслью и систе-

мой конкретных социальных исследований, о котором говорилось выше.

Одним из идеологических последствий специфического ("сайентистского") развития социального исследования на Западе явилась дискредитация социологии как типа научного знания в глазах тех слоев общественности, которые выступают в защиту идеалов гуманизма и демократии, в защиту коренных социальных переворотов. Отрицательное отношение к "технизму" и "сайентизму" бюрократически-ориентированного социологического исследования, с которым чаще всего социальной критике приходится иметь дело, перерастает в недоверие к социологии как таковой, приводит к очень серьезным последствиям, в том числе к последствиям чисто идеологического характера.

Радикально-критическая теория всегда исходит из того или иного описания социального видения и истолкования объекта критики. В данном случае таким объектом является современное развитие в индустриальном отношении общество, типичный для общества характер внутренних связей, институтов, их функций и особенностей, характер механизмов поведения человека, личности, ролевой структуры личности, мотивов, переживаний и т.п.

Когда при характеристике объекта критики тот или иной леворадикальный теоретик принципиально отказывается пользоваться данными профессионального социологического исследования (а именно так обстоит дело, например, с Г.Маркузе), он чаще всего оказывается вынужден полагаться либо на свои личные субъективные представления и эмоции, на представления и настроения, бытующие в обыденном сознании и общественном мнении и внешне выступающие как некие очевидности, т.е. чаще всего на фетишистские иллюзии и превращенные формы сознания, которые столь блестяще анализировал К.Маркс.

Декларируя свое негативное отношение к профессиональной социологии, он отказывается от использования предостав-

ляемых ему современным социальным исследованием инструментов, способных в какой-то мере помочь научной проверке этих объединенных представлений. А какие инструменты сегодня есть. Например, инструменты, используемые социологами, могут помочь установлению степени репрезентативности фактов данных, на которые леворадикальный критик, обычно опирается при описании тех или иных, критикуемых ими состояний общественного сознания и личности.

Легко может случиться и нередко случается, что представления тех или иных авторов, интуитивно воспринимаемые как адекватно характеризующие положение дел в современном обществе, в частности, в капиталистическом обществе, на самом деле объективно несут на себе печать влияния тех же самых идеологических установок, стереотипов, настроений и иллюзий, которые характерны для отвергаемого леворадикальным критиком апологетического "позитивистского" социологического мышления...

Поясним эту кажущуюся внешне парадоксальной мысль на примерах.

Как известно, социальные критики из лагеря "новых левых" прежде всего озабочены характером влияния современного индустриального производства, современной техники на общество и человека (пример - "Одномерный человек" Г.Маркузе).

Бюрократически ориентированное социальное исследование в США, сконцентрировавшее основное внимание на проблемах управления, проблемах "социализации" человека применительно к функциональным потребностям этого управления, как известно, приняло в качестве общей идеологической установки идею о детерминированности самой бюрократической организации характером современной техники, требованиями ее максимально-эффективного использования. Это нашло свое выражение в принятии "модели эффективности" как основной рабочей модели функционального анализа. Все другие существенные социальные связи, порождающие бюрократические формы управления и специфику отношения бюрократа к человеку (классовые противоре-

чия), обычно не становятся объектами исследования и в модель бюрократии не включаются. Подобная модель бюрократии в идеологическом плане выступает чаще всего как общий постулат, как исходная, основная схема социального видения всего круга явлений, связанных с феноменом бюрократии.

Социально-психологические исследования личности рабочих и служащих, связанные с моделью бюрократии, направили внимание на определенные параметры и свойства личности, на механизмы конформизма, дисциплины, приспособленности к функциональной ролевой структуре, рассматриваемой в рамках этой модели.

Все свойства и механизмы личности, противоречащие данным целевым установкам или не укладывающиеся в рамки вышеуказанной модели, либо не стали объектом профессионального исследования, либо рассматривались как дисфункция и симптомы "отклоняющегося поведения".

При этом акцент был сделан на управляемость сознанием человека, на его к трюлируемость, на те эмпирические данные, которые подчинялись зависимостям, обнаруженным исследователями и в прагматическом смысле "работающим". Этот акцент тоже имел идеологическую значимость. Он был показателем определенных исходных рамок социального видения, исходного ценностного горизонта исследователя. Одновременно этот акцент указывает на связь формы и содержания социологического исследования с общими господствующими в идеологическом сознании США способами и моделями видения человека вообще, его роли в современном обществе.

Леворадикальный критик, выступающий против бюрократически-функционального и манипуляторского отношения к человеку, может в то же время некритически отнестись именно к вышеуказанным идеологическим схемам, моделям и способам социального видения. В результате в его сознании возникает "одномерная" картина современного общества и человека в нем (как это мы видим в книге Маркузе "Одномерный человек"). Возникает представление, что для современного капиталисти-

ческого общества, рассматриваемого лишь в одном измерении, лишь в его связи с современной техникой (при игнорировании других материальных социальных связей), типична одна, все определяющая и всеподчиняющая себе тенденция – тенденция к бюрократическому контролю и конформизму в сознании и поведении широких масс трудящихся.

А отсюда характерная идея о том, что рабочий класс в условиях развитого производства, по их мнению, не только утратил революционную сущность, но и стал интегрированным элементом госмонополистического бюрократического режима. При этом, если апологетически настроенные идеологи отбрасывают саму идею социалистической революции, то "ультра-левые" теоретики, эмоционально выступающие за революционный слом системы госмонополистического капитализма, исходят практически из тех же теоретических предпосылок, что и апологеты этой системы – прежде всего из отрицания революционной сути, революционных потенций, руководящей роли рабочего класса в борьбе за прогресс, демократию и социализм. Для них характерен культ мелкобуржуазной стихийности и игнорирование роли мировой социалистической системы в революционном движении.

Теоретики левого экстремизма кичатся своей бескомпромиссной критикой капитализма, однако, объектом их критики является не столько госмонополистическая бюрократия, сколько современный рабочий класс и его марксистско-ленинские партии. Под удар их критики попадают как раз новейшие технико-экономические тенденции общественного развития, те социальные силы, которые имеют дело с передовой техникой и наукой, те личностные качества, которые порождает высокое развитие цивилизации (высокий уровень потребностей и жизненных запросов и т.п.).

Манипуляторски-ориентированное социальное исследование в ряде стран Запада и особенно в США, как известно, исторически тесно связанное с организацией коммерческой рекламы, с обеспечением эффективности средств массовых ком

муникаций, сконцентрировало свое внимание на личности человека-потребителя и покупателя, на изучении механизмов, способных побудить его покупать и потреблять (компенсаторные механизмы, мотивы, связанные с социальным престижем и т.п.), на возможностях контролировать желания человека, стимулировать их и добиваться психологического эффекта их удовлетворенностью.

Эти особые утилитарно-прагматические формы подхода к проблемам потребления со стороны социальных организаций и институтов, ассигнующих деньги на исследования, а затем и со стороны самих исследователей идеологически обычно оправдываются при помощи ссылок на факты роста массового производства продуктов потребления, на экономическую необходимость поддержания высоких темпов роста производства.

Идея о власти над потребительскими ожиданиями и привычками человека, односторонний акцент на роль потребительских ожиданий и привычек в структуре личности оказались не только рабочими установками исследователя-профессионала, но и общими постулатами идеологического отношения к современному человеку, общими формами видения и истолкования сущности этого человека.

Некоторые социальные критики, справедливо озабоченные фактами развития потребительской психологии, потребительского отношения к жизни, вместе с тем некритически восприняли эти постулаты и формы видения, приняли всерьез самоуверенную "оптимистическую" идеологию коммерческой рекламы, в результате чего возникли "одномерные" представления о современном развитом индустриальном обществе, как об обществе, естественно (уже в силу своей развитости) превращающемся в "потребительское" общество. Возникла односторонняя, "одномерная" картина личности члена этого общества как в своем подавляющем большинстве личности "человека-потребителя", обладающего к тому же удовлетворенным или даже "счастливым" сознанием (см. у того же Маркузе в книге "Одномерный человек").

Вне поля зрения такой леворадикальной критики остаются многочисленные факты, свидетельствующие о наличии бедности и резких социальных контрастов в уровне жизни в странах наиболее развитого капитализма, а также факты, говорящие о массовой неудовлетворенности людей именно уровнем потребления, далеко не всегда являющегося показателем узкопотребительского отношения к миру, а очень часто связанной со справедливыми и необходимыми требованиями трудящихся; требованиями, которые должны быть включены в программу практического и теоретического гуманизма.

Теория структурно-функционального анализа и исследовательская практика, на него опиравшаяся, как известно, в США и других странах капитализма использовали в качестве рабочей модели "ценностно-нормативную" модель общества (система общепринятых, господствующих ценностей и норм, выражающихся в ожиданиях людей, в человеческом характере, система, объективирующаяся в институтах и формах социального действия). Эта модель способствовала задачам изучения общества как некоей социальной целостности, но целостности особого рода, рассматриваемой через механизмы самовоспроизводства данной социальной системы, механизмы, работающие в направлении ее внутренней интеграции и относительной стабильности, механизмы подключения к ней новых поколений и т.п.

Эта модель была построена в одном определенном измерении. Она не могла охватить и, главное, понять диалектику общественной жизни, общественного бытия и сознания, объединить внутреннюю саморазорванность земной основы общества (если пользоваться выражением К.Маркса), характерную для определенных стадий его развития и особенно четко проявляющуюся при наличии классов со сталкивающимися противоположными интересами. Она не претендовала и не могла претендовать на объяснение объективной логики перехода одних социальных систем в другие, логики развертывания внутренних противоречий, порождающих социальные конфликты и про-

цессы, работающие против интеграции и самовоспроизводства данной системы.

Односторонний акцент на механизмы социальной согласованности и целостности, для фиксирования которых предназначалась данная целостно-нормативная модель, оказывается внутренне связан с особыми формами идеологического видения, с апологетическими иллюзиями, представляющими современное капиталистическое общество как "тотальность", в рамках которой любые социальные противоположности и конфликты могут согласовываться и устраняться функционально-рациональной организацией технологии, административного бюрократического аппарата и манипуляцией умами, чувствами и желаниями людей.

Леворадикальный критик, которого мы имеем в виду, со всей решительностью осуждает эту "одномерную тотальность", отвергает ее с позиций гуманизма, как несовместимую со свободным развитием человеческой личности, ее способностей, потенций, инициативы, и даже рассматривает её как новую замаскированную форму рабства. Но при этом нередко в его сознании остается непреодоленной та идеологическая одномерность в видении окружающего его общества, которая присутствовала у апологета этого общества, только здесь она выступает со знаком минус. Одномерно-интерпретируемая "социальная тотальность" столь же одномерно и тотально отвергается.

Критика оказывается преимущественно эмоционально-аксиологической, оторванной от реальности, фиксируемой, в частности, на данных систематического научного социологического, исторического, экономического и социально-психологического исследования многообразных социальных процессов и связей, на анализ их действительной внутренней противоречивости и многомерности.

Без конкретного профессионального и строгого социального анализа знаний, интегрированного в теории и диалектически осмысленного, нельзя увидеть реальное соотношение

и борьбу различных тенденций в сфере современного материального производства (в объективных требованиях, предъявляемых научно-техническим прогрессом к социальной организации и личности), в социально-классовой структуре, в сознании и поведении людей. Без этого невозможно обнаружить и с достаточной точностью оценить те реальные тенденции, которые уже сегодня являются или завтра могут стать основой и питательной средой практического и массового социального движения за реализацию гуманистических идеалов, те тенденции, с которыми связаны действительные, а не иллюзорные альтернативы современной истории.

Без этого нет возможности увидеть переход от действительного к желаемому и выработать методологию научно-критического отношения к самому желаемому.

Без этого гуманистическая мысль оказывается искусственно переключенной с конкретной критики социальных процессов, порождающих антигуманную внутреннюю и империалистическую внешнюю политику, на абстрактную критику "индустриализма" вообще и "технизма" - в частности; она может быть направлена в русло "ультра-левой", "ультра-революционной", но по сути утопической и анархической фразеологии.

Для реализации этих условий социальной критики, разбираемой здесь, следовало бы, в частности, преодолеть одномерность ее отношения к реально-существующему профессиональному социальному исследованию, отделить те потенциальные возможности, которые дает специализация и разделение труда в рамках социального исследования, от тех конкретных социально-идеологических форм, в которых эти возможности чаще всего реализуются в странах капиталистического Запада. И в этих странах, если мы обратимся к реальным результатам многих исследований, к результатам, отражающим объективную логику социальных фактов, попадающих в поле зрения социолога, а не общепринятые идеологические и фетишистские установки, можно обнаружить репрезентативную и очень интересную научную информацию о реальной противоречивости тенден-

ций социальной жизни. Во многих исследованиях потребности современной техники в отношении к человеку выглядят вовсе не столь уже одномерно (например, явления "тренированной неспособности", указываемые Р.К.Мертоном). И связь технико-экономической рационализации с конформизмом показана здесь не столь однолинейно. И "счастливое" сознание потребителя выглядит вовсе не таким уже счастливым. Современные социологи, занимающиеся "социальными проблемами" и явлениями "энами", дают очень интересный фактический материал, опровергающий одномерные иллюзии о "тотальности" общества и личности в странах развитого капитализма.

В этой связи следует опять подчеркнуть значение традиций, связанных с именем К.Маркса, умевшего соединить теоретическую и гуманистическую критику современного ему общества с данными, например, взятыми из отчетов английских фабричных инспекторов, данными, довольно точно фиксирующими многие противоречивые процессы в труде и сознании рабочих того времени. Или можно вспомнить использование В.И.Лениным земской статистики.

Конечно, для реализации потребностей в новой форме целостного социального знания, преодолевающего внутреннюю саморазорванность его различных звеньев, функций и уровней, необходим целый комплекс условий не только методологического, но, что особенно важно, идеологического и социально-организационного порядка. Многие зависит от того, насколько последовательно будут преодолены привычки и стандарты мышления и деятельности, навязываемые господствующими социальными условиями, в частности, условиями госмонополистического капитализма.

х х

х

Для общественной науки в СССР сегодня характерна все более прочная связь с гуманистической философией, усиление внимания к человеку, его стремлениям и мнениям, материальному благополучию и духовному здоровью, эмоциональному и

интеллектуальному его развитию.

Объектами теоретического анализа и эмпирического исследования оказываются не только связи и закономерности развития производства и материальной жизни общества (связи и закономерности объективные и безличные), но и те **тончай-**шие и сложнейшие явления и процессы, которые имеют место в глубинах человеческой психики, в личности человека.

Именно в этом плане идет сегодня развитие советской социологии, где наряду с анализом больших социальных структур, таких, как классы, производственные общности, предприятия, город и т.п., сегодня все более детально и глубоко изучается личность, являющаяся исходным пунктом этих структур.

Для понимания принципиального своеобразия тенденций, наиболее характерных сегодня для развития различных сторон общественного процесса и различных структур, включенных в общую социальную систему, сегодня особенно важно всесторонне исследовать те внутренние требования, которые предъявляет к человеку в условиях социализма современное индустриальное производство, представляющее все более сложную и внутренне дифференцированную систему объективных зависимостей.

Очень важны и нужны максимально точные и конкретные знания того, в каких областях производства, управления и социальной деятельности нуждается эта система для проявления творчества и самостоятельности человека, в какой мере она нуждается в инициативной, активной, творчески мыслящей личности, развивающейся в направлении всесторонности и внутренней цельности, в возникновении таких форм кооперации и сотрудничества людей, которые наиболее полно воплощают принципы подлинно-демократического коллективизма. Социальную теорию и социальное исследование интересует также вопрос о том, какое место эти области производства уже сегодня занимают по отношению к другим областям, где пока еще доминирует рутинизированный труд, и, что самое главное, каковы тенденции изменения соотношений в этой сфере.

Современное социалистическое общество и человек нуждаются в репрезентативном и максимально строгом знании тех объективных требований, которые предъявляет к ним логика научно-технической революции, тех альтернатив и потенциальных возможностей, которые создаются этой логикой, тех социальных, институциональных, культурных и идейно-психологических условий, мероприятий, средств и реформ, которые могут способствовать реализации этих возможностей.

Такие знания, став достоянием общественности, смогут служить ориентиром при обсуждении и принятии общесоциальных и индивидуальных решений, смогут ускорить развитие организации управления социалистическим обществом и помочь вовлечению миллионов его членов в практику этого управления, помочь созданию более совершенных и зрелых форм социалистической коллективности.

Развитие общественной науки в СССР предполагает творческое сочетание ориентации на конкретное решение практических, хозяйственных, организационных, политических и нравственно-психологических проблем с ориентацией на гуманистические ценности — идеал создания гармонически развитой, целостной, свободной личности. Это сочетание должно реализовываться в социальном планировании и прогнозировании при выработке широких, долгосрочных программ, формулирующих общие социальные цели и средства их достижения. Общественная наука стремится, чтобы эти программы были бы максимально свободны, с одной стороны, от ограниченностей узкого эмпиризма и конъюнктурного утилитаризма, а, с другой — от волюнтаризма и утопизма. И в этом своем стремлении она опирается на творческое изучение и усвоение, свободное от субъективизма и односторонности, традиций, воплощенных в учении К.Маркса.

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

У МАРКСА

Развитие конкретных социологических исследований отвечает коренным потребностям нашего общества, решающего огромную историческую задачу сознательного регулирования и контроля своих собственных общественных отношений в интересах коммунистического прогресса и создания предпосылок для наиболее полного развития человеческой личности.

Как успешное квалифицированное развитие этих исследований, так и их практическая эффективность в решающей степени зависит от того, в какой мере они обеспечиваются теоретически и методически.

Под теоретическим обеспечением конкретных исследований мы имеем в виду:

во-первых, разработку конкретных социологических теорий, дающих содержательное объяснение добытым фактам определенной сферы социальной действительности;

во-вторых, марксистскую общесоциологическую теорию, являющуюся методологической и идеологической основой конкретных исследований, т.е. исторический материализм. Это — различные уровни социологической теории. Исторический материализм — теоретико-методологическая основа всего общественнознания, но в применении к другим общественным наукам /истории, экономической науке и др./ на первый план выступают различные его аспекты и стороны. На его стыке с другими науками возникает своеобразный круг проблем. Чтобы исторический материализм сделать более эффективным инструментом конкретных социологических исследований, необходимо выявить те проблемы, разработка которых отвечает насущным потребностям развития социологической науки, и подвергнуть их анализу.

Решая эту задачу, мы вновь и вновь обращаемся к теоретическому богатству, оставленному нам основоположниками марксизма.

Дело, конечно, не в том, чтобы найти новую цитату в трудах К.Маркса или В.И.Ленина для подтверждения какой-либо мысли; речь идет о новом прочтении трудов в связи с современными потребностями развития науки и решения ею современных проблем. При этом в самом классическом наследии обнаруживаются идеи и стороны, которых мы раньше не замечали, не обращали на них внимания. Так, например, развитие системно-структурного подхода, имеющего огромное методологическое значение, заставило по-новому посмотреть, как К.Маркс разрабатывал его. Изучение показало, что им был решен ряд принципиальных вопросов этой темы, и в частности проблема соотношения функционирования и развития, перед которой стала встать буржуазная социологическая мысль.

Хотелось бы обратить внимание на разработку Марксом вопроса об уровнях социального исследования, связи социальной теории и эмпирии. Идея различных уровней социальных исследований и собственно различных уровней социологической теории органически присуща марксизму.

Критика идеалистических концепций в исторической науке, формирование материалистического взгляда на общественную жизнь — великое достижение общественной науки, которая в решении как частных, так и глобальных проблем общественного развития становилась на почву самой реальной действительности.

"Предпосылки, с которых мы начинали, — не произвольны, они — не догмы; это действительно предпосылки, от которых можно отвлечься только в воображении. Это — действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни, как те, которые они находят уже готовыми, так и те, которые созданы их собственной деятельностью. Таким образом,

предпосылки эти можно установить чисто эмпирическим путем.^{1/}

Б всякая социальная теория возможна лишь как следствие изучения реальной действительности и реальных взаимоотношений людей в исторических конкретных условиях существования. Теория, не опирающаяся на эти предпосылки, неизбежно превращается в догму, в философско-историческую схему, которая может служить чьим-либо интересам и потребностям, но оторвана от объективно существующих условий.

Попытки объяснить конкретные явления, руководствуясь какой-то общей "спекулятивной конструкцией", приводят лишь к видимости решения вопроса, ничего не добавляя к тому эмпирическому материалу, которым оперирует философ. Абстрактные теоретические построения, не связанные с действительностью, и эмпиризм, некритическое следование за эмпирической данностью идут рука об руку и взаимно подкрепляют друг друга.

Учитывая, что в обществе действуют "фюррии частного интереса" и существуют другие препятствия для свободного научного исследования в виде отживших теорий, давления обыденных представлений и т.д., надо было раскрыть механизм возникновения неисторических социальных концепций, разоблачить тайну "спекулятивных конструкций". Однако эта критическая работа имела смысл лишь в качестве предпосылки для разработки позитивной социальной теории, проникающей в реальную сущность исторического процесса, для создания методологии, позволяющей восходить от эмпирических данных к теории.

Категорией, введение которой позволило поставить исследование социальной действительности на реальную фактическую основу, является понятие общественно-экономической формации. Следует отметить, что именно Ленин подчеркнул значение этой категории для социологической теории Маркса, в отличие от Плеханова, излагавшего "монистический взгляд на историю", не обращаясь к понятию формации.

1/ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.3, стр.18

Широко известно высказывание В.И.Ленина о том, что "Маркс положил конец воззрению на общество, как на механический агрегат индивидов, допускавший всякие изменения по вине начальства /или, все равно, по воле общества и правительства/, возникающий и изменяющийся случайно, и впервые поставил социологию на научную почву, установив понятие общественно-экономической формации, как совокупности данных производственных отношений, установив, что развитие таких формаций есть естественно-исторический процесс".^{1/}

Категория общественной формации очень насыщена по своему теоретическому содержанию. Она переводит общие философские принципы материализма и диалектики на язык социологической теории. Через нее общие методологические принципы системного подхода превращаются в элементы социальной методологии. Само относясь к общесоциологической теории, понятие формации открывает путь к изучению социальной действительности на более конкретных уровнях.

Именно понятие формации позволило рассматривать качественно-определенное общество как целостный социальный организм, увидеть общее и повторяющееся в развитии различных стран, находящихся на одной ступени исторического развития, и, тем самым, подойти к познанию законов развития общества. Открытие экономического закона движения капиталистической формации и ее перехода в более высокую общественную форму, было целью основного труда К.Маркса - "Капитал".

Теория общественных формаций позволила поставить все разнообразные исторические явления и процессы в определенный исторический контекст и рассматривать их соответственно их собственной природе, а не с позиций желательного, не с точки зрения субъективных целей и идеалов. Без понятия формации немислим и глубокий историзм, характерный для

1/ В.И.Ленин. Полное собр.соч., т.I стр.139.

марксистского взгляда на общество и выражающий также научный подход к обществу. Блестящий пример в этом отношении приводит сам Маркс. Анализируя процесс экспроприации крестьянства в древнем Риме и процесс первоначального капиталистического накопления, Маркс показывает, что "события поразительно аналогичные, но происходящие в различной исторической обстановке, приводят к совершенно разным результатам". Римские пролетарии стали не наемными рабочими, а праздною чернью и там развивался не капитализм, а рабовладельческий способ производства.

"Изучая каждую из этих эволюций в отдельности и затем сопоставляя их, легко найти ключ к пониманию этого явления; но никогда нельзя достичь этого понимания, пользуясь универсальной отмычкой в виде какой-нибудь общей историко-философской теории, наивысшая добродетель которой состоит в ее надисторичности"^{1/}.

В.И. Ленин видит плодотворность метода Маркса в том, что он бросил рассуждения об обществе вообще, о процессе вообще и взялся за изучение одной - капиталистической общественной формации, создав теорию, объясняющую ее развитие. Никакая более общая теория не могла служить средством объяснения развития капитализма. Как известно, Энгельс с презрением отверг нелепую критику Дюринга, упрекавшего Маркса в том, что он, якобы, выводит неизбежность гибели капитализма из самой общей философской теории - из закона отрицания отрицания. Ф.Энгельс подчеркивает, что это было сделано на основе анализа собственных законов капитализма. Никакая общая теория не может служить конкретной теорией конкретного предмета или процесса, раскрывающего своеобразную логику своеобразного предмета.

^{1/} К.Маркс и Ф.Энгельс, Соч., т.19, стр.121.

Но сказанное ни в какой мере не означает недооценки общей теории или ее приращения. Критика Энгельсом нападков Дюринга на Маркса не есть приращение диалектики. Речь идет лишь о том, что Дюринг приписывает диалектике Маркса несвойственные ей функции — функции, которые может выполнить лишь более конкретная теория. Но это разграничение различных уровней теории относится не только к разграничению общеполитической теории и специальной общественной науки. Оно существует и внутри самого социального знания. Когда Ленин пишет, что Маркс бросил разговоры об обществе вообще, он вовсе не имеет в виду, что марксизм не нуждается в теории более высокой степени общности, чем теория, объясняющая процесс развития одной формации. Напротив, он подчеркивает, что в "Капитале" материалистическое понимание истории в целом блестяще применено к исследованию одной формации и что со времени "Капитала" оно превратилось из гипотезы в научную теорию, стало синонимом общественной науки.

Для Ленина важно было доказать, что никакая общая социологическая теория невозможна не вообще, а лишь вне формационного анализа общества, как необходимого посредствующего звена между самой общей теорией и социальной эмпирией. Не касаясь всех сторон этой проблемы, отметим, что именно таким образом обосновывалась идея различных уровней социологического исследования и, следовательно, существования иерархии различной степени общности в марксизме.

Идея различных уровней социологического исследования имеет в настоящее время важное методологическое значение, ибо перед марксистской социологией возникли новые задачи, требующие социологического исследования социальной действительности как в глобальном плане или на уровне целой формации, так и на уровне системы отношений, складывающихся в отдельных сферах общественной жизни и даже в коллективах трудящихся. Для этого, конечно, требуются теории различной степени общности, но органически связанные между собой,

ибо единичное нельзя познать вне связи с особенным и всеобщим. Такая постановка вопроса кажется нам весьма плодотворной еще и потому, что она ориентирует ученых на творческое исследование действительности на основе марксистской общесоциологической теории.

Как общесоциологическая теория исторический материализм содержит в себе научный анализ структуры общественной формации, анализ причинной связи и функциональных зависимостей между элементами социальной структуры, а также определяет объективную направленность исторического процесса, указывает путь не только для понимания истории прошлого, но и для научного предвидения будущего.

Великой заслугой общесоциологической теории марксизма является открытие диалектической взаимосвязи деятельности людей с объективными условиями этой деятельности и законами общественного развития. Тем самым был преодолен волюнтаристский и пассивно-содержательный подход к общественной жизни, раскрыта активная роль субъекта, осуществлен переход от исследования деятельности к объективному анализу функционирования и развития социальных структур.

Природа человека, его сущность раскрываются в его предметной деятельности и общественная жизнь носит таким образом практический характер. Поэтому с изучения деятельности людей начинается всякое социальное исследование задача которого, с одной стороны, понять и объяснить, почему люди действуют так, и не иначе, а, с другой — указать трудящимся пути борьбы за лучшее будущее, дать лозунг борьбы. Не система единичного социального действия, а деятельность.

Массы людей, социальные группы, классы в системе данного общества дают необходимую основу для проведения конкретных социальных исследований. Именно эти принципы служили Марксу руководящей нитью его экономических и социальных исследований.

Большое плодотворное значение открытия Марксом исторического материализма состоит в глубоком проникновении в сущность исторического процесса в анализе сущности и функций действующих в обществе экономических, социальных, идеологических механизмов, в выработке методологии общественного познания. дальнейшая разработка этой проблематики является необходимой стороной развития социологии.

Исторический материализм является не только методологической, но и идеологической основой социологических исследований. исторический материализм был всегда органически связан с критикой капитализма. В противоположность Гегелю, для которого отчуждение человеческой сущности было тождественно опредмечиванию, а снятие отчуждения означало лишь ее присвоение в сознании, **Маркс** уже в "Экономическо-философских рукописях" увидел другую задачу, поставленную самой жизнью, — устранение не самого опредмечивания, а бесчеловечного способа опредмечивания родовой человеческой сущности, которая выражалась в трудовой деятельности. Такой подход, во-первых, превращал проблему отчуждения из чисто философской в социальную; и, во-вторых, вел за собой тезис о том, каким образом в самой истории происходил процесс формирования бесчеловечных условий для этой самой основной, сущностной, т.е. трудовой деятельности человека, и каковы условия, предпосылки, пути и средства освобождения труда.

Исторический материализм возник как философско-социологическая концепция, содержащая научно-разработанный ответ на главную социальную проблему, поставленную ходом развития капиталистического общества, — проблему освобождения труда.

В ходе своего развития исторический материализм решал ряд важнейших вопросов, без которых невозможно

существование социологии как науки, и это развитие было связано с осмыслением социальных проблем, стоящих перед обществом.

В настоящее время развитие социологии в целом и исторического материализма, в частности, возможно лишь в органической связи с процессами социальных преобразований, происходящими в мире и, прежде всего, с процессом совершенствования и развития социалистических общественных отношений. Вне этого процесса и вне связи с ним существование социологии как науки оказывается ненужным и невозможным.

МАРКС И ПРОБЛЕМА ОСВОБОЖДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Проблема освобождения личности всегда была центральной проблемой теоретической мысли Маркса. Не случайно, когда Ф.Энгельса попросили дать в одной фразе самое существенное в учении К.Маркса, он избрал известное положение, что целью развития является такая "ассоциация, в которой развитие каждого является условием свободного развития всех".

Проблема освобождения личности у Маркса очень актуальна в свете современной идеологической борьбы, ибо наши противники противопоставляют два периода в развитии Маркса: - молодого Маркса - гуманиста зрелому Марксу - материалисту. В действительности проблема личности и проблема освобождения человека оставалась основной на протяжении всей деятельности Маркса; и, если можно говорить о различии, то надо иметь в виду, что, начав с проблемы освобождения человека, Маркс определяет те средства и социальные условия, которые позволяют освободить отдельного человека и все человечество. Эта двуединая задача видна в акцентах теоретической мысли Маркса.

Марксова теория личности заострена против двух главных противников. С одной стороны, концепция Маркса развивается в борьбе против индивидуалистической робинзонады, против атомистической концепции общества, исходящей из абстрактных индивидов. С другой стороны, Маркс выступает против абсолютизации и фетишизации существующих социальных структур, превращающих индивида в пассивный "продукт" не им творимой истории. В политическом плане это означает борьбу как против отчуждения и овещствления личности в мире буржуазной собственности, так и против примитивного уравниательства, фактически отрицающего ценность культуры и индивидуальности. Этот второй аспект полемики актуален потому, что в нем отражается научный и политический реализм Маркса, революционность его теории, гуманизм Маркса, его безграничная вера в творческие

способности человека.

По выражению Маркса, "сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей деятельности она есть совокупность всех общественных отношений".^{1/} Этот тезис четко ориентирует на рассмотрение личности не в качестве изолированной монады, а как общественного существа. Мы ошибочно трактовали эту формулировку как теоретическое определение Марксом личности, однако в сущности она не является определением личности. Маркс явно имеет в виду не конкретного эмпирического индивиду, а человека как родовое понятие /"сущность человека"/. Непонимание этого обстоятельства практически снимает проблему личности как таковую.

Во-первых, если все сводится к тому, что человек есть совокупность всех социальных отношений, то этим снимается проблема индивидуальных особенностей лица, которые обусловлены не только социально, но и биологически.

Во-вторых, это неверно потому, что при таком определении снимается проблема конкретной индивидуальности, а отдельный индивид, кто бы он ни был, никогда не включает в себя тотальность общественных отношений.

В-третьих, такая трактовка создает ошибочные и опасные не только теоретические, но и практические представления о том, что отдельный человек может быть совокупностью всех общественных отношений, тогда как каждый из них есть часть общественных отношений, каждый человек всегда остается частью сложного социального целого /общества/.

Это положение не определение личности, а общеметодологический принцип марксовской социологии, ориентирующий на рассмотрение индивидов в реальной социальной структуре, в их принадлежности к определенному классу, группе.

Не менее важна полемика Маркса, направленная против абсолютизации и фетишизации общественных отношений, при которой личность превращается в продукт не ею творимой истории. Здесь снимается проблема ответственности человека за истори-

1/ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.3, стр.3.

ческий процесс. При такой трактовке вопроса оказывается непонятным, каким образом складываются те социальные структуры и отношения, которые формируют деятельность индивида в определенных социальных условиях. Маркс выступал против такой трактовки. Он утверждал активность личности — "Человек творит историю". История общества — не что иное, как история людей, их деятельности и ее продуктов.

Все продукты и формы общественной деятельности, которые мы создаем в качестве существующей социальной структуры, есть результат совокупной деятельности не только данного поколения, но и предшествующих поколений.

В противовес метафизическим концепциям, разрывавшим диалектическое единство человека и общества, Маркс ввел основополагающую категорию **д е я т е л ь н о с т и**, определяющую это единство.

Маркс доказал, что отправным пунктом материалистического понимания истории являются не отдельные индивиды /они не существуют вне общества/ и не безличные общественные отношения /они суть отношения между индивидами/, а практика как совместная деятельность людей. Человеческое общество — это совокупность всех исторически сложившихся форм совместной деятельности людей.

Объективные условия, структурные "рамки" деятельности нынешнего поколения — это лишь объективированные результаты прошлой человеческой деятельности. Наши усилия, наши деяния, объективировавшись в средствах труда, общественных институтах, социальных нормах и традициях, в свою очередь станут необходимым элементом будущей истории, хотя, возможно, и не совсем так, как это нам сегодня представляется. Ничто так не чуждо духу и букве марксизма, как взгляд, будто история делается помимо человека, независимо от его воли и деятельности. Сам человек есть основа своего как материального, так и всякого иного совершаемого им производства.

Маркс подчеркивал, что сущность человеческой личности, человеческого индивида заложена в ее творческом начале, в ее совокупности и потребности творить безотносительно к данному масштабу.

Для того чтобы понять марксову концепцию освобождения личности, нужно помнить, что важнейшим принципом всей марксистской социологии является принцип историзма, связанный с материалистической диалектикой.

Что стоит за историческим конфликтом личности и общества?

Во-первых, неразвитость производительных сил, вследствие которой более или менее высокие темпы общественного развития могли быть обеспечены только принесением интересов индивида в жертву интересам рода /производство - цель, человек - средство/. "Производительные силы выступают как нечто совершенно независимое и оторванное от индивидов, как особый мир наряду с индивидами".^{1/} В докапиталистических формациях производство материальных благ вообще считалось низшим видом деятельности, недостойным свободного человека. Здесь "самодеятельность и производство материальной жизни были разделены вследствие того, что они являлись уделом различных лиц".^{2/}

При капитализме социально-психологическое значение производства материальной жизни возрастает, оно становится главным стимулом общественной жизни. Но при этом свободная человеческая деятельность /самодеятельность/ и производство материальной жизни "настолько отделились друг от друга, что вообще материальная жизнь выступает как цель, а производство этой материальной жизни - труд /который представляет собой теперь единственно возможную, но, как мы видим, отрицательную форму самодеятельности/ выступает как средство".^{3/}

Во-вторых, антагонизм частных интересов, вследствие которого любые формы социальной организации, коллективности выступают как внешние по отношению к индивиду, а общественная дисциплина принимает репрессивно-принудительный характер.

1/ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.3 стр.67

2/ Там же.

3/ Там же.

Каждая историческая эпоха порождает свои собственные представления с "человеческим" и "нечеловеческим", в свете которых одни отношения и институты оправдываются, а другие осуждаются. Но в действительности "люди завоевывали себе свободу всякий раз постольку, поскольку это диктовалось им и допускалось не их идеалом человека, а существующими производительными силами.

В основе всех происходивших до сих пор завоеваний свободы лежали, однако, ограниченные производительные силы; обусловленное этими производительными силами, недостаточное для всего общества производство делало возможным развитие лишь в том виде, что одни лица удовлетворяли свои потребности за счет других, и поэтому одни - меньшинство - получали монополию развития, другие же большинство - вследствие постоянной борьбы за удовлетворение необходимейших потребностей были временно /т.е. до порождения новых революционизирующих производительных сил/ лишены возможности какого бы то ни было развития" I/

В-третьих, в силу существующего разделения труда и социального неравенства сами индивиды развиваются неравномерно; социально-экономическое положение лица оказывается важнее, нежели его индивидуальные особенности, многообразие проявлений личности втискивается в рамку ее социальной роли. Так, при капитализме самозатверждение человека как личности осуществляется прежде всего и главным образом в форме обладания. "Частная собственность сделала нас столь глупыми и односторонними, что какой-нибудь предмет является нашим лишь тогда, когда мы им обладаем, т.е. когда он существует для нас как капитал или когда мы им непосредственно владеем, едим его, пьем, носим на своем теле, живем в нем и т.д., - одним словом, когда мы его потребляем, - хотя сама же частная собственность все эти виды непосредственного осуществления владения в свою очередь рассматривает лишь как средство к жизни ...

I/ Кларкс и Ф. Биттельс. Соц., т. 3, стр. 67

Поэтому на место всех физических и духовных чувств стало простое отчуждение всех этих чувств — чувство обладания" I/

Разрешение всех этих противоречий, охватывающих производство, социально-экономические отношения и культуру, возможно лишь при наличии целого ряда объективных исторических предпосылок и требует длительного времени. В капиталистическом обществе развитие производства выступает как самоцель, а человек — как средство этого развития. Основным принципом коммунизма, наоборот, является полное и свободное развитие каждого индивидуума, тогда как материальное производство служит средством этого развития. Там — человек для производства, здесь производство для человека — вот в чем суть вопроса и вот почему Маркс определяет коммунизм как подлинный гуманизм. Но что практически означает эта формула и можно ли реализовать ее?

Молодой Маркс начинал с абстрактной постановки этой проблемы, затем переходит к анализу конкретных принципов и путей освобождения личности. Надо сказать, что это очень важно сейчас /уже в ранних работах К.Маркс отмеживался от вульгарно-уравнительных теорий/. Я хотел бы напомнить известное положение Маркса, которое заострено против нынешних китайских "теоретиков". "Уравнительный, казарменный коммунизм не просто утопия, но реакционная утопия, реализация которой была бы шагом назад как с точки зрения общества /поскольку он подрывает индивидуально-психологические стимулы экономического роста/, так и с точки зрения отдельной личности /поскольку он предполагает нивелирование и обеднение индивидуальных потребностей/. Маркс писал: "Этот коммунизм, отрицающий повсюду личность человека, есть лишь последовательное выражение частной собственности, являющейся этим отрицанием. Всеобщая и конституирующаяся как власть зависть представляет собой ту

I/ К.Маркс и Ф.Энгельс.

Из ранних произведений, стр. 592.

скрытую форму, которую принимает стяжательство и в которой оно себя лишь иным способом удовлетворяет. Всякая частная собственность как таковая ощущает — по крайней мере по отношению к более богатой частной собственности — зависть и жажду нивелирования, так что эти последние составляют даже сущность конкуренции. Грубый коммунизм есть лишь завершение этой зависти и этого нивелирования, исходящее из представления о некоем минимуме. У него — определенная ограниченная мера. Что такое упразднение частной собственности отнюдь не является подлинным освоением ее, видно как раз из абстрактного отрицания всего мира культуры и цивилизации, из возврата к неестественной простоте бедного и не имеющего потребностей человека, который не только не возвысился над уровнем частной собственности, но даже и не дорос еще до нее" 1/

Это фундаментальное и важное положение подчеркивает, что освобождение человека молодой Маркс мыслит, исходя из расширения его потребностей, а не из нивелирования. Это важно для понимания тех концепций, которые распространяются сейчас в Китае.

Однако, в трактовке освобождения личности молодой Маркс проходит целый ряд этапов, и если не учитывать диалектику этого развития, то трудно вести борьбу с нашими противниками. Если суммировать развитие молодого Маркса, фокусом которого является проблема отчуждения, то можно представить дело таким образом: Маркс начинает с анализа частных проявлений отчуждения, сначала — отчуждение власти, затем анализ форм религиозного отчуждения /как возникает религиозное сознание/; далее он переходит к изучению трудовых отношений, затем самого процесса труда, связанного с разделением труда, частной собственности. От этого Маркс переходит к общей постановке

1/ К. Маркс и Ф. Энгельс.

Из ранних произведений, стр. 586-587.

вопроса о том, как получается, что человек, будучи субъектом исторического развития, не является хозяином своего собственного исторического становления. Наиболее завершенная формулировка по этому вопросу дается в "Немецкой идеологии": "Социальная сила, т.е. умноженная производительная сила, возникающая благодаря деятельности различных индивидов, — эта социальная сила, вследствие того, что сама совместная деятельность возникает не добровольно, а стихийно, представляется данным индивидом не как их собственная объединенная сила, а как некая чуждая, вне их стоящая власть, о происхождении и тенденциях развития которой они ничего не знают; они следовательно, уже не могут господствовать над этой силой, — напротив, последняя проходит теперь ряд фаз и ступеней развития, не только не зависящих от воли и поведения людей, а, наоборот, направляющих эту волю и это поведение" I/.

Мне представляется, что эта формулировка является наиболее общей, философской. Вместе с тем, в ней в общем виде сконцентрирована целая совокупность проблем, которые столь же важны, сколь и качественно различны: объективная закономерность общественного развития, существующая на всех его этапах, при всех социальных условиях; стихийность совместной деятельности людей, присущая определенным социальным организациям; трудности осознания индивидами своей связи с социальным целым и вытекающая отсюда фетишизация этого целого и его отдельных элементов. Непосредственно перевести этот комплекс проблем в эмпирически измеримые параметры невозможно. Маркс же случайно перешел от первоначальной абстрактно-философской постановки проблемы отчуждения к конкретному исследованию эмпирических и социальных аспектов освобождения человека. Конечно, это был трудный путь. Легко сказать человек отчужден, он не хозяин своей судьбы, а нужно, чтобы было иначе. Гораздо труднее исследовать реальные пути и способы такого

I/ К.Маркс и Ф.Энгельс Соч., т.3, стр. 33.

освобождения. Утопии и идеологические фикции часто выглядят заманчивее и ярче, чем осторожные научные прогнозы. Но зато конкретно-исторический подход дает более прочные и надежные результаты.

Вокруг проблемы отчуждения, ее роли и судьбы в творчестве Маркса идет идеологическая борьба и с правыми, и с левыми. Мне кажется удачной следующая трактовка данной проблемы, которая дается Н.И.Лапиным в его книге "Молодой Маркс":

"..... категория отчужденного труда сыграла важную эвристическую роль, выступив как общетеоретическое основание всех категорий политической экономии и позволив понять последние /в том числе и категорию частной собственности/ как абстрактные формы исторически переходящих отношений между людьми в процессе трудовой деятельности. С помощью категории "отчуждение" Маркс мог построить оригинальную и в определенном аспекте сходную с действительностью картину исторического развития человечества, включая перспективы этого развития. Такая общетеоретическая схема помогла ему открыть существование ряда эмпирически реальных форм, в которых объективизировался процесс отчуждения и самоотчуждения человека /таких, как торговля, капитал, деньги и т.д./.

Однако на определенном этапе углубления в анализ эмпирической реальности Маркс столкнулся с тем обстоятельством, что отчуждение как предельно общая категория теряет свою эвристическую ценность для понимания конкретного механизма ряда жизненно значимых процессов. Все больше смущало его и то обстоятельство, что с помощью этой категории не представлялось возможным объяснить само возникновение отчуждения.^{I/2}

Вслед за этим Маркс переходит к углубленному анализу социально-экономической структуры капиталистического общества и дает детальную разработку того, что мы сейчас называем теорией научного коммунизма как самостоятельной части марксистского учения.

I/ Н.И.Лапин. "Молодой Маркс", М., 1968, стр.354

Таким образом, в творчестве Маркса совершился переход от общеполитической трактовки проблемы отчуждения к более конкретному, специально-научному исследованию социальных проблем. Почему это произошло? Я согласен с Н.И.Лапиным, что Маркс понял, что "при дальнейшем анализе этих явлений понятие отчуждение как общеполитическое не работает и что сам этот анализ может быть успешно проведен лишь как конкретно-научный. Переход к конкретно-научному анализу все же не был единственной возможностью; оставалось достаточное поле для разработки проблемы отчуждения именно как общеполитической, тем более, что уже первый опыт такой разработки привел Маркса к созданию оригинальной концепции. И все же из двух возможностей Маркс предпочел вторую — конкретно-научный анализ"^{1/}.

Как революционер, Маркс должен был конкретно указать, против чего именно необходимо бороться, каковы реальные пути осуществления программных положений. Отсюда и переход Маркса к конкретно-научному анализу.

Следовательно, разница между молодым и зрелым Марксом в его концепции освобождения человека как личности состоит не в изменении цели, а в том, что зрелый Маркс сосредоточивает свое внимание на конкретных средствах ее реализации, переходя от глобальной критики общества к исследованию функционирования и развития социальных систем. Распространенное в буржуазной литературе противопоставление "гуманизма" молодого Маркса "материализму" автора "Капитала" лишено всякого серьезного основания.

Марксова концепция свободы личности вооружает нас в сегодняшней борьбе против буржуазной идеологии и "левого" авантюризма. Эти вопросы в значительной степени изложены в докладе Ю.А.Замошкина "Карл Маркс: социология — проблема идеологической борьбы!" Я полностью согласен с постановкой этих проблем докладчиком и с его оценками.

^{1/} Н.И.Лапин. "Молодой Маркс", М., 1968, стр.361.

Концепция свободы личности Маркса получила развитие в нашей современной философии. Только за последнее время появился целый ряд работ, которые освещают эти аспекты. Это "Диалектика коллективности и индивидуальности" Г.М.Гака, "Труд и свобода" Ю.Н.Давыдова, "Общественная среда и сознание личности". Л.П.Буевой, изданная уже в 1968 г. и др. В этих трудах марксистская концепция личности связана с практикой коммунистического строительства.

Непреодоляющее значение марксовой концепции личности для социологии. Она служит методологической основой конкретно-социологических исследований.

Об этом убедительно свидетельствуют проведенные в 60-х годах конкретные социальные исследования, на основе которых советские социологи В.А.Ядов, А.А.Зворыкин, А.Г.Здравомыслов, Г.П.Козлова, Н.А.Аитов, В.Я.Суслов, Ю.Е.Волков, В.Б.Ольшанский и др. доказывают, что:

развитие личности как субъекта труда можно понять только в свете назначения характера труда при коммунизме;

проблема личности как субъекта общения неотделима от вопроса о развитии коммунистических общественных отношений;

свобода личности неразрывно связана с новым коллективизмом и прежде всего с коммунистическим самоуправлением;

развитие личности как субъекта познания переплетается с проблемами социологии культуры.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что имеется еще ряд нерешенных проблем, некоторые стороны и аспекты марксовой концепции свободы личности требуют от советских социологов более глубокой разработки, что необходимо больше внимания уделять исторической проблематике исследований.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА
ОБЩЕСТВА В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ К. МАРКСА

Общепризнано, что К.Маркс является основоположником методологии системного анализа общества и отдельных сфер общественной жизни. Практически все пишущие в последние годы по социологическим и более специальным проблемам структурного анализа /в лингвистике, антропологии и т.д./ считают своим долгом сослаться на Маркса: Р.К.Мертон, Л.Блумфилд, К.Леви-Стросс.

В среде зарубежных марксистов давно происходит дискуссия относительно возможностей сопоставления марксизма и структурализма. Она, к сожалению, не всегда плодотворна, так как, рассматривая спустя столетие такое крупное явление в теоретической истории человечества, как наследие Маркса, едва ли не с равным основанием можно защищать два взаимоисключающих тезиса. Согласно первому, у Маркса работают и указаны почти все принципы системного анализа общества /исследование отдельных элементов и сфер социальной жизни в свете целого, противопоставление системного анализа хронологическому описанию, выделение системы абстрактных отношений и т.д./.

В соответствии со вторым, правомерно утверждать, что у Маркса анализ общества как системы не был отделен от исторического, генетического, философского анализа, от постановки и решения практических задач социально-политической борьбы, от гуманистического мировоззрения.

Каждая историческая эпоха и каждая эпоха развития знания берет в теоретическом наследии то, что она способна взять и использовать; неудивительно, что к теоретическому наследию Маркса это относится в большей степени, чем к какому-либо иному. Выделение в арсенале его мысли тех моментов, которые

в дальнейшем эксплицитно вошли в русло специфически-социологического знания, лишний раз подтверждает известный ленинский тезис об отношении марксизма к "столбовой дорожке" общественной мысли.

В работах К.Маркса можно обнаружить по крайней мере три типа анализа социальной действительности. Во-первых, исторический - рассмотрение некоторой последовательности причинно связанных друг с другом общественных состояний или событий. Во-вторых, философский - выявление зависимости общественного сознания от общественного бытия, что и является марксовой интерпретацией материализма в обществе. В-третьих - рассмотрение общества как функционирующей и развивающейся системы.

Разделялись ли эти подходы у Маркса? В деятельности Маркса как личности - нет. В основных работах также нет, особенно, если иметь в виду такую синтетическую работу, как "Капитал", где как бы наложены друг на друга разные методологические подходы к одному и тому же объекту: анализируется и эмпирическая история форм собственности, и логическая их история, - генезис абстрактной формы стоимости, и принципы **функционирования** капиталистического общества как целого, "ставшего", системного образования.

Используя разные методологические подходы при анализе общества, Маркс неоднократно обращался к теоретическому рассмотрению их особенностей. В полемике против гегельянцев он, как известно, прежде всего выделял различия между историческим и логическим методами; на это обстоятельство больше всего обращала внимание и наша литература. В то же время, противопоставляя свою точку зрения философскому романтизму, сентиментальному морализаторству, **эkleктическому** историцизму типа прудоновского, Маркс отчетливо выделял и формулировал принципы системного анализа общества: "что вы считаете правильным и справедливым - к вопросу не относится.

Вопрос таков: что необходимо и неизбежно при данной системе

производства?" I/.

Выделение системного подхода и эксплицитное различие его от альтернативных методов анализа сложных социальных объектов, никоим образом не означает "отрицания", "поглощения", "преодоления" иных, более ограниченных методов исследования. Системный анализ для Маркса — момент в процессе восхождения от "абстрактных определений", системы абстрактных отношений к "конкретно-всеобщему", социальной действительности^{2/}, а не всепоглощающее изображение этой последней конкретности. Этот метод столь же ограничен, неполон, относителен, как и любой другой и постольку полезен познанию, поскольку он способен фиксировать те моменты действительности, которые не видны в другом аспекте.

Возможно, в принципе, два /в свою очередь ветвящихся/ пути рассмотрения интересующей нас темы.

Во-первых, логико-методологический: он предполагает выяснение того, как формировался у Маркса и как разрабатывается или может разрабатываться сегодня язык системного анализа, типология и теория систем, в частности, самоорганизующихся и порождающих. На этом пути нам встретились бы, например, и определенные конструкции общей теории систем, структурализма, кибернетики и т.д., хотя ни одна из этих конструкций не могла бы служить достаточно устойчивым ориентиром движения.

Во-вторых, теоретико-методологический: анализ перспектив Марксова анализа содержания социальной системы.

В данной статье мы останавливаемся на некоторых аспектах теоретико-методологического исследования проблемы.

I/ К.Маркс. Избр. произв., 1935 г., т. I, стр. 236.

2/ См. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.12, стр. 726.

Понимание Марксом "общества как целого"^{1/} предполагает:

а/ трактовку социального процесса как "общественного производства" людьми "своей жизни"^{2/}, включающем воспроизводство самих людей /как общественных индивидов/, вещей и "форм общения";

б/ трактовку "производства идей, представлений, сознания" как "момента" реальной жизни, как системы "языков", которые могут быть вычтены в "процесс реальной жизни" или обособлены;

в/ трактовку человека, субъекта общественного процесса, как "общественного" человека, "организованного" человека, государства, общества^{3/}, а человеческих потребностей и целей, определяющих развитие производства и общества - как специфически социальных продуктов^{4/}.

В своей совокупности эти положения составляют методологическую предпосылку подхода к общественной системе как квазиорганической /"социальный организм"/. У Маркса термин "социальный организм" употребляется лишь в известной ссылке на изложение его метода Н.Зибером /Предисловие ко 2-му изд. "Капитала"/, но в дальнейшем этот термин получил распространение в марксистской литературе /напр., в "Друзьях народа"/. Вокруг этого понятия в большой степени вращается если не вся, то почти вся позднейшая социологическая мысль.

Очевидно, что подход Маркса к обществу - это макроподход, который проявляется в том, что категории анализа общества разработаны применительно к его глобальной структуре. В "Капитале" неоднократно подчеркивается, что категория производ-

1/ См. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.4, стр. 153

2/ Там же, т.13, стр.6.

3/ Там же т.1, стр.414. Ср. МВГА, Bd. I /для обозначения общественного целого здесь употреблен термин *Sozietät*/.

4/ См.К.Маркс и Ф.Энгельс, Соч., т. 6, стр. 446

отдельных отношений, например, действует не в рамках связей отдельного рабочего с отдельным капиталистом, а в рамках связей классов, в рамках макроструктуры общества. Из этого следует, кстати, что микроструктура групп и отношений должна изучаться в иных, например, социально-психологических категориях/.

Из обширного круга проблем, которые возникают при системном анализе общества в настоящее время представляются весьма актуальными проблемы социальной структуры и "производства потребностей".

х х
х

В нашей литературе социальная структура нередко практически отождествляется с составом народонаселения - социально-экономическим, социально-профессиональным, социально-культурным.... Не подлежит сомнению необходимость и важность изучения этой проблемы; очевидно, что современные потребности государственного планирования и учета требуют все более конкретного анализа этого состава, т.е. исследования соотношения классов, слоев и др. групп населения.

Но сколь детально ни описали бы мы демографическую структуру, учтя все многообразие и всю многозначность группопоразужающих признаков, нельзя получить структуру общества как целостного социального организма. За рамкой остаются те самые "способы деятельности" людей, те "формы" общения, те социальные нормы и институты, которые в конечном счете определяют характер и взаимоотношение социальных групп, равно как ориентацию и организованность социальных действий. Исчезает из поля зрения и вся проблема "овеществления" /институционализации/ общественных форм.

Структура общества предполагает демографический состав в качестве одного из своих аспектов, но не сводится к нему

и требует иных способов анализа. Каких же?

Прежде всего отметим, что ввиду сложности, многоплановости общественного целого заведомо нельзя довольствоваться каким-либо одним представлением его структуры /собственно говоря, и при описании демографического состава требуется сопоставление различных критериев/.

Учитывая соответствующие ориентации марксовской мысли, можно представить себе следующие три "среза", три дополнительных по отношению друг к другу аспекта рассмотрения социальной структуры:

1/ Функциональный - выяснение роли отдельных сфер разделения и кооперации общественного труда, социальных институтов и норм в рамках некоторого социального организма;

2/ Организационный - анализ характера и типов организованности, устойчивости, мобильности социальных групп, взаимодействия их элементов.

3/ Активный^{1/} - исследование структуры социальных действий /соотношение целей, средств, условий, типов программирования действия/. По-видимому, этот подход имеет значение для анализа отдельных сторон социального действия, так и всей /конфликтной/ его структуры.

Все три подхода к анализу структуры общества использовались Марксом. Так, в "Низшей философии", "Наемном труде и капитале", "К критике политической экономии"и, конечно, в "Капитале" общество как целое прежде всего рассматривается под углом зрения его функциональной структуры. Единицами анализа оказываются такие сферы общественного разделения труда, как производство и распределение, материальное и духовное производство, город и деревня, живой и овеществленный труд, капитал и заработная плата и т.д.

1/ Получивший в последнее время распространение в философской литературе термин "деятельный", на наш взгляд, не является более удачным.

Примерами анализа социальной организации у Маркса являются разработка категории "класса для себя" в "Манифесте Коммунистической партии", исследования общественной и государственной организации в ранних работах, в конспектах книги Л.Моргана, в письме к В.Засулич, и т.д. Наконец, общество рассматривается преимущественно под углом зрения действий определенных социальных субъектов в таких известных работах, как "Восемнадцатое брюмера" и др.

В этой связи следует обратить внимание на особенности марксовской трактовки категории "социальный класс". Для Тьерри и др. класс обозначал скорее всего "сторону" в социальном и политическом конфликте, т.е. весьма туманная сама по себе категория выступала в качестве единицы анализа /опять-таки нечеткого/ социального действия. Связав классовое деление с "определенными фазами развития общественного разделения труда", т.е. с функциональной структурой общества, Маркс создал социально-экономическую теорию классов и в то же время обосновал необходимость особого анализа структуры политического действия, где класс выступает в ином виде - как представитель "всеобщих интересов", как организованный "класс для себя". Выделение различных аспектов рассмотрения классов стало основой для разработки ленинской теории революционной организации и революционного действия.

Учет различных планов анализа социальной структуры /в смысле структуры общества как целого/ имеет не только теоретическое, но и вполне актуальное методологическое значение для конкретного исследования социальной организации, институтов, систем социального контроля и социальных движений.

Маркс констатирует, что "порождение новых потребностей является первым историческим актом" ¹/. История соответ-
ственно оказывается историей порождения новых общественных
потребностей. Легко, но недостаточно видеть, что в этом те-
зисе Маркс верен своей концепции общества как *social will*
и высоко подымается над суждениями /М.Бентама, позже Б.Мали-
новского и др./ о "естественных потребностях" человека как
основе социальной жизни. Вульгарное восприятие идей о функци-
ональности социальной структуры неизбежно ведет к инфляции
ссылок на "потребности общества", выступающих в качестве
универсального оправдания любого данного, желаемого или
терпимого состояния /а также к забвению идеи "новых" потреб-
ностей/.

Прежде всего, требует конкретизации сама категория
потребностей, поскольку она выступает в методологической роли.

"Потребность" обычно сопоставляется с "интересом" и
"нормой" /поскольку все эти термины обозначают ответ на воп-
рос "что нужно?". Между тем, более пристальный анализ об-
наруживает со всей очевидностью принадлежность этих трех
категорий трем планам исследования социальной действительности,
причем эти планы вполне соответствуют отмеченным выше
подходам к структуре общества как системы.

Понятие потребностей /общественных/ является атрибутом
функционального способа рассмотрения социальной системы. В
то же время интересы /факторы, которые воспринимаются как
побуждающие к определенному действию и преодолению препятст-
вий, пассивности среды/ - атрибут исследования социального
действия, а о нормах можно говорить лишь по отношению к
определенной социальной организации. Из этих категорий
подлежат эмпирическому исследованию две последние /как
правило, эмпирическая социология получает сведения об ин-
тересах и иногда представляет последние как потребности/.

1/ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 3, стр. 27

Показателями развития социальной системы служат, вообще говоря, появление новых потребностей /нового их "уровня", соответственно уровню организации системы/, интересов, норм, а не простое увеличение объема производства, потребления и т.д. Многие стороны механизма этого процесса требуют анализа, — в частности, соотношение между указанными планами регулирования деятельности. Такой анализ, очевидно, предполагает введение определенной типологии самих форм развития социальной системы /включающих эволюцию, инволюцию, стагнацию, различные типы эволюционных изменений и т.д./. Узловым в данном случае является исследование структуры самого процесса перехода к новому уровню, новому механизму регуляции функций социальной системы.

В "Капитале" /т. I, гл. I2/ сопоставлены механизмы регуляции в общинном /индийском/ строе, исключавшим развитие и обеспечивавшем "простое воспроизводство" задаваемой формы общественной жизни, и в капиталистическом строе рыночной конкуренции, обусловившей высокую мобильность не только производства, но и общественных потребностей и соответствующих им социальных ориентаций /социально признанных программ деятельности, т.е. целей и средств их достижения/. Начиная с известных работ М. Вебера, обсуждается и все еще в определенной мере остается открытым вопрос о факторах и механизме самого перехода от "традиционного" общества к "развивающемуся", — приобретающий в современных условиях особую актуальность. В этот "механизм" входят определение целевых функций системы и типов контроля за их реализацией, способы задания социальной программы и т.д.

Проблема "производства потребностей" приобрела особенно серьезное значение в наши дни, когда выявилась наивность идей "прометеевской" /высмеянной еще в "Ничите философии"/ концепции "освобождения" естественного человека, производительных сил, потребностей. Предполагалось, что каждый из этих факторов обладает "естественно" способностью к

непрерывному и гармоничному росту, которая полностью развертывается при отсутствии помех. Реальность "массового общества" вынуждает принимать во внимание некоторые пределы роста потребностей / ориентация на "потребительские" потребности и просто сатурация, насыщение - типичные тенденции/. В том же направлении работает стереотипизация массового сознания, противостоящая его дифференциации, традиционно связываемой с развитием.

В этих условиях центральная проблема системного анализа общества - разработка эффективных моделей саморазвивающейся, самоусложняющейся социальной системы - приобретает весьма актуальное значение.

РОЛЬ КОНКРЕТНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ФОРМИ-
РОВАНИИ МАРКСИЗМА

I.

Интерес к конкретным социальным исследованиям, проводившимся основоположниками марксизма, важен для нас, социологов-марксистов 60-х гг., в следующих трех отношениях:

во-первых, он ведет к восстановлению исторического факта, состоящего в том, что марксизм всегда, начиная с первых этапов своего возникновения, был тесно связан с проведением конкретных социальных исследований и последние отнюдь не являются ни монополией буржуазных социологов, ни плодом досужих занятий отдельных марксистов 20-х или 50-х гг., как это до недавнего времени иногда утверждали;

во-вторых, он способствует усвоению богатого наследства в области методологии и методики проведения конкретных социальных исследований, которое оставлено в трудах Маркса и Энгельса и которое нам необходимо знать и творчески использовать в своей работе;

в-третьих, он направлен на выяснение принципиальной роли конкретных социальных исследований в самом возникновении и развитии марксизма и тем самым помогает лучше понять роль и место этих исследований в современной марксистской теории.

Первый аспект уже достаточно выяснен в нашей литературе: теперь уже все знают, что Маркс и Энгельс проводили конкретные исследования, составляли анкеты, анализировали официальные и неофициальные документы и т.д. (Хотя, конечно, не следует преувеличивать объема такого рода деятельности в их творчестве - не роли, а именно объема). Второй аспект также получил некоторое освещение, хотя еще далеко недостаточное. Что касается третьего аспекта, то он до сих пор оставался в тени. И это понятно: сначала нужно было всесторонне выяснить вопросы, относящиеся к самому факту проведения Марксом

и Энгельсом конкретных социальных исследований, и лишь затем стал возможен анализ обратного влияния этих исследований на возникновение и развитие самой марксистской теории.

Теперь пришло время вплотную заняться этим вопросом, имеющим отнюдь не только историческое, но и актуальное значение для понимания места конкретных социальных исследований в системе марксистского знания вообще и их роли в развитии современной марксистской теории в особенности.

Следует подчеркнуть, что речь идет о месте и роли конкретных социальных исследований не в рамках отдельных составных частей марксизма /философии, политической экономии или научного коммунизма/, а в системе марксизма как цельного учения. Не секрет, что большая часть исследовательской работы, ведущейся в настоящее время в области актуальных проблем марксизма, весьма строго департаментализирована: одна область — главным образом департамент философии, другая — политической экономии и т.д. Разумеется, эта департаментализация не есть продукт чьей-либо злой воли или недомыслия, а является исторически обоснованной и необходимой. Дело в том, что за более чем столетнее развитие марксизма его основные части превратились в относительно самостоятельные науки, сами обладающие довольно сложной структурой и включающие в себя целый ряд специальных областей (например, философия включает этику, эстетику и др.). Последние к настоящему времени также частью конституировались в особые науки, а частью находятся на пути к этому. Данная дифференциация ведет к углублению специализации теоретических кадров в отдельных областях марксистского учения, что, в свою очередь, способствует дальнейшему обособлению этих областей, известному замыканию их в рамках собственной проблематики.

Сама по себе эта дифференциация — явление закономерное и прогрессивное, ибо обеспечивает повышение профессионального уровня работы ученых. Так что здесь еще нет проблемы. Проблема совсем в другом: достаточно ли одной дифференциации для обеспечения прогресса марксизма как цельного

учения и даже для развития его составных частей как таковых? Ведь самостоятельность этих частей относительна — каждая из них дополняет одна другую, а в своем развитии они взаимно влияют друг на друга. И вообще марксизм есть не простая сумма составляющих его частей, а их органическое единство, где каждая часть хотя и обладает относительной самостоятельностью, но получает её лишь благодаря тому, что представляет собой часть целого. Это обуславливает наличие двух тенденций в развитии марксизма — не только дифференциации, но и интеграции.

За последнее время интеграционные процессы внутри марксизма особенно усиливаются в связи с объективно возрастающей ролью марксистской теории как научного руководства реальными процессами общественной жизни огромных масс людей. Партийные и государственные органы все больше испытывают потребность в подлинно научном, т.е. с использованием всего арсенала современных научных средств, обосновании своих решений относительно конкретных жизненных процессов. В силу своей конкретности эти процессы обладают большим числом сторон и требуют одновременного рассмотрения с позиций различных составных частей марксизма или различных его научных дисциплин. Вот почему многие партийные документы, в особенности программные, являются выражением интеграционной тенденции в системе марксистского знания.

Одним из выражений этой же тенденции в собственно научной сфере является, на наш взгляд, развертывание конкретных социальных исследований. Внешним подтверждением этого служат многочисленные споры об их предмете. Конечно, разногласия и споры существуют относительно любой составной части марксизма, будь то философия, политическая экономия или, тем более, научный коммунизм. Но в этих случаях споры возникают исключительно на почве дифференциации данных областей знания. Споры же относительно предмета конкретных социальных исследований возникают прежде всего на почве интеграции различных областей знания в рамках марксизма. Правда, поскольку этот интегрированный предмет сам до известной степени обособляется..

то предмет спора осложняется одновременным действием и второй тенденции - дифференциации. Особенно напряженный характер эти споры принимают во взаимоотношениях конкретных социальных исследований с философией, поскольку последняя до сих пор выступала в качестве единственного представителя интегративных процессов в марксизме - как его общетеоретическая, методологическая основа. Она и теперь продолжает выполнять эту свою методологическую функцию, но наряду с ней носителем интегративной тенденции оказываются также и конкретные социальные исследования, хотя они выражают эту тенденцию с совершенно иной стороны, нежели философия. Если можно так выразиться, философия объединяет составные части марксизма вверху, т.е. на общетеоретическом, методологическом уровне, а конкретные социальные исследования - внизу, на уровне эмпирических процессов во всей их многосторонности. В свою очередь, взаимодействие обоих этих уровней, по-видимому, обеспечит наибольшее продвижение вперед марксистской науки в целом.

При осмыслении всех этих процессов сама собой напрашивается аналогия с тенденциями дифференциации и интеграции, свойственными развитию современного научного знания вообще. Но это была бы поверхностная аналогия, поскольку в интересующем нас случае речь идет о дифференциации и интеграции не между такими самостоятельными областями знания, как физика и химия, а в рамках марксизма как единого учения, в содержании и структуре которого с момента его возникновения уже заложена интеграция и дифференциация определенного комплекса наук. Чтобы лучше понять специфику этих процессов в современном марксизме, как раз и следует обратиться к вопросу о том, каким образом возник марксизм как цельное учение, каковы были закономерности, этапы и конкретный механизм процесса сплавления обособленных друг от друга областей знания в качественно новый синтез и одновременно - его расчленения на составные части, каждая из которых оказывается по своему содержанию принципиально отличной от области знания, служившей

для нее источником.

А поскольку нас специально интересует проблема места и роли конкретных социальных исследований в системе марксистского знания, то в историческом плане она выступает как вопрос о месте и роли конкретных социальных исследований в формировании марксизма как цельного учения. Понятно, что в докладе на нынешней сессии основное внимание следует уделить роли этих исследований в формировании взглядов Маркса^{х/}, хотя по необходимости мы остановимся и на некоторых аспектах формирования взглядов Энгельса.

П.

Первое конкретное социальное исследование было проведено Марксом на рубеже 1842-1843 гг. Этому предшествовала следующая эволюция его воззрений: вначале, на первых курсах университета, Маркс занимался проблемами права. Затем поставил перед собой задачу - "провести некоторую систему философии через всю область права", но в этих попытках, выполненных со спекулятивно-идеалистических позиций, он потерпел неудачу и вскоре целиком отдался изучению философии. Диплом доктора философии оказался, однако, для него пустой бумагой, ибо прусское правительство преградило путь Марксу к университетской кафедре. Тогда Маркс становится публицистом, и в центре его внимания оказывается политика. В качестве редактора "Рейнской газеты" Маркс сталкивается с конкретными, в том числе экономическими проблемами, и в его воззрениях намечается перелом: абстрактно-логическая аргументация начинает уступать место аргументации жизненно-конкретной, идущей от знания фактов, вначале разрозненных, затем систе-

х/Понятно также, что если в доклад специально говорится о роли данных исследований, то тем самым отнюдь не отрицается роль других факторов в формировании взглядов Маркса, в том числе и более значимых (социально-политическая обстановка, идейная борьба и др.).

материализованных; вместе с такого рода аргументацией в идеалистическую позицию Маркса проникают /вначале стихийно/ материалистические элементы. Решающий сдвиг в этом направлении произошел как раз в ходе впервые осуществленного Марксом конкретного социального исследования, результаты которого были опубликованы в виде незаконченного цикла статей "Оправдание мозельского корреспондента".

Коротко о причинах и содержании этого исследования^{х/}. Существовали конкретные факты: продолжительная, с течением времени все усиливающаяся нищета мозельских крестьян, отдельные, достаточно красноречивые факты этой нищеты были известны, но ни у кого не было точного представления о положении дел в целом, а прусское правительство не только само не проводило такого рода анализа, но и пресекало подобные попытки со стороны частных лиц. Маркс решил разорвать этот порочный круг и поместил в "Рейнской газете" две небольшие заметки мозельского корреспондента, написанные в резком тоне с целью привлечь, наконец, внимание общественности к судьбе мозельских виноделов. В ответ на эти статьи обер-президент провинции обвинил газету в тенденциозности, выхватывании отдельных, нетипичных фактов, в стремлении очернить действия властей и потребовал от редакции привести более обоснованные факты, вскрыть их причины и наметить пути к их устранению. Маркс решил воспользоваться этим требованием обер-президента, чтобы предпринять публичное обсуждение основ внутренней политики прусского государства, опираясь на конкретный фактический материал. Но как раз фактов-то и нехватало... Две недели спустя редакция сообщила читателям, что ответ обер-президенту задерживается из-за сбора необходимого фактического материала.

Какие же собирались факты? Поскольку готовился ответ официальному представителю власти, основное внимание было уделено сбору официальных документов. В их числе были указы, ин-

х/ Более подробно этот вопрос освещен автором в книге "Молодой Маркс" (М., 1968, стр. 117-131).

струкции и прочие распоряжения правительства и местных государственных органов; отчет о переговорах между министерством финансов, властями Трирского округа и правлением Общества по развитию культуры виноделия; протокол совещания одного из общинных органов; коллективные и индивидуальные ходатайства бедноты о смягчении ее тягот и ответы властей, сведения из текущей и научной печати. Для подтверждения официальных данных были собраны "различные, разъясняющие друг друга письма", т.е. личные документы. Наряду с этим, были получены и данные опроса значительного числа лиц о беседах высокопоставленных представителей администрации с местными чиновниками и о столкновениях чиновников с крестьянами.

Впоследствии обер-президент так излагал свои впечатления от третьего раздела марксового исследования: "Когда автор прислал, наконец, в цензуру статью "Язы примозельского края", то оказалось, что он исколесил предварительно большую часть мозельской долины, собирая данные о происшедших в ней, давно уже разобранных и забытых конфликтах между чиновниками и обывателями, с целью извлечь теперь все эти факты на свет божий и преподнести их в качестве примеров угнетения жителей мозельской долины^{1/}".

Историки до сих пор спорят, собирал ли Маркс лично все эти факты. Однако, с точки зрения социолога, это не имеет принципиального значения. Важно другое: Маркс был автором программы сбора материала и автором их теоретического анализа. Этого достаточно, чтобы считать его генеральным автором всего исследования.

Конечно, собранный материал не был формализован, как этого требует программа современного конкретного социального исследования. Тем более не подвергался он количественной обработке. И все же марксово исследование близко современным конкретным исследованиям по своей методологической направленности, ибо факты выступают в нем уже не как средство иллюст-

1/ "Летописи марксизма", 1926, № I, стр. 42.

рации общетеоретических положений, а именно как та эмпирическая основа, которая делает извлекаемые из нее теоретические выводы неопровержимо достоверными. Причем такова была сознательная установка автора: "Мы хотим строить все наше изложение на одних только фактах, - писал Маркс, - и стараемся только, по мере сил, выразить эти факты в обобщенной форме". I/

Каковы же были практические и теоретические последствия этого исследования, которое условно можно бы назвать зондажным обследованием на качественном уровне? Во-первых, цензура прервала публикацию его результатов, так что из планировавшихся пяти разделов увидели свет только два. Во-вторых, правительство оказалось бессильным противопоставить какую-либо собственную аргументацию и прибегло к крайней мере - запретило газету. В-третьих, запрет вызвал небывалую для Пруссии волну протестов: свыше двух тысяч жителей Кёльна и многих городов и местечек Рейнской провинции /особенно - из Мозельской долины/ направили королю петиции протеста. Таков был общественный резонанс марксова исследования.

Не менее серьезны были политические и теоретические выводы, сделанные Марксом для себя лично. Прежде всего, он теперь окончательно убедился, что те средства политической борьбы, на которые он, как и другие младогегельянцы, до сих пор рассчитывал /например, легальная печать/, совершенно недостаточны для достижения революционно-демократических преобразований прусского государства и общества. Поэтому Маркс принял решение эмигрировать в Париж, являвшийся тогда сборным пунктом революционеров всех стран, и вести оттуда борьбу уже не "булавочными уколами, а дубинами". Последующие результаты этого решения оказались еще более радикальными: жизнь в Париже менее чем за полгода превратила Маркса из революционного демократа в пролетарского коммуниста.

Глубокие преобразования наблюдаем мы и в общетеоретических воззрениях Маркса. Во-первых, теперь он окончательно

I/ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 199.

но и совершенно сознательно отказывается от гегелевского, спекулятивного отношения к эмпирическому факту как всего лишь отблеску абстрактной идеи, т.е. от такого отношения, когда несоответствие идеи и факта расценивается преимущественно как недостаток факта, а не идеи. Это новое отношение проявляется не только в том, что Маркс строит все свое изложение на фактах, но и в том, что из полученных фактов он решает делать не частные только, а фундаментальные общетеоретические выводы. Например, вывод о наличии эмпирически осозаемых и в то же время объективных по своей природе отношений между людьми, определяющих действия отдельных лиц, как частных, так и государственных^{1/}.

Во-вторых, такого рода выводы свидетельствовали о том, что максимальное внимание к эмпирическим фактам отнюдь не превратило Маркса в эмпирика, но придало иной смысл самой его теоретической деятельности: она теперь оказалась не спекулятивным развертыванием теоретических суждений, осуществляющимся в некотором соответствии с фактами, а построением теоретических суждений на основе эмпирических фактов; в данном случае теоретик отличается от эмпирика не меньшим вниманием к эмпирическому материалу, а стремлением извлечь из этого материала максимум обоснованных теоретических выводов, причем — выводов возможно более широких.

Особый интерес в теоретическом осмыслении Марксом результатов своего первого конкретного исследования заключается для нас в том, что из данных этого исследования вытекали выводы, противоречащие той идеалистической философской позиции, которую Маркс тогда еще сознательно разделял. Как же поступил Маркс? Прежде всего, им овладевают сомнения в истинности идеализма. Эти сомнения усилились под влиянием только что вышедших "Предварительных тезисов к реформе философии" Фейербаха — подлинного кредо новейшего немецкого материализма. К весне 1843 г. у Маркса возникает "рабочая

1/ См. К.Маркс и Ф.Энгельс, Соч., т.1, стр. 192-193.

гипотеза" относительно того, что истинен не идеализм, а материализм, и с целью её проверки он предпринимает развернутую критику гегелевской философии права с позиций материализма. В ходе критики Маркс первоначально опирался на конкретные данные, полученные им во время деятельности в "Рейнской газете"; затем обнаружилась недостаточность такого рода данных, и тогда он обратился к систематическому изучению конкретных фактов истории передовых европейских стран за огромный период - 2500 лет!

Социальные факты, лично им наблюдавшиеся и собиравшиеся, Маркс теперь дополняет богатейшими данными, добытыми из арсенала исторической науки. Но при этом он сохраняет и развивает тот же самый подход к анализу фактов, который впервые был применен им при конкретном исследовании положения мозельских крестьян. В итоге своих исторических занятий в 1843 г. Маркс окончательно убеждается в истинности материализма, впервые последовательно проводит определенную /материалистическую/ концепцию через всю область права и разрабатывает предпосылки фундаментальной гипотезы, материалистически объясняющей ход всемирной истории вообще^{х/}.

Таким образом, значение первого конкретного социального исследования, проведенного Марксом, выходит далеко за рамки этого исследования как такового. Оно явилось мощным ускорителем в развитии политических, философских, исторических и правовых взглядов Маркса, причем не только каждого из них в отдельности, но и их взаимодействия, послужившего, в свою

х/ Исторические занятия Маркса в 1843г. запечатлены в Крейцнахских тетрадах, до сих пор неопубликованных. Содержательный анализ роли этих занятий в развитии марксовых воззрений проведен недавно В.Г. Мосоловым в работе "Изучение Марксом всемирной истории в 1843-1844 гг. как один из источников формирования материалистического понимания истории" /см. сб. "Маркс-историк", М., 1968/.

очередь, одной из предпосылок возникновения у Маркса в 1844 г. целого комплекса принципиально новых идей.

III.

Если подходить к "Экономическо-философским рукописям 1844 года" лишь как к произведению, созданному традиционными, кабинетными методами литературного труда, то оно предстанет как продукт фантастического взлета могучего спекулятивного ума. Именно так, в спекулятивном духе, интерпретируют данное произведение молодого Маркса /в том числе центральную его проблему - проблему отчуждения/ многие буржуазные марксоведы. Однако для такой интерпретации нет оснований.

Конечно, в рукописях 1844 г. с огромной силой проявилась мощь марксова интеллекта, творчески перерабатывавшего прежние достижения философской мысли /Гегель, Фейербах и др./, но в то же время в них явственно чувствуется влияние конкретного исследования социальных процессов. Прежде всего следует отметить продолжающееся косвенное воздействие результатов первого конкретного исследования. Оно выразилось, во-первых, в том, что выработанное Марксом новое отношение к эмпирическим фактам и их материалистический анализ привели к теоретическим выводам, в значительной мере подготавливавшим возникновение идеи отчужденного труда: в рукописи 1843 г. Маркс разрабатывал тезис об отчуждении политического государства от гражданского общества и высказал догадку, что в новое время происходит отчуждение от человека его предметной сущности; в "Немецко-французском ежегоднике" он усмотрел квинтэссенцию предметной отчужденности в деньгах и открыл в пролетариате материальную силу, призванную уничтожить всякое отчуждение. Теперь, в 1844 г., Маркс обратился к анализу экономических проблем, и в этом обращении, во-вторых, также прослеживается огромное внимание к эмпирическим фактам: изучая работы буржуазных экономистов, он тщательно выписывает массу цифр и других конкретно-экономических данных /норма прибыли, величина земельной ренты, раз-

мер заработной платы и т.п./ . Извлекая эти факты, по-своему систематизируя и осмысливая их, Маркс делает теоретические выводы, радикально отличающиеся от выводов авторов, из произведений которых были взяты конкретные данные. Как и в 1843 г., это накопление фактов было не одноактным, а прошло несколько этапов: накопление фактов - их анализ, новое обращение к фактам - новый их анализ и т.д.

Однако было бы неверно утверждать, будто весь эмпирический материал, характеризующий экономические процессы, молодой Маркс получил из литературных источников. Отнюдь нет. Определенная часть этого материала была получена Марксом на основе непосредственного контакта с объектом - путем личных наблюдений и бесед с рабочими. И хотя объем такого рода данных был, по-видимому, невелик, их влияние на теоретические позиции Маркса оказалось весьма существенным.

Известно, что в Париже /1843-1844 гг./ Маркс часто встречался с революционными рабочими, пропагандируя среди них свои взгляды. При этом он не только действовал как политик, но и наблюдал за поведением рабочих как исследователь, пытаясь понять социальное значение тех новых форм общностей, которые создают рабочие в ходе своей политической борьбы. Вот как отразились результаты этих наблюдений в "Экономическо-философских рукописях": "Когда между собой объединяются коммунистические рабочие, то целью для них является прежде всего учение, пропаганда и т.д. Но в то же время у них возникает благодаря этому новая потребность, потребность в общении, и то, что выступает как средство, становится целью. К каким блестящим результатам приводит это практическое движение, можно видеть, наблюдая собрания французских социалистических рабочих. Курение, питье, еда и т.д. не служат уже там средствами соединения людей, не служат уже связующими средствами. Для них достаточно общения, объединения в союз, беседы, имеющей своей целью опять-таки общение; человеческое братство в их устах не фраза, а истина, и с их загорелых от труда лиц на

нас сияет человеческое благородство"^{1/}. С помощью наблюдения Маркс получает, таким образом, эмпирическое подтверждение своего теоретического положения о том, что именно пролетариат явится творцом нового типа отношений между людьми, причем в ходе борьбы за низвержение старого мира он преобразует и самого себя.

В рукописях 1844 г. нетрудно найти отзывы и ряда других наблюдений Маркса, в особенности относящихся к реальному положению рабочих, условиям их жизни. Так, вскоре после приведенного выше наблюдения Маркс записывает еще одно: "... подвальное жилище бедняка, это - враждебное ему, как "чужая сила закабаляющее его жилище, которое отдается ему только до тех пор, пока он отдает ему свой кровавый пот"; он не вправе рассматривать его как свой родной дом, где он мог бы, наконец, сказать: здесь я у себя дома; наоборот, он находится в чужом доме, в доме другого человека, который изо дня в день подстерегает и немедленно выбрасывает на улицу, как только он перестает платить квартирную плату" /там же/^{2/}.

Как исследователь Маркс не только наблюдал за условиями жизни и поведением рабочих, но и пытался проникнуть в их внутренний мир, понять строй их переживаний. В наибольшей степени Маркса интересовала психология трудовой деятельности рабочего, мотивы его труда, самочувствие в процессе труда и эмоциональное отношение рабочего к произведенному им самим продукту. Нет необходимости доказывать, что основное средство для получения такого рода информации - беседа. И Маркс много беседовал с рабочими по всему этому комплексу вопросов. Конечно, его беседы не были похожи на современное

1/ К.Маркс и Ф.Энгельс Из ранних произведений, стр. 607 . 2/ Последние слова можно рассматривать и как некоторое подытожение Марксом своего личного опыта скитаний по чужим домам. Не только в молодости, но и в зрелом возрасте, когда он уже был широко известен как ученый и революционер, Маркс из-за безденежья не раз оказывался перед угрозой быть выброшенным вместе с семьей на улицу.

формализованное интервью, но нетрудно представить, что Маркс проводил их по определенной, заранее продуманной программе и, как тонкий психолог, строил их в духе свободного и глубокого интервью. Его интересовало не количество проведенных бесед, а их содержание, которое он затем, в своем рабочем кабинете, неоднократно обдумывал, переплавляя в собственную концепцию — концепцию отчужденного труда, его социальной сущности и роли в истории человечества. В марксовском изложении эта концепция выглядит как чистый продукт разума. Но в действительности она во многих существенных пунктах опирается и на непосредственный контакт исследователя с объектом. Иногда эта связь прорывается довольно явственно. Например, в следующем пункте:

"В чем же заключается самоотчуждение труда?" — спрашивает Маркс и отвечает: "Во-первых, в том, что труд является для рабочего чем-то внешним, не принадлежащим к его сущности; в том, что он в своем труде не утверждает себя, а отрицает, чувствует себя не счастливым, а несчастным, не развертывает свободно свою физическую и духовную энергию, а изнуряет свою физическую природу и разрушает свой дух. Поэтому рабочий только вне труда чувствует себя самим собой, а в процессе труда он чувствует себя оторванным от самого себя. У себя он тогда, когда он не работает; а когда он работает, он уже не у себя"^{1/}.

Представляется очевидным, что эта констатация самочувствия человека, работающего в условиях капиталистической эксплуатации, — не плод воображения или литературного заимствования, а сгусток впечатлений, полученных Марксом из непосредственных бесед с рабочими. Но он не останавливается на этой констатации, а делает из полученных им эмпирических данных теоретические выводы, столь же глубокие, сколь и бесстрашно последовательные: "В силу этого его /рабочего — Н.Л./ труд не добровольный, а вынужденный; это — принудительный

^{1/} К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 563.

труд. Это не удовлетворение потребности в труде, а только средство для удовлетворения других потребностей, нежели потребность в труде. Отчужденность труда ясно сказывается в том, что как только прекращается физическое или иное принуждение к труду, от труда бегут, как от чумы", и т.д. /там же/.

Беседы с рабочими, непосредственное знакомство с условиями их жизни и их самочувствием в процессе труда способствовали укреплению и развитию гуманистического начала в творчестве Маркса. Уже и раньше марксов гуманизм отчетливо обнаружил себя как внимание не только к общим социальным процессам, но и к конкретному, отдельному человеку, точнее - к тому, как социальные процессы обнаруживаются в индивидуальных судьбах людей, а вне этого внимания общетеоретические построения /типа гегелевских/ представлялись Марксу бессодержательными мистификациями^{х/}. Теперь, в 1844 г., гуманизм Маркса характеризуется сосредоточенным вниманием к тому, как связываются социальные и особенно экономические законы на судьбе пролетария как человека, личности. С этой позиции он подвергает резкой критике буржуазную экономическую науку: "пролетария, т.е. того, кто, не обладая ни капиталом, ни земельной рентой, живет исключительно только трудом, и притом односторонним, абстрактным трудом, политическая экономия рассматривает только как рабочего". В силу этого она может выставить положение, что рабочий, точно так же как и всякая лошадь, должен получать столько, чтобы быть в состоянии работать. Она

х/ "Функции и сферы деятельности государства связаны с индивидами /государство является действенным только посредством индивидов/", - констатирует Маркс в рукописи 1843 г., освобождая от мистификации очередную тезис Гегеля. И далее подчеркивает: "Если бы Гегель исходил из действительных субъектов в качестве базиса государства, то для него не было бы никакой надобности в том, чтобы заставить государство превратиться мистическим образом в субъект" /Соч., т. I, стр. 242, 244/.

не рассматривает его в безработное для него время, не рассматривает его как человека; это она предоставляет уголовной юстиции, врачам, религии, статистическим таблицам, политике и надзирателю за нищими"¹/.

Здесь ясно сформулировано требование, что подлинный гуманизм предполагает всесторонний, целостный анализ человека,

всех его жизнепроявлений, интересов, условий труда, отдыха, быта и т.д. Не отрицая того, что различные науки могут специализироваться на изучении отдельных аспектов жизнедеятельности человека, Маркс в то же время предполагает, что ни один из этих аспектов не может быть правильно понят, если он будет взят лишь сам по себе, вне определенного понимания человека в целом. Не декларирование только, а действительная реализация этого целостного, комплексного подхода к человеку и — шире — к обществу толкала Маркса к радикальной перестройке структуры существовавших общественных знаний. Он вырабатывает сознательную установку на одновременное рассмотрение одного и того же объекта с позиций различных наук и тем самым не только глубже проникает в объект, но и впервые непосредственно сопоставляет дотоле обособленные науки, обнаруживает их соотносительные достоинства и слабости и нащупывает пути их преобразования в новый, высший синтез. Именно в 1844—1845 гг.

составные части марксизма, формируясь, сплавляются в единое мировоззрение. Причем в "Экономическо-философских рукописях 1844 года" этот процесс запечатлен именно как процесс, когда рождающееся научное мировоззрение еще не обрело устойчивой структуры. Наиболее отчетливо представлен данный процесс в заключительных разделах рукописей.

Этими разделами являются шестой пункт третьей рукописи, в котором идет речь о критике гегелевской диалектики и гегелевской философии вообще, и седьмой, заключительный пункт той же рукописи, состоящий из большого числа этюдов о раз-

¹/ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 529.

личных экономических, философских и политических проблемах капитализма и социализма. В большинстве нынешних публикаций тексты этих пунктов представлены как самостоятельные, независимые друг от друга. Однако, как показало наше исследование фотоконии оригинала, в действительности между этими текстами имеется самая тесная связь, они даже как бы взаимопроникают друг в друга: каждый написан в три этапа, причем за разделом шестого пункта, написанным на первом этапе, следует раздел седьмого пункта, написанный на том же этапе; далее вновь следует раздел шестого пункта, написанный уже на втором этапе, за ним - опять раздел седьмого пункта, написанный на соответствующем /втором/ этапе, и т.д. Эта фактическая последовательность отражается следующей таблицей:

Этапы работы	Страницы рукописи	Страницы сб. "Из ранних произведений" К.Маркса и Ф.Энгельса	
		6."Критика гегелев-ской диалектики..."	7."Значение пот-ностей челове-ка..."
I	XI - XIII	621-625	599-605
	XIV-XV		
II	XVI-XVII	625-627	605-610
	XVIII-XXI		
III	XXII-XXIV	627-642	610-615
	XXV-XXVII		

При всей кажущейся зигзагообразности эта последовательность пронизана определенной внутренней логикой - логикой генерации новых идей на стыке различных областей знания: философии, политической экономии, научного коммунизма. Дело в том, что Маркс, разрабатывая свои взгляды в каждой из этих областей под углом зрения гуманизма, требовавшего целостного подхода к человеку, неизбежно наталкивался на такие проблемы и категории, которые оказывались узловыми пунктами, связывав-

ними две или даже три области знания и требовавшими перехода из одной области в другую. Проиллюстрируем это на примере двух таких переходов^{х/}.

Первый раздел шестого пункта заканчивается наброском плана дальнейшего изложения того, как выразилась в гегелевской философии история отчужденного человека; при этом Маркс констатирует, что фактическое движение философского духа реинтегрировано у Гегеля в логику, представляющей поэтому quint-эссенцию отчужденного духа мира. В этот момент у Маркса рождается ассоциация логики с деньгами: "Логика — деньги духа" /Из ранних произведений, стр. 625/, — поскольку деньги есть quintэссенция мирского отчуждения. Охарактеризовав философский аспект этой параллели логики и денег, Маркс тут же обратил и к экономическому ее аспекту, для рассмотрения которого он и ввел новый, седьмой пункт. Здесь он начинает с выяснения фактического отношения богатства к человеку: богачи утопают в роскоши и изощряются в изобретении все новых средств для удовлетворения своих утонченных потребностей, а пролетарии обречены на скотское существование и грубое варварство потребностей. Подробно рассмотрев фактическое состояние этой проблемы /там же, стр. 599-605/, Маркс с особой отчетливостью увидел теперь коренную слабость спекулятивной трактовки Гегелем богатства и других проявлений отчуждения, жизненно важных для конкретных, эмпирически существующих людей, и потому возвращается от экономических вопросов к собственно философским, т.е. делает второй переход из одной области в другую: "У Гегеля имеется двойная ошибка. Первая яснее всего выступает в "Феноменологии" как истоке гегелевской философии. Когда, например, он рассматривает богатство, государственную власть и т.д. как сущности, отчужденные от чело-

х/ Весь этот комплекс вопросов, равно как и эвристическая роль категории "отчужденный труд" в процессе синтеза трех областей знания, подробно рассмотрены автором в книге "Молодой Маркс" стр. 322-324.

вещеской сущности, то он берет их только в их мысленной форме. Они —мысленные сущности и поэтому только отчуждения чистого, т.е. абстрактного философского мышления" /там же, стр. 625/. Развивая эту мысль, Маркс приходит к заключению, что в спекулятивной трактовке проблема отчуждения сводится к проблеме тождества самосознания с сознанием. Этот важный теоретический вывод сделан, следовательно, на основе сопоставления гегелевской концепции отчуждения с реальным, фактическим содержанием этого отчуждения, обнаруженным Марксом на основе конкретного подхода к человеку и при помощи данных политической экономии.

Таким образом, в "Экономическо-философских рукописях 1844 года" прослеживается влияние некоторых методов, характерных для конкретного социального исследования. Непосредственный контакт Маркса с объектом, осуществленный путем наблюдения и бесед, способствовал выработке у него установки на систематическое соотнесение философских и иных общетеоретических абстракций /в том числе политэкономических/ с эмпирическими механизмами социальных процессов во всей их конкретности, вплоть до их проявления в судьбах отдельных индивидов. Результатом этого была глубокая критика спекулятивной природы гегелевской философии и материалистическая разработка ряда центральных проблем диалектики. С другой стороны, конкретность анализа способствовала сплавлению детале обособленных областей знания /наряду с преобразованием их содержания как таковых/ в новый тип знания, обладающий принципиально иной структурой и обеспечивающий целостный подход к изучению человека.

В августе 1844 г. в Париже произошла вторая встреча Маркса и Энгельса, обнаружившая полное совпадение их взглядов. С этого момента начинается их совместное творчество, и потому дальнейшее рассмотрение нашей темы предполагает хотя бы краткую характеристику роли конкретных социальных исследований в формировании взглядов Энгельса.

IV.

Эволюция воззрений молодого Энгельса полна еще больших контрастов, нежели это можно наблюдать на первых этапах духовного развития Маркса. Если Маркс вырос в семье, проникнутой духом рационализма и просвещения, то в семье фабриканта Гаспара Энгельса царила религиозная нетерпимость в сочетании с не менее ревностным поклонением золотому тельцу. Гимназия реформатской общины, а затем пансион евангелической общины внушили юному Фридриху искреннее благочестие и даже протест против всякого свободомыслия. Но это продолжалось недолго.

Одним из условий крутого поворота юного Энгельса в сторону атеизма и революционного демократизма стало его сочувствие бедноте, обостренное под влиянием очень рано развившейся способности к тонкому, пронизательно меткому наблюдению окружающей жизни. Свидетельство тому — "Письма из Вуппертала", в которых восемнадцатилетний Энгельс нарисовал впечатляющую картину жизни и нравов родного города. "Среди низших классов, — писал он, — господствует ужасная нищета, особенно среди фабричных рабочих в Вуппертале; сифилис и легочные болезни настолько распространены, что трудно этому поверить; в одном Эльберфельде из 2500 детей школьного возраста 1200 лишены возможности учиться и растут на фабриках — только для того, чтобы фабриканту не приходилось платить взрослому рабочему, которого они заменяют, вдвое против той заработной платы, какую он дает малолетнему. Но у богатых фабрикантов эластичная совесть, и оттого, что зачахнет одним ребенком больше или меньше, душа пиетиста еще не попадет в ад, тем более если эта душа каждое воскресенье по два раза бывает в церкви"¹/.

Наблюдение за конкретными фактами и процессами социальной жизни сыграло вообще очень важную роль в формировании взглядов Энгельса. В конце 1842 г. он оказался в Англии. Первое же знакомство с конкретной обстановкой в стране пос-

¹/ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. I, стр. 456.

тавило его перед контроверзой: с одной стороны, прокатившаяся летом 1842 г. волна чартистских выступлений вселила сторонним наблюдателям надежды на близость революции в Англии, — этими надеждами жили многие младогегельянцы и среди них — Энгельс; с другой — как убедился Энгельс из собственных впечатлений и бесед, стоит предложить англичанину вопрос: "Вероятна ли революция в Англии?" — как тот станет вам приводить "тысячу прекрасных доводов в доказательство того, что о какой-нибудь революции даже и речи быть не может"^{1/}. Дальнейший анализ конкретной ситуации привел Энгельса к выводу, что англичане руководствуются в своем поведении не идейными побуждениями, а материальными интересами, и потому революция, которая в Англии совершится так же неизбежно, как и в других странах, "будет начата и проведена ради интересов, а не ради принципов; лишь из интересов могут развиться принципы, т.е. революция будет не политической, а социальной"^{2/}.

Таким образом, непосредственное наблюдение реальных процессов, в том числе социально-психологических, побудило Энгельса существенно скорректировать свои прежние взгляды. Причем это уточнение оказалось шагом в сторону материализма. Дальнейшая эволюция Энгельса в направлении материализма, равно как и в сторону пролетарского коммунизма, самым непосредственным образом связана с проведением им конкретного исследования фундаментальной социальной проблемы — положения рабочего класса в Англии. Уже 20 декабря 1842 г. Энгельс направил из Ланкашира небольшую статью для "Рейнской газеты", которая так и называлась: "Положение рабочего класса в Англии" и содержала конкретный материал по данной теме. Но тема оказалась столь обширной, что он продолжал сбор материала с декабря 1842 г. по август 1844 г. О том, что это был за материал и каким образом он собирался, Энгельс хорошо рассказал в обращении "К рабочему классу Великобритании", открывавшем книгу "Положение рабочего

1/ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.1, стр. 498.

2/ Там же, стр. 503.

класса в Англии":

"Рабочие! ...Я достаточно долго жил среди вас, чтобы ознакомиться с вашим положением. Я исследовал его с самым серьезным вниманием, изучил различные официальные и неофициальные документы, поскольку мне удавалось раздобыть их, но все это меня не удовлетворило. Я искал большего, чем одно абстрактное знание предмета, я хотел видеть вас в ваших жилищах, наблюдать вашу повседневную жизнь, беседовать с вами о вашем положении и ваших нуждах, быть свидетелем вашей борьбы против социальной и политической власти угнетателей. Так я и сделал. Я оставил общество и званые обеды, портвейн и шампанское буржуазии и посвятил свои часы досуга почти исключительно общению с настоящими рабочими; я рад этому и горжусь этим"^{1/}.

Как видим, Энгельс использовал большинство тех методов, которые широко применяются и в современном конкретном социальном исследовании. Не имея возможности подробнее остановиться на данном круге вопросов, коротко отметим основные линии, по которым осуществлялось воздействие первого фундаментального конкретного исследования на развитие взглядов Энгельса.

Во-первых, в ходе этого исследования он окончательно становится на позиции пролетарского коммуниста, убежденного в том, что пролетариат — не только страдающий, но и борющийся класс, который сам добьется своего освобождения.

Во-вторых, собранные им многочисленные конкретные данные согласно убеждали его в том, что определяющую роль в жизни общества играют не идеи, принципы и т.п., а экономические отношения людей. "Живя в Манчестере, — вспоминал впоследствии Энгельс, — я, что называется, носом натолкнулся на то, что экономические факты, которые до сих пор в исторических сочинениях не играют никакой роли или играют жалкую роль, представляют, по крайней мере для современного мира, решающую историческую силу"^{2/}. Благодаря этому Энгельс окончательно

1/ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 235.

2/ Там же, т. 21, стр. 220.

переходит на позиции материализма.

Первое отчетливое выражение этого перехода мы находим еще до появления книги "Положение рабочего класса в Англии" — в статье "Наброски к критике политической экономии", написанной в конце 1843 — январе 1844 г. и опубликованной в журнале "Немецко-французский ежегодник". Маркс, являвшийся одним из редакторов журнала, не просто опубликовал эту статью, но и охарактеризовал ее в "Экономическо-философских рукописях" как оригинальный труд немецкого социалиста, критически занимающегося политической экономией; высокую оценку Маркс сохранил и впоследствии — например, в предисловии к "К критике политической экономии" назвал работу Энгельса гениальными набросками к критике экономических категорий. Более того, данная статья вообще оказала значительное воздействие на формирование взглядов Маркса, способствовал его повороту к экономическим проблемам. Маркс законспектировал ее и увидел в Энгельсе единомышленника, что окончательно подтвердилось во время их встречи в Париже, о которой упоминалось выше.

Текст книги "Положение рабочего класса в Англии" был написан Энгельсом в сентябре 1844 — марте 1845 г. в Германии, в родном городе Бармене, куда он приехал сразу же после встречи с Марксом. Вероятно, во время этой встречи Энгельс рассказывал новому другу о результатах своего конкретного исследования, и отражение этих результатов следует искать не только в работах самого Энгельса, но и в трудах Маркса, особенно в тех, которые были написаны им совместно с Энгельсом.

У.

За десять дней парижской встречи Маркс и Энгельс выработали план первой совместной работы — "Святого семейства". Энгельс даже успел написать свои разделы, а Маркс работал над книгой еще почти три месяца, в то время как Энгельс уже трудился над "Положением рабочего класса в Англии". Историки подметили, что "обе эти работы являются и результатом самостоятельного идейного развития каждого из авторов, и продуктом их идейного общения и совместного обсуждения воп-

росов... Анализ и материалы, данные в "Святом семействе" и в "Положении", друг друга дополняли и взаимно оплодотворяли"^{1/}. В плане интересующей нас темы это влияние обнаруживается в направленности "Святого семейства" против спекулятивного подхода младегегельянцев к анализу социальных проблем, в утверждении конкретного подхода к этим проблемам как единственно научного.

Сообщая Марксу в ноябре 1844 г. о ходе работы над "Положением рабочего класса в Англии", Энгельс коснулся только что вышедшей книги Штирнера "Единственный и его собственность" и в связи с этим охарактеризовал методологические принципы своего исследования: "Фейербаховский "человек" есть производное от бога, [Фейербах] пришел от бога к человеку, и поэтому его "человек" еще увенчан теологическим нимбом абстракции. Настоящий же путь, ведущий к "человеку", - путь совершенно обратный. Мы должны исходить из "я", из эмпирического, телесного индивида, но не для того, чтобы застрять на этом, как [Штирнер], а чтобы о него подняться к "человеку". "Человек" всегда остается призрачной фигурой, если его основой не является эмпирический человек. Одним словом, мы должны исходить из эмпиризма и материализма, если хотим, чтобы наши идеи, в особенности, наш "человек" были чем-то реальным; мы должны всеобщее выводить из единичного, а не из самого себя или из ничего, как Гегель.

... Во многом, что он говорит о Фейербахе, Гесс прав, но, с другой стороны, он, по-видимому, сохранил еще некоторые идеалистические повадки - когда он начинает говорить о теоретических вопросах, то всегда все сводит к категориям... Впрочем, вся эта теоретическая болтовня мне с каждым днем все больше надоедает, и всякое слово, которое еще приходится говорить о "человеке", всякая строка, которую приходится пи-

^{1/} Д.И.Робенберг. Очерки развития экономического учения Маркса и Энгельса в сороковые годы XIX века. М., 1954, стр. 170-171.

сать или читать против теологии и абстракции, а равно и против грубого материализма, раздражают меня. Совсем другое дело, когда вместо всех этих призраков... занимаешься действительными, живыми предметами, историческим развитием и его результатами. Это, по крайней мере, лучшее, что нам остается, пока мы вынуждены прибегать только к перу и не в состоянии непосредственно воплощать наши идеи в действительность, пуская в ход руки, а если это необходимо, и кулаки"^{1/}.

Нетрудно понять, что под занятием "действительными, живыми предметами" Энгельс имеет в виду свое исследование положения английского рабочего класса. Но тот же лейтмотив пронизывает и разделы "Святого семейства", написанные Марксом. Как и Энгельса, его раздражает теоретическая болтовня братьев Бауэров, глубокомысленно рассуждающих с предметом, которые они знают лишь понаслышке и потому даже не понимают действительного значения того, о чем говорят. Эдгар Бауэр, например, пишет: "Современный рабочий думает только о себе, т.е. он допускает, чтобы ему платили только как данному рабочему". Поскольку о действительных проблемах рабочих этот младогегельянец не имеет представления, то Маркс, подчеркнув слово "думает", возражает следующим образом: "По мнению критической критики все зло только в "мышлении" рабочих... Но эти массовые коммунистические рабочие, занятые, например, в мастерских Манчестера и Лиона, не думают, что можно "чистым мышлением", при помощи одних только рассуждений, избавиться от своих хозяев и от своего собственного практического унижения. Они очень болезненно ощущают различие между бытием и мышлением, между сознанием и жизнью. Они знают, что собственность, капитал, деньги, наемный труд и тому подобное представляют собой далеко не призраки воображения, а весьма практические, весьма конкретные продукты самоотчуждения рабочих и что поэтому они должны быть упразднены тоже практическим и конкретным образом для того, чтобы человек мог стать человеком не только в мышлении, в сознании, но и в массовом бы-

^{1/} I/К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.27, стр.12-13.

тии, в жизни"^{1/}.

Устремленность к конкретному анализу реальных, жизненных проблем составляет лейтмотив и таких специально-философских разделов "Святого семейства", как блестящая критика "тайны спекулятивной конструкции". Завершая эту критику, Маркс подчеркивает, что, хотя по видимости спекуляция свободно, из самой себя, творит свой предмет, в действительности она попадает в "рабскую подчиненность предмету, самые случайные и самые индивидуальные определения которого она вынуждена конструировать как абсолютно необходимые и всеобщие"^{2/}

Приведенные высказывания Энгельса и Маркса характерны также в том отношении, что во всех них потребность в конкретном анализе предмета так или иначе связывается с необходимостью изменения самого предмета. Эта связь отнюдь не случайна. Чтобы с успехом бороться за ниспровержение капиталистического общества со всеми его учреждениями, необходимо в деталях знать механизм функционирования этого общества, что, в свою очередь, требует сознательного отказа от каких бы то ни было спекулятивных построений и перевода теоретической работы на почву конкретных исследований.

"Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его"^{3/}, - резюмировал свои размышления Маркс весной 1845 г. Это значит, что задача теоретиков состоит не столько в том, чтобы объяснить существующее, сколько в том, чтобы научно обосновать возможность и необходимость его изменения, а для этого следует не ограничиваться сведением продуктов духовной жизни человека к их земной основе, как это делал Фейербах, но выводить их из этой эмпирической основы, что предполагает детальный ее анализ.

1/ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 2, стр. 57-58.

2/ Там же, стр. 67.

3/ Там же, т.3, стр. 4.

Первую попытку развернуто реализовать такую установку мы находим в "Немецкой идеологии", работу над которой Маркс и Энгельс начали в ноябре 1845 г. Наибольший интерес для нас представляет первая глава произведения, и именно в той последовательности основных ее частей, в какой они были написаны: сначала была написана вторая часть, затем - третья и четвертая, и наконец - первая^{1/}.

Маркс и Энгельс начинают со следующих положений: "Мы не станем, конечно, угрожать себя тем, чтобы просвещать наших мудрых философов относительно того, что "освобождение" "человека" еще ни на шаг не продвинулось вперед, если они философию, теологию, субстанцию и всю прочую дрянь растворили в "самосознании", если они освободили "человека" от господства этих фраз, которыми он никогда не был поработан; что действительное освобождение невозможно осуществить иначе, как в действительном мире и действительными средствами, что рабство нельзя устранить без паровой машины и моль-дженни, крепостничество - без улучшенного земледелия, что вообще нельзя освободить людей, пока они не будут в состоянии полностью в качественном и количественном отношении обеспечить себе пищу и питье, жилище и одежду"^{2/}.

Таким образом, с самого начала очевидна установка на конкретный анализ исторических процессов. И вслед за ней - другая, революционная: "... в действительности и для прагматического материалиста, т.е. для коммуниста, все дело заключается в том, чтобы революционизировать существующий мир, чтобы практически выступить против существующего положения вещей и изменить его"^{3/}.

1/ См. К.Маркс и Ф.Энгельс. "Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. /Новая публикация первой главы "Немецкой идеологии"/", М., 1966, стр.18.

2/ Там же, стр. 32.

3/ Там же, стр. 33.

Развивая далее первую установку, основоположники марксизма показывают, что если понимать вещи такими, каковы они суть на самом деле, то многие глубокомысленные проблемы, которыми занимается идеалистическая философия, находят свою основу в конце концов в некоторых эмпирических фактах. Таков вопрос об отношении человека к природе, равно как и проблема отчуждения. Марксу и Энгельсу теперь ясно, что отчуждение — это "социальная сила, т.е. умноженная производительная сила, возникающая благодаря обусловленной разделением труда совместной деятельности различных индивидов"^{1/}, и уничтожено оно может быть только при наличии определенных практических предпосылок.

Такая трактовка проблемы отчуждения с очевидностью демонстрирует, что с самого начала работы над "Немецкой идеологией" Маркс ощущает недостаточность своей прежней, общеподлинной философской трактовки и выдвигает на первый план конкретную, эмпирически осязаемую основу проблемы. В данном докладе нет возможности детально проследить дальнейший ход мысли Маркса и Энгельса, и потому мы сразу обратимся к заключительному этапу их работы над первой главой, т.е. к первой ее части. В первом варианте этой части они писали:

"Предпосылки, с которых мы начинаем, — не произвольны, они — не догмы; это — действительные предпосылки, от которых можно отвлечься только в воображении. Это — действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни... Таким образом, предпосылки эти можно установить чисто эмпирическим путем"^{2/}.

В докладе В.Ж.Келле хорошо раскрыто значение этих положений для конкретных социальных исследований. Мне остается лишь подчеркнуть, что, как показывает все предшествующее изложение, эти положения суть не просто продукт чисто теоретических рассуждений, а до известной степени вывод, обобщение

I/ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. "Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений.

/Новая публикация первой главы "Немецкой идеологии"/, М., 1966, стр. 44.

2/ Там же, стр. 22.

опыта конкретных исследований, проведенных самими Марксом и Энгельсом. Заключение о возможности чисто эмпирическим путем установить исходные предпосылки социологической теории было сделано лишь после того, как был накоплен некоторый опыт такого рода исследований. Именно опираясь на собственный /конечно, еще весьма ограниченный/ опыт проведения конкретных социальных исследований, а также на глубокое теоретическое осмысление этого опыта и обширного конкретного материала, почерпнутого у других авторов, Маркс и Энгельс с уверенностью заключили свою работу над первой гл.вой "Немецкой идеологии" следующими кардинальными положениями:

"Итак, дело обстоит следующим образом: определенные индивиды, определенным образом занимающиеся производственной деятельностью, вступают в определенные общественные и политические отношения. Эмпирическое наблюдение должно в каждом отдельном случае - на опыте и без всякой мистификации и спекуляции - выявить связь общественной и политической структуры с производством...

Там, где прекращается спекулятивное мышление - перед лицом действительной жизни, - там как раз и начинается действительная положительная наука, изображение практической деятельности, практического процесса развития людей. Прекращаются фразы о сознании, их место должно занять действительное знание"^{1/}

Уяснив это, Маркс и Энгельс всю свою дальнейшую жизнь и посвятили созданию действительного знания об обществе и борьбе за осуществление практических требований, вытекающих из этого знания.

^{1/} См. К. Маркс и Ф. Энгельс. "Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. /Новая публикация первой главы "Немецкой идеологии"/", М., 1966, стр. 30.

УІ.

Из сказанного можно сделать следующие главные выводы по вопросу о роли конкретных социальных исследований в формировании марксизма:

во-первых, конкретные исследования активно стимулировали переход Маркса и Энгельса от идеализма и революционного демократизма к материализму и пролетарскому коммунизму, равно как и переход к научной политической экономии;

во-вторых, проведение этих исследований способствовало синтезу различных, до того обособленных областей знания в качественно новое целое — научное мировоззрение пролетариата;

в-третьих, проведение конкретных социальных исследований служат одним из эффективных обоснований и вместе с тем выражений действительности марксистской науки, ее направленности на преобразование окружающего мира.

К.МАРКС О КЛАССАХ И КЛАССОВОЙ БОРЬБЕ

Известна великая заслуга К.Маркса в создании научной теории классов и классовой борьбы. Эти вопросы он формулировал и развивал (часто вместе с Ф.Энгельсом) в "Немецкой идеологии", "Манифесте Коммунистической партии", "Капитале" и многих других работах. Вместо существовавших до него взглядов на общество как на конгломерат перекрещивающихся и мало связанных между собой действий отдельных личностей К.Маркс утвердил подлинно научный взгляд на общество как на сложный социальный организм со своей внутренней структурой, включающей большие социальные группы людей. По словам В.И.Ленина, "бесконечно разнообразные и, казалось, не поддающиеся никакой систематизации" действия личностей К.Маркс свел "к действиям классов, борьба которых определяла развитие общества"¹⁾.

Маркс с присущей ему скромностью отмечал, что новое, внесенное им в теорию классов, сводится к трем основным положениям: во-первых, существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства; во-вторых, классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата; в-третьих, эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов.²⁾

В данной статье мы не останавливаемся на изложении всей марксистской теории о классах и классовой борьбе, а рассмотрим лишь некоторые основные вопросы теории классов в двух аспектах: в связи с проблемой перехода к бесклассовому обществу, а также с использованием наследия К.Маркса в конкретном социологическом анализе этих процессов.

1/ В.И.Ленин. Полн.собр.соч., т.1, стр. 430.

2/ См.К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 28, стр. 427.

I. Классы и эпоха

К.Маркс анализировал общественные классы в определенную эпоху — эпоху развития и расцвета капитализма, в основном применительно к середине XIX века. Он дал анатомию классов капиталистического общества в целом и вместе с тем анатомию классов именно этой эпохи. В связи с этим в буржуазной науке давно уже возникли и продолжают распространяться спекулятивные рассуждения о том, что марксизм будто бы устарел, если он и содержит правильные положения о развитии классов и классовой борьбе, то они применимы лишь к тому времени, на базе которого были сформулированы, то есть к XIX столетию, но не к современности, к XX веку.

Возникает вопрос, как мы должны относиться, с какой позиции подходить к подобной критике со стороны буржуазных идеологов и социологов в адрес К.Маркса, отбрасывая и отмечая, конечно, при этом всякую открытую клевету и извращения. Проще всего было бы сказать, что все, написанное К.Марксом по проблеме классов и классовой борьбы, верно и продолжает действовать безо всяких изменений. Но это было бы упрощением самого марксизма. К.Маркс и марксизм требуют, чтобы те выводы, которые делались на основе конкретных фактов, творчески развивались и обогащались на основе анализа новых конкретных фактов.

Другая крайность заключается в заявлениях о том, что важен и верен только сам метод, сам подход К.Маркса к анализу общественных явлений, например, классов. Используя этот метод к анализу современной эпохи, необходимо дать новое, адекватное знание, которое по содержанию будет новым, отличным от того, которое давал в свое время К.Маркс.

На наш взгляд, позиция в отношении наследия К.Маркса, в данном случае в вопросах теории классов и классовой борьбы, должна включать два момента. Во-первых, поскольку капитализм и ныне сохраняет свои существеннейшие черты и характеристики, постольку марксов анализ классов в условиях капитализма в основном и главном остается верным и для объяснения современных процессов развития классов и классовой борьбы. Это верная, проверенная временем марксистская теория, а не некое "частное знание", требующее решительного его пересмотра.

Во-вторых, важен и сам метод, подход, который К.Маркс применял при анализе классов. Он необходим для самого творческого развития именно марксистских (а не каких-либо иных, уходящих от марксизма) взглядов на проблему классов и классовой борьбы.

Следовательно, данное К.Марксом знание о классах применительно к определенной эпохе сохраняет не только огромную методологическую, но и большую теоретическую ценность, ибо оно во всех основных положениях и чертах точно и глубоко раскрывает содержание процессов изменения классов и классовой борьбы в эпоху империализма.

Сформулированная К.Марксом теория классов и классовой борьбы была существенно обогащена, развита В.И.Лениным и многими учеными-марксистами. Современные марксистско-ленинские взгляды на классы во всей сложности и глубине отражают новейшие процессы развития капиталистической действительности, новые явления в области социально-классовых отношений.

Более чем 100-летняя историческая практика блестяще подтвердила справедливость выводов К.Маркса об основных направлениях развития классов и классовой борьбы в условиях капитализма. Главный тезис К.Маркса о постоянном разделении, поляризации населения капиталистических стран на тех, кто связан с капиталом, и тех, кто связан с наемным трудом, неумолимо подтверждался на протяжении всего пути развития капитализма после К.Маркса.

Численность и удельный вес буржуазии сократились ввиду того, что капитал стал более концентрированным. Если в конце XIX - начале XX вв. буржуазия составляла более 5-7% самостоятельного населения развитых стран капитала, то сейчас - 1-2%. С другой стороны, удельный вес работников наемного труда (рабочих и служащих) достиг 65-90% занятого населения. Уменьшился удельный вес мелкой буржуазии, которая совмещает элементы труда и капитала. В середине XX века в США и Англии примерно 90-95% занятого населения делится на 1-2% капиталистов и 88-93% наемных работников. Во Франции, Италии, ФРГ 66-80% населения относится к двум подобным социальным группам.

Применяя марксистский метод к изучению социальной структуры современного капиталистического общества, можно выявить и объяснить направления дальнейших изменений в классах, на которые уже указывал К.Маркс и которые наиболее полно проявляются в течение последних двадцати лет. Укажем на следующие три таких тенденции.

Когда К.Маркс анализировал положение наемных тружеников, он всегда подчеркивал, что это именно непосредственные производители. Сейчас мы замечаем интересную тенденцию, которая только начала разворачиваться. Сложилась и растет группа конструкторов, инженеров, техников, квалифицированных рабочих, которая создает своим трудом не прямо товары и продукты на машинах, как это было раньше, а комплекс машин, автоматические агрегаты, которые в дальнейшем уже "без помощи человека" производят определенные товары. Здесь существенно меняется сам характер связи производителей с продуктом их труда. В данном случае образуется группа работников, создающих не прямо товары, а своего рода самопроизводящие машины, изготавливающие затем такие товары.

Второе важное направление специальных изменений также характерно для последних двух десятилетий. Раньше основная армия трудящихся в странах капитала была занята в материальном производстве. Теперь же идет их перемещение в сферу ду-

ховного производства и в сферу обслуживания. В США с 1963г. в сферах духовного производства и обслуживания занято более 50,3% населения по сравнению с 40% в 1957 г.

В-третьих, изменяется соотношение между работниками физического и умственного труда в сторону повышения удельного веса последних и вообще нефизического труда.

Эти процессы в период жизни К.Маркса только намечались, но он и тогда обращал на них серьезное внимание. Ясно, что все они налагают свой отпечаток на развитие классовых отношений в условиях капитализма, на проблемы единения трудящихся в классовой борьбе, на тактику и работу коммунистических партий.

2. Значение системного анализа для изучения классовой структуры общества

О системном анализе говорилось много. Хочется добавить, что у К.Маркса мы находим интересное указание о том, что при изучении социальной структуры общества необходимо широко применять системный анализ, понятия системных и несистемных элементов и т.д.

В работе "Теории прибавочной стоимости" К.Маркс обращает внимание на то реальное положение, что в конкретных капиталистических странах наряду с господствующими (причем в разной мере) капиталистическими существуют также иные формы производственных отношений. "Здесь перед нами выступает одна особенность, характерная для такого общества, в котором определенный способ производства является преобладающим, хотя еще не все производственные отношения данного общества подчинены этому способу производства"¹).

Иными словами, он указал на тот момент, что, рассматривая капитализм как определенную систему, мы находим в нем как элементы, вырастающие именно из данной капиталистической системы, так и элементы, которые привнесены в него из феодальной структуры и которые надо учитывать при анализе структуры общества и при моделировании его процессов.

1/ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 26, ч. I, стр. 417.

К.Маркс подмечает ту интересную диалектику, что существующие при капитализме несистемные элементы под воздействием капиталистических производственных отношений приобретает тот общественный характер, который уже неотделим от характера системных элементов. Он иллюстрирует это на примере мелкой буржуазии. На первый взгляд "это такие производители, производство которых не подчинено капиталистическому способу производства"¹⁾, ибо для них как бы не действует основной принцип капитализма - разъединения между капиталом и трудом. Но в таком мелком производителе в одном лице действует и капиталист и наемный рабочий, и потому само его развитие как мелкого буржуа строится из внутреннего взаимоотношения этих двух начал. Поэтому, заключает К.Маркс, "разъединение кладется в основу как определенное отношение даже и там, где в одном лице соединяются различные функции"²⁾.

Все это говорит о том, что вопросы системного анализа и его применения к анализу классов и классовой борьбы имеют большое значение. Но при этом нужно глубоко учитывать марксовскую диалектику соотношения системных и несистемных элементов, приобретения несистемными элементами характера системных элементов.

3. Классы в системе социального расчленения

Широкий анализ К.Марксом развития социальной структуры капиталистического общества дал ему возможность создать стройную теорию социального расчленения общества. Было бы упрощением думать, что марксизм рассматривает социальное деление общества только и исключительно как классовое деление. Наоборот, К.Маркс, Ф.Энгельс и В.И.Ленин всегда говорили о широкой, многосоставной системе социально-о расчленения общества. Ф.Энгельс указывал на "социальное расчленение общества на бесчисленные, бесспорно всеми признанные градации..."³⁾. В чело-

1/ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.26, ч.1, стр.417.

2/ Там же, стр.419.

3/ Там же, т.37, стр.210.

веческом обществе, по словам В.И.Ленина, существует множество делений, причем "критерий различения" групп "можно видеть и в явлениях религиозных, и этнографических, и политических, и юридических и т.п."¹).

Но нельзя антинаучно впадать в обретенную крайность, когда признается система социального расчленения, но она мыслится... без классов. Это характерно для буржуазных теорий социальной стратификации, где центральным элементом объявляется слой (стратум), а не класс. Если же буржуазные социологи и употребляют термин "класс", то они низводят его всего лишь до одной из форм слоя, приравнивая к касте, статусу и т.п. По словам Р.Ч.Хинкла мл. П.А.Боскова, социальная стратификация выражается прежде всего "в понятии социальных слоев, различные формы которых были названы "социальными классами", "положением" и "кастами"²).

Система социального расчленения общества носит сложный характер, в ней немало аспектов и срезов, и поэтому интерес представляют замечания Ю.А.Левады о трех аспектах социальной структуры общества: функциональном, организационном и активистском, деятельностном.

Действительно, в подобных срезах выступает общественный организм. Но когда мы говорим о системе социального расчленения общества, мы имеем в виду именно систему социального неравенства (с центром - классовым неравенством), которая вырастает из конкретных исторических условий - из частной собственности и основывается на ней. Если же говорить о трех срезах - функциональном, организационном и активистском - то они действуют в любом обществе. Начало этих аспектов есть уже в первобытном обществе, хотя там нет социального неравенства и классов. Будут эти аспекты и при коммунизме. Это, безусловно, не значит, что их не следует изучать. Но надо поду-

1/ В.И.Ленин. Полн.собр.соч., т.1, стр. 428.

2/ См.Г.Беккер.П.А.Босков (ред.). Современная социологическая теория. М., 1961. стр. 417.

мать, стоит ли включать данные три среза в понятие социального расчленения, социальной структуры.

Фактически все эти срезы касаются не столько структуры, сколько действий людей, и относятся они не столько к проблемам социальной структуры, сколько к проблемам социального действия. Мы не касаемся того, что о подобных аспектах много говорят буржуазные функционалисты, прежде всего Т. Парсонс, именно таким путем рассматривающий прежде всего понятия социальной системы и социальной структуры. От этого не исчезает нужда в серьезном марксистском анализе социального поведения и социальных действий людей. Но при анализе этих явлений нужно проводить четкое методологическое разграничение, отделять социальную структуру как структуру социального неравенства от проблем социального поведения и действия вообще, не подменять одно другим, не растворять проблему первой социальной важности, проблему остро-антагонистическую, классовую в рассуждениях о функциях и поведении вообще.

Марксистская теория социального расчленения исходит из того, что "дифференциация" общества, разделение целого на части выступает как важнейшая закономерность общественной жизни, служит основой складывания системы социального расчленения. К. Маркс и Ф. Энгельс показали, что, с одной стороны, система дифференциации выступает как проявление социальной сущности человека. Человек не может не выступать иначе как разделенный, дифференцированный на мужчину и женщину, молодого и старого, в области разделения труда и т.д. С другой — расчленение выступает как социальный продукт конкретного состояния производственных взаимоотношений людей, неравного места людей в системе производственных отношений, возникшего на базе частной собственности. Под влиянием этого социального неравенства социальные формы, неравенства приобретают и непосредственные формы дифференциации, например, на мужчину и женщину и т.д. Такие виды делений приобретают форму социального неравенства и вместе с делением людей по месту в производственных отношениях составляют сложную систему

социального неравенства в капиталистическом обществе.

Во всей системе социального расчленения центральным элементом является классовое расчленение, деление на классы. Это "классовое расчленение современного общества"¹⁾. Вместе с тем К.Маркс, Ф.Энгельс, В.И.Ленин глубоко разрабатывали понятия других важных составленных элементов социального расчленения - социального слоя, социальной группы.

Классы - слои - группы - таковы в своем взаимоотношении и соподчинении основные элементы социального деления общества, где имеется социальное неравенство антагонистического или неантагонистического типа.

Для измерения всех этих компонентов социальной структуры важное значение имеет четкость методологических установок, единство применяемых социальных признаков. Необходим перевод общих классовых, социальных критериев в систему таких конкретных критериев и их комплексов, индексов, с помощью которых можно было бы успешно измерять и оценивать меняющуюся социальную позицию человека в обществе. Интересные предложения по конкретным инструментам замера социального положения рабочих высказал О.И.Шкаратан. Много недостатков существует в тех приемах, с помощью которых при переписях населения определяется социальная принадлежность людей. Это фактически не замер их реальной социальной позиции, по которому уже затем можно распределять население по социальным группам, а отнесение человека по прямолинейному ответу в заранее определенную социальную группу.

Все это требует дальнейшего творческого развития марксистско-ленинской теории социального расчленения, теории классов и классовой борьбы.

Наследие К.Маркса по проблемам классов и классовой борьбы по содержанию огромно и богато. Его необходимо глубже изучать, систематизировать недостаточно известные взгляды и поло-

1) В.И.Ленин. Полн.собр.соч., т.2, стр. 481.

жения. Марксовское наследие исключительно ценно как в отношении метода анализа классов и классовых отношений, так и в отношении теоретических концепций о классах, подтвержденных практикой 100-летнего исторического развития и обогащенных В.И.Дзениным и современными марксистами.

СОДЕРЖАНИЕ

	К.Маркс - основоположник научной социологии	I-XIII
1. А.М.Румянцева	К.Маркс и проблемы разви- тия социалистической куль- туры	I
2. Н.А.Замонкина	Карл Маркс: социология и проблемы идеологической борь- бы на современном этапе	28
3. В.Б.Келле	Проблемы общесоциологической теории у Маркса	55
4. Н.С.Коя	К.Маркс и проблема освобож- дения личности	64
5. Д.А.Левада	Некоторые проблемы систем- ного анализа общества в науч- ном наследии К.Маркса	75
6. Н.Н.Лалин	Роль конкретных социальных исследований в формировании марксизма	85
7. В.С.Семанов	К.Маркс о классах и классовой борьбе	115

Редактор - Э.Е.Цейтлин
Корректор - О.В.Штанина
Художник - Б.И.АСТАФЬЕВ

Подписано к печати 17.УП.68 г. Т 00942
заказ 104 , 6,5 л.л. тир. 980 экз.

Ротапринт Института конкретных социальных
исследований АН СССР

56 к.